

The book cover features a woman in a dark, strapless corset with lace detailing, posing with her hands behind her head. The background is a dramatic scene of a city, likely Atlantis, engulfed in flames and smoke. In the foreground, there are stylized, swirling flames in shades of yellow and orange. The title 'Crazy Flame' is written in a stylized, italicized font at the top.

Crazy Flame

Пламя Атлантиды

Книга первая

Приквел к роману "Месть Атлантиды".

"Пламя Атлантиды" можно читать как до, так и после "Мести Атлантиды"!

Мог ли он, солдат удачи и по совместительству — археолог-исследователь, предположить, чем закончатся очередные раскопки по следам погибшей Атлантиды?

Открытие временного портала переносит его в далекое прошлое — в эпоху расцвета древнейшей цивилизации, где царит матриархат, и правит прекрасная, но беспощадная императрица-матриарх Лаэртия.

Она бескомпромиссна и беспощадна. Она управляет железной рукой, стирая в завоеваниях города и цивилизации, расправляясь с врагами и низвергая роль мужчин до участи бесправных рабов.

Кто она? Диктатор, лишенный сердца, или пылкая, любящая женщина, в которой он один сумел разжечь огонь обоюдной страсти? Пламя всепоглощающего чувства навсегда изменит историю этого мира.

Атланта — древняя империя Атлантида.

Алессия — столица Спаркалии.

Антал — верховное божество Атланты. Согласно легенде, в стремлении создать идеальный мир благословил матриархальный уклад правления и отметил печатью благосклонности каждую из правящих женщин империи.

Астропеус — священный цветок. Символ империи Атланта. Выглядит как орхидея, только в несколько раз крупнее. Цветет круглый год, чаще всего красным и белым цветом.

Амбитадор — посол мира. Ког

да во время военных действий к тебе приходит амбитадор, военные действия прекращаются на момент переговоров. Нанесение оскорблений или ран послу в этот момент недопустимо.

Аэдин — верховный Бог Земли Белого Безмолвия.

Ардены — племя, проживающее на землях Атланты, независимые кочевники.

Зима — условное название года

Земли Белого Безмолвия — предположительно, территория современной Норвегии.

Заокеанарум — неизведанная земля, лежащая за океаном.

Оциллы — племя лесных охотниц.

Кассиопея — патриархальная империя, уступающая Атланте по силе военной мощи, но претендующая наравне со Спаркалией на мировое господство. Считалась главным экспортером слез пустыни.

Криспида — Богиня любви, справедливости, страсти, плодородия и чувственности, сестра Бога Антала.

Лакедон (Лаки в Кассиопее) — Бог подземного царства.

Лассирия — независимая республика в составе Атланты. Со временем была захвачена Кассиопеей, а после отбита войсками матриарх Элики Бессердечной. Славится прекрасным шелком.

Матриарх — титул правительницы империи Атланта.

Матриарх Изменчивых Вод — Богиня морской стихии и дождя.

Мера масла — час. За это время капли масла перетекают из клепсидры в подобие песочных часов.

Масляные капли — минуты.

Пантеры — боевое подразделение амазонок — атланток. Подчинены матриарх и являются самыми выносливыми воительницами в империи.

Пурпурная лента — мера наказания. Применяется исключительно к мужчинам. Приговоренные к пурпуру становились на сутки развлечением для всех без исключения женщин империи, кто пожелает воспользоваться распятым на дыбе узником.

Печать благосклонности — особое расположение богов и/или правящей элиты.

Совет Десяти — аналог парламента в Атланте.

Солнечный круговорот — сутки. В то время равнялись двадцати трем часам и получили свое название от оборота солнца вокруг земли (согласно их поверью).

Слезы пустыни — алмазы. Ценились как ювелирный камень, так и в науке, в частности благодаря преломлению света.

Спаркалия — патриархальная империя, славившаяся своей военной и политической мощью и не уступающая Атланте в уровне развития.

Тулинария — управляющая транспортными вопросами в Атланте.

Хронос — верховное божество времени. По поверью, может изменять пространство и время. Его имя произносится одинаково для каждой империи, а образ присутствует во всех религиях Древнего Мира.

Фебус — луна.

Фиакрон — крытая повозка, запряженная лошадьми.

Осколки разрушающей боли, холодным ледяным потоком по напряженным мышцам, так неумолимо, но все же, подвластно железной воле беспощадной матриарх.

Пожар негасимого желания. Останься, не смей, нарушь эти правила, кто их придумал? О боги, зачем вы послали мне это испытание тогда, когда я уверовала в свое абсолютное счастье, раз и навсегда, только с ним и в его объятиях?!

Обреченность? Покорность воле неумолимого фатума? Нет. Горячие усилия, диктат врожденного всевластия над обжигающей болью, ибо не умела она никогда по-иному. Долг. Судьба. Рок. Не ей играть в игры, презрев волю богов. Не ей решать судьбу иной параллели.

Пространство преломлялось — легкая зыбь, неуловимое колебание с косыми вспышками голубых разрядов за спиной мужчины, который замер напротив в позе Хищника, готового к прыжку. Ни один мускул не дрогнул на его волевом лице, лишь зеленые глаза сменили окрас, наливаясь темным янтарем. О, она прекрасно знала, что это означает. Боль. Боль, которая гораздо страшнее агонии от физических истязаний.

Боль внутри. Она во всем. В гордой осанке так и не состоявшегося воина-правителя. Е напряженных мышцах с переплетением вздувшихся сеточек выпирающих на полотно загорелой кожи. В изломе тонких чувственных губ, которые пытались скрыть бушующий внутри огонь нежной улыбкой.

И только она не могла обмануться этим. Знала, стоит ей дать слабину, улыбнуться в ответ — навсегда будет проклята богами, ибо не смогут они нарушить извечный запрет неумолимого Хроноса. Потоки времени невозможно обратить вспять. Несколько солнечных круговоротов их замкнутого счастья можно любить друг друга и не расставаться ни на миг, и это до тех пор, пока разгневанный Бог времени не разрушит великую Атланту небесным огнем. Пророчество неумолимо, как и боги, которые поставили матриарх перед столь тяжелым выбором.

Ветер усиливался. О, она прекрасно знала, что это означает. Последние мгновения, даже не капли масляной меры, нет. Голубые разряды, вихрь неумолимой неизбежности.

Он сделал шаг навстречу ей. Женщина инстинктивно вытянула вперед руку, словно некая сила могла уберечь этого мужчину от фатального шага.

— Дмитрий, нет. Не смей противоречить воле Антала. Не касайся моей кожи!

Его губы шевельнулись. Казалось, даже ветер его не услышал. Но она — услышала. Ощутила внутри набатом беспощадного звона.

«Лаэр...»

Верни меня. Не позволяй уйти. Моя жизнь утратит смысл без тебя. Услышь меня, сделай что-нибудь, ты ставленница Антала, неужели это так мало значит?!

Это не значило ровным счетом ничего. Это играло сейчас только против них.

— Прощай. Помни меня. Выбора нет!

— Лаэр, выбор есть всегда!

— Я не позволю тебе разрушить наши миры. Ты видел, что ожидает их, если останешься.

Он видел, знал, но так упорно гнал изображение расколотых руин с диктатом кошмарной тьмы в том, что было его настоящим... и ждало его там, по ту сторону мерцающего портала между двумя измерениями.

— Позволь обнять тебя.

— Нет. Ты знаешь. Прощай!

Порыв ветра подхватил край алой накидки матриарх Атланты. Он усиливался, предвещая скорую грань хаоса и невозврата.

— Я закрою глаза. Прости... ты знаешь! Так надо!

Гулкие удары сердца. Тьма с пробирающим холодом и порывами усиливающегося ветра. Только голубые яркие вспышки резали тьму ее зажмуренного взора.

Один... Помни меня такой, какой не желал бы знать никогда!

Два. Прими мою власть и неизбежность всей той боли, что пришлось тебе пережить в моих руках!

Три. Знай, что я никогда не устану благодарить богов за то, что встретила тебя!

Четыре... Я люблю тебя, Дмитрий Иноземный, и я останусь с тобой, в твоём сердце, до тех пор, пока не перестанет биться моё собственное!

Пять...

«Лера!»...

Чужое имя. Последний вскрик без сдержанности, агония боли расставания.

Угасающий ветер.

Полторы зимы самого светлого чувства!

Закрылся, испарился, захлопнулся портал в иное измерение. Словно и не было его никогда.

Так было необходимо. Жертва во имя будущего и настоящего была принесена.

Ни единой слезинки не скатилось по лицу матриарх Лаэртии Справедливой, но холод и печаль навсегда поселились в её сердце. Гордая стать королевы самых великих земель не согнулась под волей рока. Пелена серых облаков разошлась, и вновь выглянуло солнце, заигрывая с гранулами слез пустыни в высокой тиаре в волосах женщины.

«Я буду любить тебя всегда!» — прошептала она, захватив в кулачок воздух и поднеся его к губам, целуя след его присутствия и отпуская навсегда.

Прошло довольно много времени, прежде чем на её плечо легла ладонь прекрасной темноволосой женщины. Если бы не присутствие верной подруги и соратницы, Лаэртия никогда бы не смогла проявить железную волю и отпустить мужчину, которого полюбила всем сердцем впервые в жизни.

Латима ободряюще улыбнулась, словно подтверждая правильность действий королевы. Обнявшись, они вместе проследовали к лесной поляне, где их ожидала золоченая колесница, запряженная двумя кобылами вороной масти.

— Ты не сказала ему? — спросила темноволосая воительница, скидывая арбалет с плеча к своим ногам на дно колесницы.

Лаэртия накрыла ладонью низ живота и тепло улыбнулась. Дочь и сын, великий Антал не стал томить её ожиданием неизвестности, послав светлый сон.

— Нет, Латима, — и, подумав, тихо добавила: — иначе бы он никогда не вернулся в свой мир...

Последний росчерк, финальный штрих, завершающий аккорд — уверенное движение руки по темно-синей плоскости грифельной доски меловым маркером, последнее сцепление двух завершающих векторов — и вот под ладонью оживает схематичная графическая 3D-панорама изогнутых линий, трансформировавшаяся рукой художника в переплетение акведуков, соединивших материк и остров лучами-перешейками транспортного и пешеходного сообщения. Лучеобразные росчерки от фантазийной реконструкции вероятного дворца до схематичных строений окружающего города — рисунок завершен, и на его создание ушло не более трех минут.

Мужчина окинул свою работу критическим взглядом на предмет любой вероятной неточности, разомкнутой линии или недостоверной пропорции и, удовлетворившись результатом, повернулся к затихшей от любопытства аудитории.

— О, это «Звездные Врата»! — донесся саркастический комментарий с дальнего яруса, спровоцировав волнообразные смешки и свист других студентов. — Вы покажете нам сериал, да? Можно со второго сезона?

Дмитрий Савичев, профессор истории и археологии, магистр Академии Наук (как часто при упоминании этого статуса ученые мужи роняли челюсти, соизмерив возраст и достижения!), благодушно улыбнулся без труда вычисленному возмутителю спокойствия и склонил голову набок.

— Именно так чаще всего изображают архитектуру величественного древнего государства Атлантиды в источниках научной и художественной литературы, а в последнее время, как мне услужливо подсказывает молодой эксперт, и в кинематографе. Но каждый раз за основу берется универсальная модель исторической реконструкции. Откуда берет свое начало уверенность в достоверности этой модели?

Если брать отправной точкой труд Платона, — полагаю, он в представлении не нуждается, — первые упоминания встречаются в этом описании. Что касается самого описания... На данный момент в научных кругах он считается либо полностью вымышленным Платоном философским мифом, либо — мифом, сочиненным на основе смутных воспоминаний о какой-то древней катастрофе, предположительно, извержении вулкана Санторин в середине XV в. до н. э. При этом, в околonaучных кругах Атлантида является излюбленным предметом для самых разнообразных, необыкновенных и совершенно фантастических гипотез. До сих пор не затихают споры на предмет того, чем же являлся труд древнего философа — научной работой или же художественным приключенческим бестселлером. Вот, к примеру, как столь популярные легенды о вампирах и ликанах.

По аудитории прокатилась волна сдавленного смеха — такой микс недоверия и расслабления, прелюдия к новому этапу — установлению взаимоуважительного контакта с новым преподавателем, о котором наверняка изначально зародились страшилки и легенды, мало соответствующие действительности. Дмитрий ослабил узел галстука, не препятствуя проявлению пока еще прикрытых эмоций со стороны студентов, доказывая своей добродушной невозмутимостью правильность их представлений.

— Современный ученый мир разделился на два противоположных лагеря, — дождавшись прекращения гула голосов и сдержанного смеха, продолжил Савичев. — Приверженцы Платона находят все новые доказательства реальности существования Атлантиды. А противники не обращают на них никакого внимания, практически голословно заявляя, что Атлантида — это миф.

— А как считаете вы? — студентка в очках в тонкой оправе быстро отложила ручку, законспектировав последние слова. Савичев мысленно поздравил себя с победой, хотя в том, что касалось женской половины группы, его доводы и манера изложения материала имели второстепенное значение. Они готовы были слушать его открыв рот, даже если бы преподаватель начал излагать квантовую механику.

— Я опираюсь на результаты научных открытий. Что же касается философов древности — Платон был совершенно уверен в существовании могучего царства атлантов, которое процветало на острове в Атлантическом океане, затонувшем девять с половиной тысяч лет до нашей эры. Источником информации был его прадед, Критий. Он, в свою очередь, узнал эту историю от своего деда, которого звали тоже Критий. Ему про Атлантиду рассказал большой друг и родственник его отца, Солон — «первый из семи мудрецов». Ну, думаю, маркетологи и будущие стратеги со мной согласятся в одном: правильный пиар способен сотворить чудеса даже вне времени!

Студенты снова засмеялись уже раскрепощеннее и свободнее. Яркая брюнетка, сидевшая в третьем ряду в окружении двух подруг, словно сошедших всей троицей со страниц глянцевого Vogue, манерно, нарочито медленно подняла руку. На безымянном пальце засверкали камни перстня, по блеску которых можно безошибочно определить «слезы пустыни», как их, согласно найденным источникам, называли древние атланты. Иначе говоря — бриллианты.

Ничего вроде бы не изменилось, но по слегка сместившейся полярности в аудитории Савичев все понял — так всегда случается при активности неформальных лидеров в любой социальной группе.

— Дмитрий Сергеевич, — протянула девушка, вложив нотку замаскированного ироничного презрения в произношение имени. — А вы можете объяснить, как нам вся эта древность пригодится в менеджменте и управлении бизнесом?

Кто-то засмеялся, кто-то саркастически хмыкнул, а крепкий парень в футболке с национальной символикой и медальонами на цепях, явно соблюдающий имидж местной звезды рэпа, начал стучать кулаком о поверхность парты, отбивая бит.

— Беспал, пойдешь в большой бизнес по трупам, начиная с нуля, учение древнего Платона про маньяков-атлантов верной дорогой направит тебя!

Савичев дождался, пока утихнет очередная волна смеха. Итак, неформальный лидер, по крайней мере, один из них, определен. Негласное правило успеха и популярности любого преподавателя: хочешь, чтобы твоим предметом заинтересовались — выяви главного лидера в коллективе и сумей заинтересовать его. Вычисли психотип вожака, разбей его на составляющие, примени систему комплексного подхода, и к тебе вслед за ним прислушаются все без исключения.

Девушка была яркая, стильная, самоуверенная, явно любящая повышенное внимание к своей персоне. И лишь большие глаза редкого зеленого оттенка, казалось, скрывали в себе печать недавней трагедии, от чего ее показательная бравада вызывала отнюдь не раздражение, а совсем противоположное желание — выслушать, попытаться понять и

успокоить, если это в его силах. В свои неполные 38 лет он умел очень хорошо разбираться в людях.

— Вам не интересна тема нашей лекции? — с улыбкой экранного героя профессор сократил дистанцию между ними, захватив своим взглядом ее глаза. — Неужели монотонная скука сухого лекционного материала по ИТ-технологиям и основам менеджмента нравится вам больше?

Студентка прикусила губу и поспешно отвела глаза.

— Да я просто не понимаю, зачем нам в программе обучения «Культура Древних Цивилизаций». Хотя, соглашусь с вами, в сон меня пока не клонит, — взяв себя в руки, девушка скрестила пальцы в замок и склонила голову набок в завуалированном стремлении произвести впечатление. — К тому же, нет никаких подтверждений, что они вообще существовали!

— Это спорный вопрос, отчасти я могу с вами согласиться. Просто мне показалось, вы возражаете против этой дисциплины как таковой!

— Она просто терпеть не может имя «Дмитрий»! — с видом открывателя андронного коллайдера воскликнула сидящая рядом блондинка, восторженно ударив в ладошки. — А вы и вправду очень интересно рассказываете про этих... как их... Антантов!

Савичев дождался прекращения очередного массового приступа смеха, примирительно подняв ладони.

— Возможно, вы просто не знаете значения этого имени? — Он был настроен завоевать расположение лидера, чтобы иметь возможность продолжить рассказ о своем увлечении, которое трансформировалось со временем в ученые степени и славу первооткрывателя тайн древней истории. — Это, кстати, тоже довольно древнее имя, означающее «посвящённый богине Деметре». Деметра — древнегреческая богиня земли и плодородия, поэтому имени «Дмитрий» часто дают значение «земледелец».

— Что ж мне так не повезло, вместо земледельца... — девушка прикусила губу, видимо, любопытство пересилило.

— В целом, если верить специалистам, каждый раз, когда вы узнаете, что ваш новый знакомый носит имя «Дмитрий», найдите, что перед вами стоит необычайно добрый, активный и имеющий волю к жизни человек. Информация, кстати, звучала не на правах рекламы.

— Добрый? — Ресницы брюнетки дрогнули, и она посмотрела на него, как на свалившегося с луны инопланетянина. Савичев счел нужным не продолжать разговор, который рисковал выйти за приватные рамки.

— Но ведь я же не поставил вам двойку за неуважение к моему предмету.

— А вы не спешите, мне все равно через пару дней изменят в журнале фамилию.

— Примите мои поздравления, ему несказанно повезло, — теперь стала понятна демонстрация обручального кольца, а разговор, таким образом, перешел в безопасное русло. К тому же, сидящая по правую руку от возмутительницы спокойствия подруга перехватила инициативу, избавляя от необходимости потери ценных минут на завершение разговора в дипломатическом ключе.

— По мне, рассказы Платона — плагиат сведений, возможно, достоверных, что тоже вызывает определенные сомнения, — со скучающим видом протянула она. — Ведь, насколько я могу помнить из лекций по философии, в основу его произведения легли записи египетских жрецов на колоннах в храме Саиса, описывающие затонувшую морскую державу.

Он просто передал слова другого автора, присвоив идеи.

Аудитория притихла, как показалось Савичеву, от удивления. При всем своем напускном пофигизме, третья красавица использовала все свое оружие, чтобы поразить привлекательного преподавателя интеллектом.

— Продолжайте, — Дмитрий сделал приглашающий жест ладонью к трибуне.

— Эллада Алиева, — расставила точки над «и» девушка, кивнув на ведомости, лежащие на столе. Эта точно своего не упустит. — Я, собственно, что хочу сказать... Тема интересная. Отвлекает от стратегии информационного маркетинга! Так вот... Мне очень близка теория о том, что развалины великой цивилизации ныне погребены под толстым слоем льдов Антарктиды. Две другие версии... Саргассово море? Мы помним его по Беляеву и роману «Остров погибших кораблей». Опирайтесь на факт того, что миграция угрей говорит о генетической памяти, инстинкте стремления к суше — лично мне эта теория кажется притянутой за уши. Бермудский треугольник... Полноте, что о нем известно? Какие подтвержденные факты? Да, это красивая версия... и там теплее! Но тут немаловажную роль играют исследования. Имеются четыре древние географические карты Антарктиды, дошедшие до наших дней. Они являются копиями, снятыми с куда более ранних копий, которые, в свою очередь, были сняты с еще более ранних, древних копий, которые опять-таки были сняты с еще более древних... четко прочерчены на картах горы и реки, а также вся береговая линия континента, имеющая крайне сложный рельеф. На двух картах четко прочерчена и береговая линия Южной Америки.

И заметьте, совсем недавно, в результате геодезической приборной разведки, производившейся с самолетов, удалось установить очертания берегов Антарктиды! Они под толщей векового льда, но новые технологии практически всемогущи. Выяснилось, что на тех четырех невероятно древних картах сложные очертания берегов континента прорисованы с абсолютной точностью! Значит, карты были составлены во времена, предшествовавшие началу обледенения Антарктиды. Дальше... а дальше я в процессе изучения... вашего труда, профессор.

В аудитории повисла тишина. Долгая, продолжительная, после которой все взгляды переместились с эффектной студентки на трибуну к преподавателю. Савичев был удивлен не меньше.

— Вы меня раскрыли. Действительно, это моя научная работа. Я приятно удивлен.

— Я думала, это совпадение, — пожала плечами девушка. — Пожалуй, больше нечего сказать... только строить предположения!

— Возвращайтесь на место, — отметив галочку напротив ее фамилии в ведомости, согласился профессор. — И, кстати, я сторонник автоматических зачетов. И первый кандидат у нас уже есть. В планах — несколько семинаров, открытых обсуждений, также, если будет интересно, можем заняться исторической реконструкцией. Рефераты приветствуются.

Звонок прозвучал аккуратно с повисшей в конце предложения паузой. Но студенты, особенно их прекрасная половина, не спешили расходиться. Миг — и Дмитрий обнаружил себя в плотном оцеплении студенток.

— А где можно прочитать ваш труд?..

— А вы не могли бы дать нам список литературы по дисциплине?..

— А вы действительно присутствовали на раскопках и все видели своими глазами?..

— А правда, что там царил жестокий патриархат, и женщины не имели права голоса?

Не хватало, пожалуй, только «а вы женаты?» и «что вы делаете сегодня вечером», но эти невысказанные вопросы повисли в воздухе не озвученными, зависшими на уровне недопустимой ментальности. Все женщины реагировали на него именно так, удивляться не приходилось. Совокупность качеств мужественного и сексапильного альфа-самца, прозванного в научных кругах «Индиана Джонс», невозможно было не считать заложенными в каждой женщине инстинктами поиска достойного представителя для продления рода. Примитивно — зато раскрывает суть феномена такой необъяснимой симпатии лучше любого научного трактата.

Его жизненный путь был неразрывной цепью побед и поражений, открытий и тайн. Как бы сказали древние философы — путь воина и мудреца. В отличие от других, Дмитрий Савичев всегда знал, чему именно будет посвящена его жизнь. Научные открытия? Детские стремления воплотились в реальность так быстро, что он сам до конца не мог в это поверить. Тяга к победам и противостояниям? Сомали. Сектор Газа. Локализация гражданского конфликта в одной из дыр цивилизации Латинской Америки. Майор элитного спецназа мирового уровня с уровнем IQ, равным 199 баллам, находка для любой контрразведки. Он и сам не знал, что же тянет его больше — наука или азарт войны. Эти две сущности не боролись внутри, скорее, перевешивали чаши весов время от времени — как и в этот раз, когда он сделал выбор между пока еще относительно мирным Донбасом и тихой гаванью преподавательской деятельности.

Семестр продлится полгода, ровно до следующего витка спирали устремлений, когда станет проблема выбора — адские круги разрушительных войн, миротворческие функции воинственного архангела среди разрушительного хаоса — или же путь новых открытий, которые, он всегда знал, уже близки и ждут малого: только чтобы он водрузил желто-синий флаг своей страны на пьедестале очередного научного свершения.

Две такие разные крайности, поражающие своей яркой многогранностью. Он любил их обе, поддерживая пламя на высоком уровне. Ежедневные тренировки — восточные единоборства, тир, полигон — менялась только их интенсивность. Отслеживание всех научных открытий, тонны материалов и любых нововведений в научном мире. Казалось, в комплексе это все выдержать невозможно. «Начни заниматься любимым делом, и тебе не придется работать ни дня в своей жизни» — он был воплощением этих крылатых слов во всех смыслах в силу своей самодостаточной сущности. Улыбка фортуны? Печать избранного? Можно было просто ощущать себя самым счастливым человеком, не задумываясь о деталях. Говорят, когда ты увлечен настолько сильно, тебе улыбается сам мир.

Мало кто достиг такого в жизни к 38 годам. Он никогда не анализировал феномен собственных успехов. Все было просто — следуй зову своего сердца в выборе дела жизни, и оно никогда не обманет.

Факультет истории и антропологии. Диссертации — первая из них увидела свет, когда ему едва исполнилось двадцать лет.

Его добровольное зачисление в ряды контрактной армии тогда удивило весь научный мир, который мысленно попрощался с очередным молодым дарованием в сфере исторических наук, а он поразил их всех, вернувшись после двухгодичной стажировки в элитных спецвойсках — возмужавший, уравновешенный, с набором смертельных знаний, которые запрещала разглашать особая директива. Те, кто готов был списать его с орбиты исторической науки, испытали новый шок после выхода очередной научной работы, которая прогремела далеко за пределами Украины.

... Вырваться из оцепления восторженных студенток удалось с трудом. Он привык к такому повышенному женскому вниманию, преодоление пятидесяти метров академического коридора тоже не прошло незамеченным — застывали соляными столпами не только юные прелестницы, но и прекрасная половина преподавательского состава, встреченная по пути. Савичев благосклонно позволял оценить рельефные переплетения собственной мускулатуры, которые не скрывал дорогой костюм Armani, царскую осанку незавуалированного хищника и располагающую улыбку. Когда за ним закрылась дверь деканата, он едва сдержал вздох облегчения — ощущение сотни интимных прикосновений не исчезало, бурлило в крови подскочившим тестостероном.

В это время в просторном помещении кафедры было пусто, — у многих преподавателей лекции подошли к концу. Задержалась только Алла, декан факультета — потрясающая женщина без возраста, богиня и роковая угроза для студентов. Если есть эталон понятия «леди», она соответствовала ему в полной мере.

— Дмитрий! — Женщина сняла тонкие очки в платиновой оправе и, опустив крышку ноутбука, поднялась ему навстречу. — Ну, с боевым крещением тебя, как любят говорить мои студенты!

Савичев тепло обнял давнюю знакомую, отменив ее безупречный стиль и подтянутую фигуру. Как только эту женщину не называли за глаза студенты: и «Дьяволица», и «графиня Батори», и «Миранда Пристли», но не восхищались ею только единицы.

— Алла, я отдохнул душой. Говоришь, самая лучшая группа на потоке?

— Я бы тебя в другую и не направила! — Профессор информационного маркетинга сделала королевский жест в сторону стола. — Садись, выпьем чаю. Или что-нибудь покрепче?

— Помилуй, я за рулем. Плюс у меня пристрелка через час.

— Когда-нибудь попрошу взять меня с собой. Ну, как впечатления? Есть фавориты среди моих подопечных?

— Я и не знал, что они настолько преданы тебе и маркетингу! Но ты права, одной юной леди удалось меня удивить.

— Ай-яй-яй, Дима. Осторожно, современные студентки совсем не те, что были во времена нашей юности! — шутливо погрозила пальцем Алла. — Слушай, я зачиталась вчера прямо. Ты никогда не думал о писательской карьере?

Деканша с достоинством гейши на чайной церемонии разлила по чашкам терпкий напиток. Савичев осторожно пригубил чай с тонким фруктовым ароматом.

— Ты же знаешь, из меня писатель-фантаст не выйдет. Научная деятельность не терпит сантиментов! Понимаю, голые факты и тезисы вызывают сонливость... Алла, правда, из вежливости дочитывать мою научную работу не стоит. Я тебе лучше перескажу как-нибудь за бокалом вина.

— Ты думаешь, маркетинг и стратегия имеют что-то общее с романом Эрики Эл Джеймс? — хитро улыбнулась декан факультета. — Просто предлагаю тебе подумать. Твоя работа — перспективная база для очередного мейнстрима в художественной литературе. Ты же знаешь, что я смогу раскрутить ее очень быстро. Было бы желание.

— Я подумаю! Спасибо за чай и встретимся завтра, у меня лекция еще и на соседнем потоке! И помнишь, с меня ужин в «Метрополе» за интересную возможность поработать в вашем коллективе! — Дмитрий коснулся губами ухоженной руки Аллы.

— Да это я должна была организовать вечер за право поработать с тобой, — делано

смутилась женщина. — Передавай привет Ольге!

Морозный ноябрьский воздух ударил в лицо, стоило ему оказаться на парковке. Стянув у шеи ворот пальто, Савичев отключил сигнализацию своего «Лексуса», нахмурившись, увидев, как от колонны кафетерия отделилась высокая фигура мужчины и зашагала ему навстречу.

— Неожиданная встреча, — язвительно процедил Дмитрий, проигнорировав протянутую для рукопожатия ладонь. — Я, кажется, ясно дал понять, что в ближайшие полгода не желаю ничего о тебе слышать?

— Может, ты все же попытаешься? — собеседник не собирался отступать от заданного курса. — Я собрал данные, знал бы ты, чего мне это стоило, ты можешь хотя бы по диагонали их просмотреть? Или корона Индианы Джонса сильно давит?

— Слушай, Майкл, — Савичев сделал глубокий вдох и впервые пожалел о том, что бросил курить. — Я тебе ясно дал понять, что не собираюсь возвращаться в Антарктиду. Мои исследования там закончены. Своему заказчику передай, пусть лучше накормит на сумму предполагаемого гонорара детей в Африке.

— Ты даже не выслушал, кто именно предлагает тебе эту работу, и какие у него возможности!

— Мне плевать. Даже НАСА и Пентагон уважают мой выбор, а если твой заказчик не понимает слова «нет» — это его личные проблемы. Исчезни, а то я могу не доехать до тира. Искушение в виде одной живой мишени не дает мне покоя.

— Хотя бы посмотри, на каких условиях тебе предлагают продолжить раскопки! Это ни к чему тебя не обязывает! Удели десять минут своего драгоценного времени!

— Майкл, отвали. — Дмитрий захлопнул дверцу «Лексуса» прямо перед лицом визави, чуть не утрамбовав того колесами. Дорога до клуба подготовки, где в распоряжении его членов были все возможные виды огнестрельного и холодного оружия, заняла не более десяти минут.

— Снайперская подготовка и бой на мечях с инструктором, — распорядился Савичев на рецепции перед тем, как отключиться от окружающего мира на два часа, отдавшись обратной стороне своей натуры. Кровь воина кипела, приклад СВД сроднился с рукой, унося воспоминаниями в те времена, когда ему с братьями по оружию приходилось стоять не на жизнь, а на смерть, пусть и в чужих войнах но он не мог пройти мимо этих миротворческих операций в зонах военных конфликтов. Совсем скоро эта сторона жизни позовет за собой вновь, в хаос смерти и противостояния, прочь от мирного существования в комфорте науки и исследований. Пока же он просто горел желанием отдохнуть и от исследований, и от войны.

Николай Громов, боевой товарищ и верный друг, оказался здесь же.

— Ястреб, сколько можно тебя ловить? Когда мы уже соберемся мужской компанией? — делано возмутился он, сделав акцент на армейском позывном Савичева. — Или ты изменил мужскому братству и предпочел научные исследования? Бэтмен в городе, вернулся с Донбасса. Думаю, тебе будет интересно.

— Прости, брат, сегодня никак. Обещал Ольге тихий семейный вечер. Надо отметить начало моей преподавательской карьеры!

На парковке ожидал сюрприз. Савичев подавил приступ раздражения при виде Майкла.

— Прошу любить и при случае начистить репу, Майкл Бергер, самый дотошный хэдхантер элитного уровня... Не дождусь, когда его пристрелят при попытке очередной агрессивной вербовки! — представил его Дмитрий. Николай смерил мужчину пристальным

взглядом и скрестил пальцы замком, разминая угрожающим жестом. Впрочем, в искусстве pokerface ищейке редких квалифицированных кадров не было равных. Он проигнорировал показательный жест спутника Савичева и, уложив кейс на капот своего автомобиля, деловито щелкнул замком.

— Дим, я не буду за тобой бегать по городу сутками. У меня тоже, знаешь ли, есть своя жизнь. Я тебе предлагаю изучить материалы и самому принять решение. Не так уж много, не находишь? Заказчик — ОАЭ. Представляешь, какой размер гонорара?

— Я надеюсь, не в гарем? За такие бабки? — съязвил профессор, скрестив руки на груди. — Ты прекрасно знаешь, что гонорарами меня не купить.

— Думаю, ты изменишь свое мнение. Поскольку предложение так и затихло в глубинах твоего электронного ящика, я взял на себя труд распечатать и даже подшить по пунктам. — Майкл протянул кожаную папку. — Я прекращаю тебя терроризировать. Не интересуют эти условия — так тому и быть. Если что, мои контакты у тебя есть.

Подумав, Савичев выхватил папку из рук доставшего его до печеник охотника за головами, небрежно подбросив на ладони. Любопытство пересилило личную неприязнь.

— Почитаю на досуге. А теперь исчезни.

Кожа папки, казалось, опалила пальцы. «Мистика!» — подумал Савичев, забрасывая ее на пассажирское сидение автомобиля, надеясь, что благополучно о ней забудет по приезду домой. Но пальцы сами потянулись за ней, стоило припарковаться у новой высотки, где он не так давно приобрел себе трехкомнатные апартаменты.

Ольга была дома, «насиловала орбитрек», как она сама часто называла свои спортивные часовые мероприятия в поддержку выносливости и точеной фигуры. Неудивительно, что не кинулась навстречу, просто не услышала, разрывающая мелодия Linkin park прорывалась даже сквозь плотно сидящие на голове акустические наушники. Собранные в высокий хвост светлые волосы описывали полукруг с каждым ее движением.

Дмитрий расстегнул пиджак и оперся на косяк двери, наблюдая за сосредоточенным личиком герлфренд. Ее веки были так плотно зажмурены, можно было подумать, что она спит, если бы не шевелились пухлые губы, повторяя слова песни.

Она не замечала его присутствия довольно долго, атрофируются в мирной среде основные инстинкты и рефлексy, которые так часто спасают, ощущение чужого взгляда, неуловимые колебания пространства, эффекты распознавания завуалированного присутствия. Она открыла глаза лишь спустя пять минут, чтобы переключить режим управления тренажером, и Савичев зажмурился от неожиданности, когда наушники полетели в кресло, а Ольга в два прыжка преодолела разделяющее их расстояние, чтобы повиснуть на его шее.

— Ура!!! Ты дома! — иногда она не стеснялась в своих эмоциях, но он так и не успел привыкнуть к этому ребяческому восторгу самой скандальной журналистки города. — Я... Я в душ. И будем ужинать!!! Дождись!

Дмитрий сорвал поцелуй с ее губ перед тем, как ласково прихлопнуть пониже спины. Ольга смирив его затуманенным взглядом и тут же заметила папку на столике в прихожей.

— Опять работа? Что там? Надеюсь, не досье на самых сексапильных студенток? — губки игриво сложены в трубочку в шутливой имитации ревности, учащенное дыхание поднимает упругую грудь под хлопком майки. Савичев с трудом заставил свои мысли вернуться в правильное русло.

— Послушай, глупышка, для меня не существует иных женщин, кроме несравненной Ольги Лоран! — последние несколько месяцев ситуация обстояла именно так. Их роман

набирал обороты, и он почти утвердился в мысли, что нашел свою вторую половину. Ольга ворвалась в его жизнь праздничным белокурый фейерверком, беспечным ребенком наедине с ним и беспощадной акулой пера в сфере профессиональных интересов. — Быстро в душ... и не смей задерживаться, иначе я присоединюсь к тебе!

Когда за ней закрылась дверь ванной, Дмитрий, решив выпить кофе, направился в сторону кухни, но какие-то невидимые тросы словно дернули его назад. Долбаная кожаная папка. И почему она так не давала ему покоя? Пожав плечами, он подбросил ее на ладони, решив просмотреть по диагонали подготовленные Бергером материалы и забросить до неопределенного времени в самый нижний ящик своего рабочего стола.

Сумма гонорара впечатляла. Еще два года назад он бы ухватился за такую возможность двумя руками, но сейчас финансовая сторона вопроса не стояла столь остро, чтобы бросить все и вернуться в край вечных льдов, абсолютного холода и северного сияния на целый год непрерывной работы. С усмешкой пролистнув страницу с шестизначной цифрой предполагаемой оплаты, Савичев увидел список, обозначенный Майклом как «лабораторное оборудование». К лаборатории оно не имело никакого отношения. Для исследований и раскопок тот, кто готов был перерыть всю землю ради его вербовки, предоставлял самые последние достижения науки в области автоматике и компьютерного обеспечения.

Веерная атака стрел ошеломленного восхищения вспорола позвоночник, стоило дочитать перечень до половины страницы.

— Ни хрена себе... — потрясенно пробормотал Савичев, уставившись на список, не в состоянии поверить, что заказчик действительно предлагает ему... да почти свершившееся научное открытие века, если все эти машины действительно будут в его полном распоряжении!

— Савичев, кого-то другого я бы проклял на три столетия вперед за звонок в такое время! — Если Майкл Бергер, немец с русскими корнями, в бешенстве, то очень умело это скрывает. Впрочем, ничего другого ему не остается — статус ищейки персонала мирового уровня не терпит сантиментов.

«Я могу найти, кого угодно: от менеджера по клинингу с навыком скоростной телепортации, до сотрудника Пентагона, который позволит всему штату взять оплачиваемый отпуск, потому как с легкостью выполнит и их работу тоже», — так любит говорить о себе элитный head hunter. Ходит легенда, что он написал эту оду самому себе даже в своем первом резюме. Это сейчас ни у кого нет сомнений, что он все-таки их отыщет, если понадобится, но тогда... Наверное, это развеселило многих. До тех самых пор, пока...

Савичев редко интересовался успехами Бергера на поприще сыска уникальных кадров, но пару случаев запомнил.

Уолл-стрит. Падение курса акций с последующим всплеском активности, оглушительная паника на фондовых рынках. Мировая экономика? Нет. Несколько движений уверенных пальцев неопенимого сотрудника, которому понадобилось пара недель, чтобы пошатнуть этот вектор и обогатить некоторых людей на миллиарды долларов.

Все слышали о вторжении государства X на территорию государства Y в ЮАР? Нет? Вот и он не слышал. Но остальным было невдомек, что аннулирование военного конфликта произошло усилиями команды из трех человек, которым для этого не понадобилось даже лететь в зону предполагаемых боевых действий.

Взлом сервера крупнейшего синдиката Колумбии с неоспоримым прикрытием под строительный бизнес... Чем славится Колумбия, знают даже дети. Поговаривали, что юному дарованию, сломавшему сложные ступени защиты, не более восемнадцати лет.

Дмитрий покачал головой, услышав в трубке глубокий зев. Он сам потерял сон, стоило только увидеть перечень оборудования и его характеристики.

— Давай, просыпайся и открой страницу 17 своего опуса. Но прежде, ответь мне на вопрос. Сам придумал, как затравку для нового проекта самопрезентации, или насмотрелся научно-фантастических фильмов?

— Сильно круто для тебя?

— Позволь-ка пояснить тебе некоторые моменты, я не первый год веду исследования в условиях полярной зимы. Продолжительность ледового периода составляет около 2,5 месяцев в году, и рассчитать зависимость изменения ледового шельфа от метеорологических и сейсмических колебаний не под силу никому. Что ты написал, сам соображаешь? Расчет динамики колебания на период от трех календарных месяцев? Кто твой заказчик? Бог? Или потомок древних атлантов? Ты ему напомни, что континент в итоге все-таки канул под воду.

— Я знал, что ты лишишься сна, — самодовольно ответил Бергер. — Но вопрос о том, как удалось создать столь уникальный тип плат для бурильных установок, задашь заказчику при встрече. Это не моя парафия. А будь по-иному, не мне тебе объяснять понятие термина «ноу-хау».

— Дальше, Миш. Ультразвуковая настройка путем трансформации жидкокристаллических инноваций. Твой работодатель — господь Бог? Ты знаешь, что поведение ультразвука невозможно рассчитать?

— Я знаю, что его штату научных деятелей это удалось. И...

— И каждого из них подобрал для него ты!

— Нет, только двоих, — Бергер не смог скрыть удовольствия в своих словах. — Так сложно поверить в миграцию мозгов, когда дело касается ОАЭ? Хватит иронизировать. Скажи честно, впечатлен? Я могу договариваться о встрече?

— Конечно! Мы поговорим обо всех чудесах. И об ультразвуке, и о нашествии рептилоидов... Это куда приземленнее, чем... вот... «диапазон бурения от 120 метров». Такое бывает, при норме в двадцать.

— Дима, твоя ирония говорит об одном. Тебе не терпится пообщаться с этим человеком. Я начинаю организацию встречи. Он ответит на твои вопросы, и, полагаю, там тебе будет уже нечем крыть.

— Да ради бога. Только, надеюсь, ты не забыл ему сказать, что ближайшие несколько лет я не собираюсь прозябать на арктических широтах? Мои открытия от меня никуда не денутся.

— Незаменимых людей нет, ты это знаешь?

— Людей — сколько угодно. Профессионал моего уровня — всего один. Так что смени тон директора-самодура заштатной фирмы и молись, чтобы все розовые сказки оказались правдой хотя бы на пять процентов. Пока этот концепт увидит свет, может, я и подготовлю кого потолковее, кто будет рад сворачивать многовековой лед пилочкой для ногтей за такой шанс. Договаривайся и молись, чтобы твои научно-фантастические фантазии оказались правдой. Отбой.

Ощущение чужого взгляда укололо затылок. За время своей военной карьеры он приобрел бесценный навык — ощущать его даже через расстояния и стены. Здесь ему ничего не угрожало, но сознание и инстинкты не прерывались на отдых даже в мирное время.

— Оля, ты почему не спишь, моя хорошая?

Ольга Лоран стянула полы черного кружевного пеньюара, который ничего не скрывал, наоборот, будил желание, оставляя простор для полета фантазии. Великолепие с атласной алой лентой на груди, завязанной в кокетливый бантик, едва прикрывало ее стройные бедра с размашистой каллиграфией надписи-татуировки «Oderint dum metuant», так красноречиво отразившей всю сущность скандальной журналистки светской хроники. Вожделение вспыхнуло новым взрывом сверхновой при виде гладкой смуглой кожи с курсивом надписи, к которой он так часто любил припадать губами в порыве наивысшего эротического исступления.

— С кем ты говорил? — резко прервала его начинающийся полет фантазий белокурая красавица, скрестив руки поверх упругой груди. — Опять? Какая работа?! Ты обещал! Не забыл, что мы летим в Таиланд под новый год?

— Сколько в моей выносливой девчонке энергии, — вихрь сплетения из азарта, желания и предвкушения подхватил сухие строки ознакомительной документации, закружил в беспощадном водовороте, переплетая буквы в лишённые смысла абзацы и полосы, чтобы вытеснить из сознания, неумолимо переключая инстинкты, бросая на алтарь одному из них, самому основному. Каждый раз, как в первый с тех самых пор, как он увидел Ольгу на пресс-конференции, чтобы потом бросить все силы на завоевание гордой и неприступной блондинки со стервозным характером и потрясающей эротической энергетикой, которая могла расплавить вековые льды обоих полюсов без всякого ультразвука.

Его пальцы, повинувшись желанию, легким касанием скользнули по гладкой коже бедра,

скрывшись за кружевом пеньюара. Ощутив ласку шелка, Дмитрий хищно усмехнулся.

— Спала, значит? Моя коварная соблазнительница. — Нстойчивый рывок, и подвязка из черного кружева скользнула по ноге девушки, ведомая его сильными пальцами, замерла на щиколотке — Ольга не шевелилась, позволяя своему мужчине взять тотальный контроль в этой игре. Самодовольная улыбка коснулась ее красиво очерченных тонких губ, когда он, коснувшись сильными пальцами чувствительных подколенных впадинок, припал губами к дерзкой, провокационной надписи тату. Дрожь — то ли от холода, то ли от щекочущего кожу дыхания, не успела прошить ее тело неувимой вибрацией, как новый прилив мощнейшей волны ошеломительного восхищения вызвал новый стон восторга-изумления. Язык мужчины очертил изгиб первой буквы, медленно, словно считывая каждый укол, создавший каллиграфию надписи, с нежно-нстойчивым нажимом, разгоняющим каскад искр неизбежного желания в районе солнечного сплетения. Он словно заново писал этот девиз на ее гладкой коже ласкающим шрифтом, нивелируя агрессию потаенного смысла латыни. «Пусть ненавидят, лишь бы боялись»... Сейчас подобные слова были не нужны, лишены своего бескомпромиссного смысла, они готовы были растаять под точечными поцелуями с нажимом языка, вместе с защитной броней носительницы этого девиза. Он единственный знал ее настоящей — жизнерадостным ребенком, ласковой, словно котенок, любовницей, уязвимой воительницей на фронте слова и пера, которую небезосновательно боялась светская тусовка за скандальные подробности собственной личной жизни и разоблачение всех шкафных скелетов. Только с ним она была настоящая, лишенная масок и стальных доспехов. Его девочка.

Ольга запрокинула голову, лишь шире раскрыв глаза, считывая невидящим взглядом отражени на натяжном полотне потолка, когда язык и губы, расчертив надпись, изменив ее смысл своей убивающей лаской, скользнули к внутренней стороне ее бедра. Ощущение лижущих язычков осторожного, не сжигающего, но пламени, разливалось в крови искрящейся лавой, выжигающей здравый смысл и все силы, брошенные на поддержание имиджа гордой амазонки. Колени задрожали, глянцеовое полотно потолка завибрировало мелкой дрожью в такт ритму сердечных сокращений, а ладони уперлись в мужские плечи в поиске точки опоры как раз вовремя — кончик горячего языка накрыл горошинку клитора беспощадным направленным ударом. Но Дмитрий только начал свою бескомпромиссную игру. Девушка с трудом сообразила, что громкие стоны, разлетевшиеся по гостиной, принадлежат ей — лишь хищная улыбка мужчины стала тому подтверждением. Скользнув языком по створкам ее малых губ, контрольным ударом на отключение любого сопротивления, он резко отстранился, сжав руки на ее тонкой талии. Ольге казалось, что она воспарила над действительностью, оторвавшись от земли, и даже испуганно вздрогнула, когда скрепленные скоросшивателем листы, которые до того с таким интересом изучал без пяти минут ее супруг, полетели на пол, а лопатки безжалостно уперлись в древесину журнального столика. На тот момент она забыла обо всем — о предстоящем интервью, о своих опасениях, даже о вспышке интуиции, которая никогда не подводила. Горячая лава желания бежала в ее крови подобно горной реке, и она выгнулась навстречу этим сильным, ласкающим ладоням, застонав от переполнивших душу ощущений. Экстаз смазал полумрак окружающей обстановки, раскрасив ее острыми вспышками световых бликов, которые взорвались мощным фейерверком, когда мужчина вошел в нее одним плавным толчком.

Вся ее женская сущность откликнулась на сладкую вибрацию мужского вторжения, девушка выгнулась дугой в сильных ладонях своего персонального варвара, как всегда

называла его в своих мыслях и фантазиях. Спирали ошеломительного тока проникли в кровь, насыщая ее несдерживаемым желанием, и она даже не удивилась, услышав собственный крик, ударивший в свод потолка и холодные оконные стекла. Ольга не могла даже представить, насколько сильно возбуждена, и когда золотистая пружина сдерживаемого удовольствия взорвалась внутри, рассыпая огненные искры, непроизвольно впилась ногтями в сильные плечи своего мужчины, наверняка, перебудив всех соседей воплем потрясающего освобождения.

В его руках Ольга всегда вспыхивала, подобно спичке, и сгорала, чтобы возродиться заново. Этот раз не стал исключением. Она взлетела на волнах подступившего оргазма, забыв напрочь о своих недавних опасениях, которые, увы, были не далеки от истины.

— Возвращайся в постель, — мягко сказал Дима, застегивая ширинку и целуя ее лоб, покрывшийся испариной. — Я соберу документы и присоединюсь к тебе. Можешь не засыпать!

Она так и сделала, в который раз попытавшись убедить себя в том, что яркий огонь жажды приключений в глазах ее мужчины был всего лишь игрой воображения, и документы, которые усыпали пол, не стоили и сотой доли внимания.

Даже когда утром Дмитрий проинформировал ее о том, что предстоит поездка в Дубай, Ольга Лоран лишь снисходительно улыбнулась. Как раз на субботу главный редактор выбил ей интервью с политиком, пребывающим в Харькове с официальным визитом. Этот золотой мальчик с его удивительными похождениями за ширмой вертикали власти просился на первую полосу, а она, скандальная журналистка, редко отказывалась от подобных подарков судьбы. Скорее всего, Дмитрий не получит никакой волнующей оферты, обычная скукота по расшифровке тайных трудов Платона, — ничего из того, что бы могло настолько заинтересовать и заставить отменить их дальнейшие планы ради исследовательской работы. Она втайне обрадовалась, когда ее гражданский супруг получил должность преподавателя. Студентки ее не пугали, эффектная Ольга не боялась конкуренции, а плюс имелся существенный — теперь Дима будет рядом, вдали от изматывающих раскопок и свиста пуль в зонах проведения боевых действий. Так мы устроены, тот авантюризм, риск, азарт, смелость и сила, что поначалу привлекла нас в мужчине, со временем становится угрозой отношениям. Разлука выматывает, опасная работа второй половины истончает нервную систему, ты думаешь почему именно он должен спасать мир, а не кто-то иной? Почему ты вечно остаешься одна, ожидая своего героя с поля боя или с очередной археологической экспедиции, в то время как мечты о семье и детях становятся все более навязчивыми? Ольга, конечно, уважала интересы будущего мужа, но долго мириться с подобным не собиралась. Впереди лето, и они еще год назад договорились, что проведут его вместе. И в это время она сделает все, чтобы привязать его покрепче цепей и никуда не отпустить. Чего бы это ни стоило.

... Международный эропорт Дубай не мог не изумить своим великолепием. Крытый тоннель — навес посадочного терминала с утонченной хай-тек архитектурой мало напоминал восточную сказку, но ощущение нереальности происходящего было поистине фантастическим — словно не «Боинг-747» недавно коснулся посадочной полосы, а межгалактический крейсер, доставивший пассажира на одну из райских планет. Сейчас, в три часа ночи, Дмитрий не ощутил удушающей раскаленной жары, о которой его предупредила Ольга, да и в здании аэропорта с искусственно созданным микроклиматом было так легко об этом забыть. Несмотря на столь раннее время, огромный зал, похожий на

мегаполис в миниатюре, жил своей жизнью, то и дело слышалась родная речь, которая сменялась итальянским и французским, реже — немецким. Савичева не удивило подобное количество пассажиров — Дубайский аэропорт считался вторым в мире по загруженности после лондонского Хитроу.

Роскошь формата люкс поражала своим размахом — хромированные колонны с подсветкой, словно столпы, поддерживающие белоснежный купол свода, высокие пальмы, образовавшие аллею, мягкая кожа кресел, хром и дерево в декоре с яркими вспышками позолоченных элементов. Восточный колорит в современной интерпретации. Но насладиться архитектурным великолепием мужчинам не позволили.

— Нас встречают, — проинформировал Бергер, и Дмитрий только сейчас заметил трех мужчин в деловых костюмах с витой спиралью переговорного устройства возле уха. Один из них держал в руках подобие вытянутого «айпада» с его фамилией на табло. Двое других, судя по всему, являлись личной охраной.

Представитель шейха встретил их крепким рукопожатием и дежурными фразами приветствия перед тем, как проводить к черному бронированному автомобилю. Савичев не удивился подобным почестям — привилегированный археолог-исследователь привык к такому. Бергер же, по-видимому, так и не сумел, хотя и пытался сохранять невозмутимый вид. Дмитрий спокойно рассматривал пейзаж ночного города за тонированными стеклами автомобиля. Когда же в поле его зрения попала подсвеченная сине-золотым светом 321-метровая башня «Burj Al Arab», он особо не удивился. Самый дорогой отель, именуемый в народе «Парус», располагался на искусственном островке, отдаленном от берега на 280 метров. Они как раз проезжали по мосту, и за стеклом был видно, как за небольшими перилами светилась вода, отражая сияние огней. Шейх демонстрировал самое радушное гостеприимство, поселив гостя в подобном отеле, который официально носил пять звезд, но часто можно было услышать, что по уровню обслуживания и роскоши ему готовы дать больше семи. Повеяло свежестью легкого океанского бриза, когда автомобиль свернул на подъездную полосу, устремившись к яркому великолепию еще одного чуда арабской архитектуры.

— После такого от предложений не отказываются, — не смог промолчать Бергер, изо всех сил стараясь сохранить скучающий вид. Дмитрий иронично сдвинул брови.

— Потому как элитного охотника за головами забросают камнями в случае моего отказа от сотрудничества?

— Ты же не думаешь отказаться?

— Если меня не заинтересует предложение принца Абу-Гасана, я сделаю это с легким сердцем. Молись, чтобы это было нечто стоящее.

Регистрация на ресепшене в лобби отеля не заняла много времени — принимающая сторона все взяла на себя, и уже спустя несколько минут Дмитрий в сопровождении представителя шейха и кадрового агента проследовал к лифту, ведущему на этажи, любуясь цветочными фонтанами с водой, струящейся по ступеням. Расположенные между эскалаторами гигантские аквариумы притягивали взгляд, он пообещал себе, что рассмотрит потрясающую обстановку немногим позже. Лабиринт коридоров встретил роскошными мозаичными панно, обилием эксклюзивного мрамора с панелями настоящего золота.

— Это сют, — проинформировал сопровождающий, вручая Дмитрию электронный ключ. Обстановка номера не уступала в роскоши всему, что довелось увидеть за недолгий вояж по ярусам отеля и, прежде всего, величественной панорамой — над морем как раз

занимался рассвет. Бергер присвистнул от восторга, но Савичев не показал своего восторга.

— Ваш багаж доставлен. Через час вас ожидает завтрак в «Аль Махара», — продолжал мужчина. — А в 14:00 состоится аудиенция с его высочеством принцем Абу-Гасаном. Вас доставит личный вертолет. В 21:00 состоится прием во дворце его величества, куда вы приглашены вместе с вашим помощником. Вы можете заказать блюда в номер, как и другие услуги — перечень найдете в карте отеля.

— Записывай, — бросил Майклу Дмитрий, криво усмехнувшись, когда тот принялся искать в кейсе планшет. — Если дело не выгорит, и ты полетишь с работы, всегда сможешь устроиться отличным помощником руководителя. — Затем вновь повернулся к доверенному лицу шейха. — Не позднее 10 часов утра я должен провести тренировку в тренажерном зале. Для вечернего приема мне понадобится помощь стилиста и консультанта. В услугах переводчика, как я понял, надобности нет?

— Его высочество принц прекрасно говорит на семи языках.

Когда все формальности были соблюдены, Савичев приказал рекрутеру без надобности не покидать своего отсека — в номере имелись две спальни, две гостиные и две ванные, поэтому это оказалось не трудно, переговорил с Ольгой и сделал еще несколько звонков. Последующий завтрак в ресторане морепродуктов и тренировка в роскошном зале с персональным тренером пролетели очень быстро. За час до аудиенции у шейха Дмитрию была откомендована красивая восточная женщина по имени Самира, одетая в европейском стиле, которая подобрала костюм для переговоров и смокинг для вечернего приема. За полчаса до установленного времени он в сопровождении охраны и помощника принца поднялся на крышу отеля, где располагался небольшой посадочный аэродром для вертолетов, который доставил их в имение шейха.

Дмитрия не удивило требование изучить и подписать ряд протоколов о неразглашении — археолог-исследователь его уровня привык к режиму повышенной конфиденциальности. Но больше, чем подпись на документах, за него говорила репутация лучшего из лучших. Он не раз и не два уже мог сделать научный переворот в истории и археологии, некоторые знания повергли бы в шок простого обывателя, но если ты не умеешь хранить тайн, тебе не место на Олимпе лидеров своей сферы деятельности. Правило, о котором так часто забывали все остальные, поддавшись гонке за славой и тщеславием.

Принц Абу-Гасан, третий наследник правящей династии, посвятил свою жизнь изучению античной истории. В свои неполные сорок он имел ученую степень Оксфорда, патронировал археологические исследования в Антарктиде и достиг в этом довольно внушительных результатов. К сожалению, они оставались засекреченными, как и сама база раскопок, по слухам, оборудованная последними достижениями в сфере науки и техники.

Дмитрий ожидал увидеть дворцовые покои в традиционно восточном стиле — мозаичные фрески, золотые колонны, повторяющие дизайн съюта в «Парусе», разбросанные на полу мягкие подушки и шкуры, поэтому очень удивился, когда его проводили в большой конференц-зал с огромным плазменным монитором, занимающим целую стену. Здесь обстановка просто искрилась дорогой, сдержанной европейской роскошью: настенные панели из светлого дерева, декорированные червонным золотом, зеркальный мрамор пола и столешницы огромного стола, панорамные окна, открывающие потрясающий вид на подсвеченный полуденным солнцем залив.

Абу-Гасан, уважая дань традициям страны своего гостя, был одет в синий костюм-тройку. Единственным проявлением восточного колорита в его образе была белоснежная

куфия, подхваченная зигалем, обрамленным крупными алмазами. Принц выглядел довольно молодо и был похож на персонажа восточной сказки — статный, смуглый, с пронзительными угольно-черными глазами и доброжелательной улыбкой на открытом, одухотворенном лице. Казалось, он был рад гостю как самому близкому другу. Крепкое рукопожатие, приветствие на идеальном английском, — Дмитрий изучил традиции принимающей стороны, которые не терпели лаконичности и спешки, поэтому поинтересовался, как обстоят дела у царственного собеседника, о его здоровье и хобби. В этой прекрасной стране считалось дурным тоном слишком быстро переходить к конкретному разговору о делах, не предварив его разнообразными, выработанными поколениями приветствиями; правилом хорошего тона считается не просто произнести приветствие, но и поинтересоваться здоровьем знакомого, тем, как идут у него дела. Последующие полчаса собеседники пили традиционный свежемолотый кофе с кардамоном, и Савичев с неподдельным интересом слушал повествование о соколиной охоте, которую очень любит шейх, получив приглашение поближе познакомиться с этой завораживающей традицией во время завтрашнего сафари в пустыне даже в том случае, если они не придут к консенсусу относительно предложения, а также поучаствовать в регате на парусниках-доу.

Когда же Абу-Гасан ненавязчиво перешел к основной теме их встречи, профессор испытал легкое сожаление. Не прошло и получаса, как шейх стал для него практически другом и очень интересным собеседником. Но спустя несколько минут, после краткого экскурса в особенности предстоящего исследования, Савичев едва сдержал изумление.

На огромном экране появились глянцевые глиняные таблицы с литерами, похожими на геометрические пересечения фигур. Древние атланты уделили много внимания собственной речевой культуре, прописав в раздобытых письменах даже транскрипции произношения, что позволило Савичеву в свое время изучить этот канувший в Лету язык. Но подобные тексты он видел впервые.

— Матриархальная культура, — он давно это подозревал, но делать окончательные выводы не спешил, не имея возможности подкрепить теорию весомыми научными фактами.

— Последнее открытие не оставляет в этом ни малейших сомнений, — подтвердил принц. — На протяжении веков со времен основания Атлантиды правила женская династия. Сам Платон в своих трудах использовал транслит «правитель», не считая нужным допускать столь значимую конкретику. Именно этот факт позволил с новой стороны взглянуть на теорию тайного оружия древней сверхдержавы. Мифические «слезы пустыни», которые так часто упоминаются не только в контексте оборонного вооружения, а и как элементы роскоши и торга, не что иное, как...

На экране появилось изображение крупных бриллиантов довольно грубой, несимметричной огранки, но преломление света в гранях изгибало лучи немыслимыми зигзагами.

— Основная цель наших поисков, — подтвердил шейх догадку Дмитрия. — Ключ к тайным знаниям великой Атлантиды. Я был бы крайне счастлив работать с вами, господин Савичев. Как вы понимаете, это всего лишь поверхностная информация. Нам удалось продвинуться в наших исследованиях гораздо дальше, и эти сведения станут доступны вам в том случае, если мы заключим договор о сотрудничестве. Я показал вам лишь немного из того инновационного оборудования, с которым предстоит работать в случае вашего согласия.

Когда первая эйфория исследовательского азарта поутихла, Дмитрий задумался.

Оружие. Что ж, в этом нет ничего удивительного, какая держава не стремится стать сильнее за счет самых передовых технологий массового поражения? Это была дилемма — приобрести себе славу второго академика Сахарова открытием вероятного ящика Пандоры, и, в то же время, получить уникальную возможность исследовать загадочную Атлантиду, имея в распоряжении передовые технологии и сплоченную команду профессионалов. Когда он соберет достаточно фактов о матриархальном устое этого загадочного древнего государства, легко взорвет научный мир ошеломляющим открытием.

Упоминания о древнем оружии, аналоге лазеру, встречались в найденных на месте раскопок глиняных фресках и в письменах, как и чистейшие алмазы тончайшей геометрической огранки. Но связать воедино эти две вещи не смог даже он ввиду отсутствия дополнительной информации.

На протяжении переговоров Савичев не переставал изумляться иным открытиям, совершенным командой принца. Уже тогда он понял, что согласится на предложение, на время отодвинув в сторону моральные принципы, но подтверждать свое согласие не спешил.

— Будьте моим дорогим гостем на протяжении трех дней, — сказал в завершение Абу-Гасан, — независимо от вашего решения касательно моего предложения. Я осведомлен о вашей преподавательской практике и поэтому готов ждать завершения, как у вас говорят, семестра, чтобы с началом лета вы могли приступить к работе в случае согласия. Таким образом, вам не придется делать выбор.

На вечернем приеме в роскошном дворце шейха Савичев так и не смог расслабиться — мысли о предстоящих возможностях атаковали мозг с поразительной настойчивостью, слава Богу, что Бергер не давил и не расспрашивал, предпочитая наслаждаться раутом в компании приглашенных топ-моделей. Абу-Гасан продемонстрировал Дмитрию свой роскошный автопарк, и археолог мысленно поблагодарил Майкла, который дал ему очень ценный совет — не показывать неуместный восторг при виде «Ламборджини» и «Майбахов», потому как, по законам гостеприимства, шейх может с легкой руки подарить понравившийся экземпляр. Все дело в том, что согласно этикету необходимо будет сделать равноценный презент — отказ будет воспринят как оскорбление. К счастью, подобного не случилось.

Последующие три дня пребывания в современной восточной сказке Савичев постигал традиции и неповторимый колорит этой прекрасной страны — Абу-Гасан решил поразить его своим гостеприимством. Выезд на сафари в пустыню, соколиная охота, конные прогулки, гольф, регата, картинг, верблюжьи бега — не влюбиться в эту прекрасную страну, где традиции так тесно переплелись с современностью, было невозможно. А решение о сотрудничестве не могло быть иным — азарт исследования и открытий всегда был для Дмитрия самым сильным афродизиаксом. Мало кто смог бы устоять перед подобными возможностями. При закрытых дверях дворцового конференц-зала было подписано соглашение.

«Ольга будет расстроена. Отдых переносится», — думал Дмитрий, возвращаясь домой. Но жажда приключений и новых достижений уже бежала в его крови сильнодействующим наркотиком, отказаться от которого он не мог и, по правде, вовсе не хотел. Оставалось два месяца до начала работ, которые казались чуть ли не вечностью. Но интуиция редко подводила Савичева. Уже сейчас он мог с полной уверенностью сказать, что стоит на пороге самого грандиозного открытия. Оставалось только ждать...

9500 г. до н. э.

Атланта — Спаркалия

Оранжево-золотистое пламя утренней зари затопило горизонт. Языки обманчиво ласкового живого огня оплели оранжевым светом каменные столпы колон, купол дворца правительницы, линии акведуков, брусчатку широких улиц, заиграли яркими бликами в парусах галер пока еще спящего порта Атланты. Новый круговорот солнца вступил в свои права, повинувшись воле священного Антала, покровителя этой могущественной державы, чтобы ознаменовать собой новые свершения и достижения.

Не прошло и половины меры масла, как широкая площадь возле Дворца Матриарх начала заполняться людьми. Они все прибывали, растекаясь по улочкам, занимая места, рассредоточивались вдоль ограждений мостов у порта. Возбужденный гул голосов заполнил просыпающийся город, в воздухе повисло восторженное ожидание и нетерпение.

Воительницы гвардии Пантер наблюдали за скоплением народа, но все было спокойно и чинно — они уже и забыли, когда последний раз сталкивались со смутой и нарушением общественного порядка. Железная дисциплина царила здесь испокон веков, так издревле повелось в этом прекрасном государстве — воинственная Атланта славилась своими завоеваниями новых территорий, подчас жестокостью и бескомпромиссностью, но в самой империи царил мир и процветание. Никогда сюда не долететь отголоскам кровавой сечи, не смутить умы умиротворенной знати свистом клинка и стрел, не омрачить чело даже упоминанием о «поцелуе смерти» и тех, кто навсегда остался павшим на полях сражений.

Гордые девы Атланты вплели в волосы утренние цветы, собрав букеты алых и белых астропеусов, символизирующих величие матриархата. В этот утренний час они смеялись, переговариваясь, приветствуя друг друга, замирая в предвкушении перед появлением своей королевы Лаэртии Справедливой и бесстрашной посланницы воли империи Латимы Лучезарной, которая ныне отбывала в мореходное путешествие к берегам варварской Спаркалии с возложенной на нее миссией — заключить мировое соглашение с Аттикусом из рода Фланигусов.

Могущественная Спаркалия всего за четверть века достигла небывалой военной мощи и политического влияния. Сложившие свои полномочия матриарх Атлантида Мудрейшая по мнению многих допустила в свое время досадный промах, не принимая в расчет расцвет второй сильнейшей после Атланты империи. Ее политические реверансы с мудрым Аттикусом вызвали возмущение многих, кто втайне жаждал нового военного похода и порабощения варварской патриархальной империи. Именно это, как считали некоторые радикально настроенные роды знати, входившие в Совет Десяти, в свое время развязало руки Кассиопее, которая трижды совершала нападения на территории независимой Лассирии. С Актием, царем Кассиопеи, бывшая матриарх также исполняла танец на острие меча дипломатии, закрывая глаза на многое в обмен на Слезы Пустыни, которыми наполнялась казна за время ее правления.

Немногим более трех зим тому назад ее дочь Лаэртия, будущая наследная матриарх,

впервые выступила на Совете Десяти и без смущения выразила свою точку зрения на происходящее, радикально отличимую от позиции собственной матери. Она практически высмеяла миротворческую политику матриарх и вынесла на суд совета свод более ужесточенных правил в отношении империй, которые вскоре открыто начнут смеяться в очи матриархальной державе. Шесть из десяти членов совета единогласно приняли реформы молодой принцессы, а сама Атлантида, не сдержав гнева, посоветовала дочери заниматься воспитанием наследницы Ксении и проводить больше времени в светских дворцовых развлечениях и праздном великолепии, а не в совершенствовании науки меча и политической стратегии.

Лаэртия выслушала гневную отповедь матери с невозмутимым почтением. «Я услышала тебя, о моя матриарх!» — спокойно ответила она перед тем, как покинуть совет и вернуться к изматывающим тренировкам с мечом и стрелами. А спустя несколько солнечных круговоротов поразила всех, вызвав мать на разговор мечей в храме Криспиды при расцвете Фебуса.

Эти противостояния за власть никогда еще за все время существования империи не завершались закатом чьей-либо жизни. Говорят, Лаэртия истекала кровью, пропуская удары опытной матриарх, но сама сделала все, чтобы не причинить матери вреда — обезоружила ее без единой капли крови. Когда меч гордой принцессы коснулся груди правительницы, у наблюдателей возникло ощущение, что договоренность обеих женщин была predetermined изначально. На исходе цикла Фебуса правительница Атлантида сложила свои полномочия, и на трон взошла прекрасная Лаэртия, получившая в народе титул «Справедливая».

... Изматывающий зной еще не раскалил валуны мощеной мостовой и светлые стены строений, в воздухе ощущалась прохлада. Морской бриз играл волосами гордых дев Атланты, прекрасных и лучезарных в изысканных нарядах, в которых преобладал белый цвет. Никто из них не обращал ни малейшего внимания на мужчин, которые замерли на почтительном расстоянии вытянутой руки за спинами величественных и прекрасных атланток. Так повелось в империи испокон веков — даже прославленные воины, мудрецы, поэты и советники, как и сыны приближенной ко двору аристократии вынуждены были существовать в тени дочерей Криспиды, не имея большинства гражданских прав, доступных девам. К мнению знатных мужей часто прислушивались, никогда не притесняя без нужды, но любое нарушение жизненного уклада и попытка поставить себя выше любимиц Антала жестоко карались. Исключения были возможны лишь для избранного вольного спутника жизни матриарх и ее сыновей, но только тех, кто был отмечен при рождении печатью божества и получал титул «Богорожденных». Обычно это касалось близнецов либо тех мальчиков, кто во всем походил на мать, а не на отца. Но уже три века подобного не происходило — женская линия правящего рода приводила в свет исключительно величественных дочерей, а почета и славы при матриарх последним удостоился только спутник правительницы Стелинии более трех веков тому назад.

Звон мелодичного набата перекрыл гул возбужденной толпы, и в воздухе повисла тишина. Сотни взглядов тех, кто занял площадь при дворце, устремились вверх, на резные перила огромной лоджии, где вот-вот должна была появиться матриарх. Ожидание достигло своего пика, в звенящей тишине отчетливо слышался шум волн и крики чаек, до тех самых пор, пока широкие панорамные двери не распахнулись под сильными руками светлокожих хранителей дворца.

По площади пронесся восхищенный вздох, и все без исключения поднесли ладони ко

лбу, а некоторые из мужчин закрыли глаза, заведомо признавая себя недостойными созерцать явление божественного создания.

Небесное светило, кажется, замерло в зените немого восхищения на миг перед тем как нерешительно коснуться золочеными перстами светлых волос прекрасной девы, ступившей на плиты лоджии, робко огладить, наполняя светом, слезы пустыни в тонкой диадеме на ее величественном челе, замереть несмелым росчерком на ее рубиновых устах и смуглых скулах, и тут же обреченным падением раненой птицы пасть на царское одеяние матриарх, чтобы сгореть, умножаясь в тысячи раз в преломлении бликов в золотых пластинах и слезах пустыни. Именно эта игра живого огня и заставила преданных граждан Атланты приложить длань к челу, дабы смягчить яркий ослепительный свет. Девы империи любовались прекрасным нарядом своей матриарх, а мужи, памятуя о своей роли, опустили глаза в брусчатку площади — им не позволялось пристально смотреть на женщину правящего рода. И все же некоторые из них незаметно бросали взгляды, пытаясь рассмотреть из-за плеч атланских дев происходящее.

Юная принцесса Ксения шести зим от роду сжимала руку матриарх, которая неспешно приблизилась к перилам, и подняла ладонь, призывая к тишине. Но ей удалось это не сразу — на лоджию грациозно вышла, даже выплыла, вторая женщина, и толпа вновь зашумела, оглядывая советницу матриарх с не меньшим восторгом. В отличие от правительницы, темноволосая красавица была облачена в черный наряд из лассирийского шелка — облегающее фигуру платье, оставившее открытыми плечи и точеную шею по последней дворцовой моде. Но вместе с тем оно не сковывало движений, словно его обладательница была готова в любой момент вступить в бой. Темные волосы красавицы были зачесаны назад, как у воительниц легиона Пантер, но эта прическа не совсем подходила к миловидному личику и огромным зеленым глазам, хотя, при более долгом взгляде можно было заметить в облике девушки черты непримиримой хищницы.

«Латима Лучезарная, уполномоченный посол», — перешептывалась толпа. Матриарх Лаэртия дождалась, когда воцарится тишина, и подняла руку, увитую золотыми браслетами до локтя. На сей раз гул и шепот прекратились, в утренней прохладе повисла невидимая, но осязаемая на уровне чувств кисея восхищения и обожания.

— Гордый народ великой Атланты, утро дарует свою благодать на восходе небесного круговорота! Улыбка Антала пускай озаряет ваш путь и впредь ниспошлет вам успех и долю великих свершений!

Матриарх славилась своим красноречием и умением вести в поэтическом ключе любые переговоры. Может, именно поэтому, все они были обречены на успех в ее исполнении. Несмотря на неописуемый восторг, вызванный сладким перезвоном ее мелодичного голоса, толпа молчала, впитывая, смакуя, восхищаясь красотой витиеватого приветствия своей правительницы, и лишь когда она закончила свою речь, по толпе прокатилась волна восхищенного ропота. Лаэртия взяла за руку Латиму, переплетя пальцы наподобие замка, и они вместе подняли сомкнутые руки вверх.

— Долгий путь нам предстоит, рассекая бортом кораблей гладь беспокойного моря; смуту в Спаркалии мы пресечем на исходе лучезарного Фебуса. Мир ценен не на словах, лишь скрепленный печатью достигнутых соглашений! Ценно умение видеть врага пред собой, не обманываясь сладкими посулами презренного. Мир расцветет лишь тогда, когда будут расставлены точки под бег меры масла! Разум и сила моей Лучезарной посланницы вскоре приблизит сие соглашение!

Латима обняла королеву, как самого близкого человека, приложила ладонь к сердцу и отвесила легкий поклон, перед тем как развернуться и медленно спуститься вниз по спирали сходней. В тот же миг дворцовые ворота распахнулись, и на площадь выехала золоченая колесница, запряженная двойкой белоснежных кобылиц. Правила ею очаровательная белокурая воительница в кожаных доспехах, которая поприветствовала толпу благодушной улыбкой. Это была огромная честь — отбыть в порт на королевской колеснице, которой правила главная дворцовая тулиария (дословно — управляющая транспортными вопросами), но Латима Лучезарная привыкла получать подобные привилегии с младых зим, с тех самых пор, как доказала принцессе свою верность и преданность и стала официальной советницей матриарх. Но многие поговаривали, что эта целеустремленная девушка, прекрасный воин и стратег, добилась бы не меньших результатов в своей карьере, не будь она подругой правительницы.

Едва стопы посла воли Атланты коснулись гладких булыжников площади, от дворцовых ворот отделились две женские фигуры Пантер, которые помогли Латиме взойти на возвышение колесницы, после чего поднялись сами, заняв место за ее плечами. Лучезарная сжала ладонями золоченый выступ и улыбнулась благосклонной улыбкой. Тотчас же над колесницей взметнулись лепестки астропеусов, застывая в темных волосах Латимы белоснежными и алыми бликами. Колесница пришла в движение, устремившись к порту — путь был близким, поэтому лошади шли рысцей, позволяя верной помощнице королевы отвечать на приветствия и принимать красиво оформленные букеты из цветов, которые являлись символами империи.

Внезапно колесница дрогнула, лошади встали на дыбы, и Латима с трудом удержалась на ногах — противная боль прошла запястье, сжимавшее опору, но верные соратницы сориентировались и поддержали ее за спину, не позволяя упасть. Лучезарная повернулась к тулиарии узнать, в чем же дело, но не успела произнести ни слова — внимание толпы и четырех девушек на повозке переключилось на фигуру юноши с кинжалом, упавшим на колени на мостовую по пути их следования. Латима остановила руку одной из Пантер, которая привычно потянулась за мечом, и слегка подалась вперед, внимательно разглядывая возмутителя спокойствия.

То, что он не собирался нападать, девушка поняла сразу. Острие кинжала дрожало в его руках, прижимаясь к яремной впадине у шеи. Он был молод, не более шестнадцати зим от роду, и потрясающе хорош собой: пронзительные черные глаза, выдающие в нем кровь народа Семи Озер, черные выющиеся волосы средней длины, точеные, почти картинные черты лица. Его мускулы уже налились силой, выдавая в нем сына знатного рода, которому были дозволены упражнения с оружием.

— Лучезарная! — его голос дрожал. — Я не вижу солнца и Фебуса без твоего прекрасного лика, моя повелительница! Зиму его светлый луч не ласкает мой взор с той поры, как узрел я тебя и лишился покоя на веки!

Нож в его руках слегка дрогнул, оцарапав кожу до мелкой капельки крови, выступившей на месте ссадины. Толпа замерла, а красивые губы Латимы изогнула соблазнительная, но жестокая усмешка. Непонятно, что ее вызвало — искренность юноши или же его не лишенная изысканности поэтическая речь, но девушка незаметно сделала своим подругам жест быть начеку и, подобрав полы шелкового одеяния, сошла с колесницы. Молодой мужчина замер, его огромные глаза расширились, не в состоянии поверить своему счастью, когда предмет его грез и страданий остановилась в шаге от преклоненных колен.

— Право, не стоит, о муж бесконечно почитаемого рода. Имя твое не ласкает мой слух, неизвестность томления неотвратимо ворует упавшие капли. Кто ты, откройся мне, дабы воздать благодать за отвагу твою и смелость. Острый клинок ты отбрось, нет нужды в этот праздничный день предаваться смертельной печали!

Девушка даже не удивилась, когда нож полетел в сторону, только подобие скуки мелькнуло в ее красивых глазах. Юноша поднял на нее взгляд, в котором испуг с поражающей быстротой вытесняло восхищение, и потянулся вперед ладонями, все же не решаясь пока обнять колени заговорившей с ним красавицы.

— Сантал из рода Закария, о Лучезарная, пламя крови и отрада уставшего сердца!

— Сантал из рода Закария, — как эхо повторила Латима. Улыбка сбежала с ее лица, и она подняла руку вверх, щелкнув пальцами. Тотчас юношу окружили пятеро воительниц легиона Пантер, которые наблюдали за сохранением порядка в толпе, нацелив на него острия мечей. Латима резко развернулась, пола платья черным шелком полоснули зарвавшегося мужчину по лицу, и спокойно вернулась на колесницу.

— Отправьте его на площадь правосудия и оставьте распятым на дыбе на солнечный круговорот и четыре меры масла. Двадцать ударов плетью и пурпурная лента. Я дарю его девам великой Атланты. И да, направьте матриарх Справедливой ходатайство о лишении титула того, кто своим недостойным поведением осмелился позорить древний род успешных купцов нашей великой империи!

Несчастливого смельчака подхватили под руки, не обращая внимания на сопротивление и вопли отчаяния. Одна из Пантер, стоявшая за правым плечом Латимы, с сожалением покачала головой.

— Пурпурная лента?

Лучезарная презрительно улыбнулась. Приговоренные к пурпуру становились на сутки развлечением для всех без исключения женщин империи, кто пожелает воспользоваться распятым на дыбе узником. Конечно же, никто еще не погиб от такого наказания, но обычно после применения этой меры наказания мужи возвращались домой полностью сломленными и разбитыми.

— Виталия, не стоит печали омрачать твое чело, — ответила Латима Пантере, и произнесла одними губами, ни к кому конкретно не обращаясь: — варвары Спаркалии придутся вам по вкусу куда сильнее, чем бесхребетные атлантские самцы!

Девушки рассмеялись, а Латима приняла из рук молодой горожанки красивый букет белоснежных астропеусов и подняла вверх руку, приветствуя толпу. Народ Атланты любил ее не меньше, чем прекрасную матриарх. Молва твердила о ней разное: что на поле боя жестокая красавица славится запредельной жестокостью, что иногда позволяет крепким рабам горных шахт ублажать свое тело ласками, а после этого их тела находят в прибрежных водах, что не признает слез пустыни, предпочитая им украшения, собранные собственноручно из зубов убитых ею мужчин, но сейчас все без исключения взирали на это прекрасное темное видение, испытывая восторг и запредельное обожание. «Спаркалия падет очень быстро», — шепталась толпа и не сомневалась в собственных словах, сраженная бесстрашной решимостью Лучезарной.

Колесница остановилась у золоченых сходней перед большим кораблем с парусами цвета горного смарагда. Волны бились о каменный причал, свежий ветер едва заметно раскачивал шпиль высоких мачт, готовый наполнить собой паруса, чтобы донести посланье матриарх в страну златокожих варваров за предельно короткий срок. Улыбнувшись

последний раз сомлевшей от подобного внимания толпе, прекрасная Латима в сопровождении опасных и грациозных Пантер-воительниц поднялась на палубу шхуны. Тотчас золоченые мостки были убраны двумя крепкими рабами — гребцами. Девушка подняла голову и посмотрела на шпили дворца, сверкающие на солнце.

Как быстро прядет свои сети неумолимый Хронос! Еще совсем недавно они с Лаэрт бегали по дворцовому саду, прогуливая уроки сплетения прошлого с грядущим, строили потайные убежища, где их долго никто не мог отыскать, фантазировали о том, что однажды весь мир ляжет к их стопам — и Спаркалия, и Черные Земли, и даже гордая Кассиопея хранительница слез пустыни. Даже матриарх Атлантида не журила их за эти выходки, лишь благосклонно замечала, что будущей правительнице и ее верной помощнице не подобает так себя вести может случиться непредвиденное, пока они будут играть в свои игры. Что, если дозорный узрит приближение вражеской армады и не посмеет дать отпор без распоряжения матриарх, которую никто не сможет отыскать? Что, если она заставит послов иной державы ожидать до заката, чем нанесет им обиду? Лаэртия после таких бесед испытывала чувство вины, которое быстро таяло, едва горизонт окрашивался заревом восхода, знаменуя собой новый круговорот.

Последние приготовления — и вот уже убраны тяжелые якоря-гарпуны, паруса наполнил ветер, и шхуна «Благодать Атланты» развернулась рукой кормчего к безбрежной водной глади Южного моря. Волны прибывали к крутому побережью белоснежные соцветия астропеусов, которые горожане бросали в воду, и тонкий аромат цветов империи щекотал ноздри. Лишь эти цветы будут напоминать Латиме о родине на протяжении двух солнечных круговоротов пути. По прибытии в Спаркалию они неумолимо завянут, но будут жить в памяти прекрасным напоминанием, что вскоре она вернется и вновь вдохнет их столь родной запах. Латима стояла, опираясь на поручни, пока очертания берега не слились в одну сплошную линию.

Матриарх Изменчивых Вод не чинила препятствий на их пути: ни разу не налетел шквалистый ветер, не встретились по пути суда Кассиопеи, ветер надувал паруса, а ясное ночное небо над головой позволяло держать верный курс по звездам.

Привыкшая к действию Латима изнывала от тоски вынужденного бездействия. Днем она проводила долгие меры масла на палубе, оттачивая и без того высокое мастерство владения мечом, а на закате, пользуясь отсутствием шквальных порывов, ныряла в море, проплывая мили, вслед за не теряющим свой ход кораблем. Лишь на рассвете третьего круговорота их морского пути вдаль забрезжили круглые маковки архитектурных построек Алессии, и Лучезарная заметно оживилась. Она с трудом усидела на месте, пока ее личная прислужница натирала отрезом лассирийского шелка роскошные темные волосы, покрывала плечи и ключицы госпожи мерцающей пудрой, подкрашивала глаза угольными стрелками. Кто-то из девушек все же догадался сохранить несколько астропеусов свежими, и теперь большой белоснежный цветок украсил черные волосы посла Атланты. Латима поморщилась, когда ее шею обвил ожерелье из слез пустыни, она не любила драгоценности, но надевать кольцо из белых пластин, которые и правда были резцами убитых ею врагов, для дипломатического визита было крайне неосмотрительно.

— Император Атиккус Фланигус, согласно традициям этой страны, встречает гостей в своем дворце, — задумчиво размышляла Лучезарная. — Вот вам традиции варваров во всей красе! Лаэртия вышла на берег даже к Актию Кассиопейскому, чтобы оказать ему достойный прием! Ничтожные самцы боятся перетрудиться. Их назначение — работать и

приносить нам удовольствие, а здесь они правят, подобно богорожденным атлантам!

— На рабовладельческих рынках златокожим мужам не было бы цены, — заметила Виталия. — Говорят, их род произошел из древней расы наших прародителей, но разногласия и войны с нашими далекими предками разделило нас на два противоборствующих рода.

— Эта легенда придумана спаркалийцами, дабы взять часть величия матриархата и доказать, что они тоже чего-то достойны. — Латима оглядела себя в отполированном металлическом щите. Шелк цвета небесной лазури удивительно ей шел. Длинный разрез открывал стройные ноги, а шелковый лиф — точеные плечи и руки с нежным рельефом мускулов. — Но я все же надеюсь, что свершится чудо, и я, наконец, вновь почувствую касания Криспиды в глубине своего лона и в напряженной и изголодавшейся по поцелуям груди. Говорят, среди них все же встречаются внешне достойные самцы с телами воинов. Жаль, что Аттикус больше даже не вправе приказывать собственному жезлу.

Девушки рассмеялись. Между тем «Благодать Атланты» вошла в порт Алессии, столицы Спаркалийской империи. Латима вышла на корму вместе с сопроводительным эскортом и оглядела немногочисленную пристань. Да, это не родная Атланта, где всегда ликует толпа, встречая все без исключения парламентские делегации, как самых дорогих гостей. Затем ее внимание привлек строй из крепких воинов, которые образовали коридор, дабы никто не смел приблизиться к послу матриархальной державы. Наконец ее взгляд замер на трех встречающих — представителях местной знати, судя по фиолетовым плащам и мечам в ножнах на поясе с богатой инкрустацией, а слезы пустыни на рукоятях оружия блестели в лучах восходящего солнца.

Лучезарная едва удостоила их вниманием, пока не спустили сходни на причал. Она спускалась медленно, гордо глядя перед собой, удостоившись легким поклоном в качестве приветствия.

— Атланта Непревзойденная шлет вам приветствия через безбрежную гладь тихих вод, этот неблизкий путь призван нам мир обрести в лучезарном покое.

У трех мужчин сразу приоткрылся рот, а в глазах появилось выражение глупой растерянности. Латима едва сдержала улыбку. Варвары! Вряд ли они поняли, что хотела сказать посол на языке высокой поэзии своей империи, как и то, что подобной чести удостоивались только самые уважаемые собеседники.

— Латима Лучезарная, следуй за мной! — Поднял руку один из них, и девушка едва сдержала смех, сделав жест своему сопровождению, которые едва не зароптали от возмущения. Настоящие дикари! Оставалось надеяться, что царь Аттикус не повторит ошибок своих подручных. Нет, она не сомневалась в своем хваленем самообладании, но очень тонка грань между уважением и пренебрежением, может не хватить сил отличить одно от другого.

Худшие опасения подтвердились. Сопровождающий указал на крытую повозку — фиакрон, где ей со спутницами предстояло преодолеть путь до дворца императора. Она и раньше слышала, что женщины этой страны не имели права ездить на колесницах. Впрочем, всех остальных прав они тоже не имели. Даже в варварской Кассиопее можно было наблюдать почтение к потомственным аристократам, поэты часто воспевали женщин и в песнях, и в стихах, но Спаркалия в отношении к прекрасному полу была непреклонна. Для того чтобы покинуть стены собственной обители, спаркалийки были обязаны получить на это разрешение не только супруга, но и имперского совета. На людях они были обязаны

скрывать свои лица за темными масками, а тела — под плащами. Наедине с мужчинами им полагался минимум одежды, сидеть женщины могли, только обнимая колени своих мужей, не имели права говорить без разрешения и смотреть в глаза. Нарушение этих традиций жестоко каралось — многие не выживали под ударами кнута и пытками калеными прутьями.

Подумав, Латима решила не спорить — не лишится она своего величия от поездки в фиакроне, и не будет повода к вероятному межгосударственному разногласию на почве различия культур. Когда процессия тронулась в путь, девушка все же нарушила правило — откинула тяжелую темную занавеску, разглядывая проплывающие мимо дома, улочки и большую площадь. Когда они проезжали мимо помоста, женский крик разорвал тишину, и Латима поморщилась. На помосте собралась небольшая толпа из мужчин разных сословий, и палач в красном облачении как раз приковывал к перекладине молодую женщину, совсем еще девочку. Виталия заскрежетала зубами от возмущения — подручная никогда не сдерживала своих эмоций, но Лучезарная предупреждающим жестом накрыла ее ладонь.

— О, Лучезарная, посланница цветущей Атланты, — Латима удивленно посмотрела на одного из встретивших ее мужчин. Он ехал верхом на гнедом жеребце и как раз поравнялся с проемом фиакрона. — Если будет на то твоя воля, мы можем понаблюдать за экзекуцией.

— В чем вина этого дитя? — невозмутимо поинтересовалась девушка, словно ничего ужасающего на ее глазах в этот момент не происходило.

— Нарушение общественной морали. Она посмела не ответить на вопрос воина городской стражи.

— Разве на то не было запрета от ее супруга или отца?

— Был, это обычная практика. Но ее супруг, достопочтенный Зедиус, сам настоял на экзекуции, так как юная супруга недостаточно согревает по ночам его ложе.

Латима повела плечами.

— Это бы доставило мне огромное удовольствие, но я не смею оскорбить неуважительным отношением императора, заставляя его томиться в ожидании. Мой путь был неблизким и изнуряющим, но я томима желанием склонить голову перед величественным Фланигусом как можно скорее! И, полагаю, он не одобрит подобной задержки.

На лице мужчины промелькнула тень удивления и легкого испуга. Латима улыбнулась в его лицо, растерявшее прежнюю напыщенность, и спокойно опустила занавеску. Виталия прыснула со смеху, Элития и личные прислужницы едва сдержали улыбки восхищения хладнокровием своей госпожи. Они удержались от обсуждений увиденного, опасаясь, что их прослушивают, поэтому не столь далекий путь до дворца Алессии преодолели в полном молчании.

Дворец поражал своим великолепием — во всех империях, достигших небывалой мощи, архитектура была изумительно красива.

Резные ворота, инкрустированные панцирями морских черепах и цветными стеклами с вкраплениями солнечного металла распахнулись перед посланницей матриарх Лаэртии, и удушающий зной пустынного сирокко сменила благодатная прохлада. Длинный коридор с рядом мраморных колон, темно-синие витражи высоких оконных арок, куполообразный потолок был расписан в яркие картины, изображавшие легендарные битвы империи. Здесь обожали роскошь и золото — даже мраморные полы были инкрустированы резными пластинами солнечного металла, но главным было не это. Высокий трон-пьедестал в центре

зала ослепил ярким золотым отблеском. Он был полностью выплавлен из этого благородного металла!

Латима ничем не выдала своего восхищения и удивления. Гордая и величественная, она плыла по глянцу мрамора, и казалось, что ее ноги касаются неподвижной водной глади. Десятки мужских глаз были прикованы к ее статной фигуре, и атмосфера дворцового зала словно сгустилась, наполнившись искрами, подобные тем, что возникают во время грозы. Девушка видела все — откровенную похоть на их лицах, осуждение, изумление — но гордо шла вперед, не сбавляя шага. Кроме нее и двух Пантер (прислуга была немедленно направлена в покои, отведенные послу) в зале не было ни одной женщины. Девушки подошли близко к пьедесталу, и тут же, как по команде, четверо крепких чернокожих стражей принялись неспешно разворачивать его в обратную сторону.

Лучезарная закусила губу и слегка склонила голову на бок. В итоге именно это помогло ей сдержать возглас изумления, когда стражи поклонились, отступив в тень. Глаза девушки медленно оглядели снизу вверх фигуру восседавшего на троне императора, и неподдельный шок отразился в широко расширенных зрачках.

— Танец огня ускоряет свой бег, лишь узрев твой чарующий лик, Лучезарный подарок Атланты! — правитель династии Флаигусов криво усмехнулся, заметив замешательство гостыи, и медленно поднялся на ноги в полный рост. Взгляд девушки все так же изумленно скользнул по резким, словно вытесанным из камня чертам смуглого, волевого и несколько жестокого лица мужчины, плотно сжатым губам, гладко выбритому черепу, опустился на развитые крылья внушительных грудных мышц, едва прикрытых золотой перевязью лат, задержался на рельефе такого же очерченного торса.

Нет, ее невозможно было ослепить одним видом божественного тела варвара, лишить самообладания одной улыбкой непримиримого правителя, который привык видеть в женщинах исключительно безропотных рабынь, исполнительниц своей воли и желаний. Она с молодых лет не умела робеть перед царями и императорами иных держав, даже теми, чья кровавая слава бежала далеко впереди них. Сейчас ее лишило опоры совсем иное.

Аттикусу Фланнигусу, который правил этой империей на протяжении тридцати семи зим, на вид было не более... тридцати! Но Латима не зря воспитывалась при дворце наравне с матриарх и училась дипломатическому искусству. Сохранять невозмутимость в любой ситуации атлантский посол умела. К тому же она нащупала нить логического пояснения увиденному, оставалось лишь проверить свою догадку.

— Аттикус Непобедимый, прославленный всеми богами! Почет и слава Спаркалии, родине воинов неиссякаемых сил и достоинства! — соблазнительная улыбка расцвела на устах девушки, превращая ее в совершенно иного человека — открытого, дружелюбного и обманчиво-ранимого. Она не могла не признать, сколь сильно ее поразили также уровень образованности собеседника, который приветствовал ее на языке родной атлантской поэзии.

— Аларикс, прекрасная дева, династия Фланигусов никогда не прервется; отбыл к богам первородный отец на восходе серпа ночного светила. Новый правитель предстал перед тобой, дабы взор свой ублажить видением искренней красоты и чарующей силы!

Латима сглотнула. Итак, за время ее пути с дипломатической миссией, а может, и гораздо раньше, в Спаркалии сменилась власть, и к престолу пришел сын правящего ныне Аттикуса. Отсутствие извещения и траура могло говорить только об одном — гибель императора преклонных зим не была случайной. Однако Лучезарная никогда не делала поспешных выводов, хотя история Спаркалии не брезговала подобными случаями. Сын шел

на отца, брат — на брата в кровавом противостоянии за обладание тронном из века в век. Ей хватит семи солнечных оборотов пребывания гостьей в Алессии, чтобы понять, заблуждается она на этот счет или нет.

Аларикс Фланигус величественно спустился вниз по золотым сходням. Латима непроизвольно внутренне дрогнула. Он возвышался над ней подобно гранитной скале, обволакивая жаром великолепного смуглого тела, и девушка против своей воли поддалась его жестокому обаянию. Словно сноп золотистых искр от ярко разгоревшегося костра проник ей под кожу, зажигая кровь обманчиво-ласковым, а на деле же, опасным пламенем, с поразительной скоростью, подобной бегу ягуара, достиг затрепетавшего сердца, оседая капельками испарины на спине. Ласковым ветерком, подобно морскому бризу, затрепетали ее ресницы, приоткрылись уста в непроизвольном порыве ощутить вторжение мужского языка внутрь ее сладостных глубин. Она даже не успела понять, что именно произошло, как сотни порхающих крыльев взметнулись между ее стройных бедер, и яркие искры пламени затопили тело сладкой истомой. Стрелы Криспиды беспощадно и неотвратимо поразили самую крепкую и неприступную донныне цель, словно в насмешку над гордостью своей воительницы.

Теплые, длинные пальцы нового императора Спаркалии коснулись ее ладони, Латима смело встретила взгляд мужчины. То, что читалось в этих светлых глазах, было именно желанием. Даже более — жаждой обладания. Намеренно или нет, Криспида Мудрейшая не поспешила на стрелы для каждого из них.

— Позволь предложить тебе свою ладонь, наслаждаясь исконным правом вести в Зал Советов! Язык долгих переговоров оставим мы позади очень скоро. Пир и величие будут сегодня в Алессии в честь Лучезарной богини Атлантских берегов!

Пламя достигло своей критической отметки. Но никто из них ни словом, ни жестом не выдал пожар вспыхнувших чувств в беспокойных отныне сердцах. Латима кивком головы велела сопровождающим оставаться в зале и вложила собственную ладонь в руку Аларикса. Теплый захват ладони — сотни бабочек ожили вновь, и девушка не смогла сдержать улыбку. Переговоры и другое времяпрепровождение в Спаркалии обещало быть крайне занимательным.

Ее руки не дрожали, когда она решительно завязала ленты темного плаща на своей шее в причудливый узел. На ее красивом лице не было ни тени волнения, сомнения или нерешительности. Чуть прикусив чувственные губы для прилива крови, Латима медленно подошла к огромному зеркалу, занимавшему практически всю стену в покоях, отведенных для иноземных послов и амбитадоров.

В этот поздний час в императорском дворце Алессии царила неестественная тишина. Свита Лучезарной наверняка крепко спала в своих отдельных комнатах, их сон всегда был чутким — воительницы-Пантеры помнили о том, что находятся на вражеской территории, пусть даже под иллюзией шаткой дипломатической неприкосновенности были готовы встать на защиту своей госпожи по первому сигналу тревоги.

Вспыхнувшее между императором и послом вождение не было тайной для сопровождающих. Так повелось издавна в Атланте — не стесняться своих желаний, брать то, что хочешь получить, по возможности, мирным путем, если же нет — приложить усилия. В любви, как и на войне, обычно хороши все методы. Надо лишь уметь предвидеть последствия своих деяний на несколько шагов вперед, чтобы понять, какой именно результат в итоге получишь.

Латиме Лучезарной потребовалась вся ее выдержка, железное, выработанное долгими зимами самообладание, чтобы сохранить спокойствие, не позволяя пламени взбунтовавшейся плоти одержать верх над разумом.

— Не преграда согласию между державами мое утомленное сердце, — Латима редко использовала в своей речи подобные поэтические обороты. Но сейчас она несла послание от матриарх, которая славилась своим красноречием, и собиралась произвести на молодого императора самое благоприятное впечатление. — Долг соглашения вновь принуждает меня, забывая усталость, скрепить его оттиском новой печати.

Она без тени смущения разглядывала мужчину, сидящего напротив во главе длинного каменного стола переговоров. Оружие, которым были увешаны стены зала, не произвело на нее ровным счетом никакого впечатления — вооружение Спаркалии во многом уступало Атланте, которая всегда негласно работала над укреплением военной мощи. Лаэртия не жалела сил и злата на исследование и разработку новейших видов оружия, информация о котором содержалась в строжайшем секрете. Клинок булатной лассирийской стали, тяжелые арбалеты, громоздкие копыя — давно мудрые девы ее империи усовершенствовали подобное оружие. Легкие мечи рубили все живое на своем пути, арбалеты, которые легко было уместить на плече, поражали цель с максимальной точностью, а копыя были невесомы и точны, достигая в полете запредельной скорости. О том, чем занимались ученые мужи в лаборатории Лаэр, она редко интересовалась, но знала одно, когда это оружие увидит свет, Атланта станет непобедима.

Декорированные золотом и металлом Фебуса стены, россыпь слез пустыни и смарагдов по капители колонны — она никогда не была заложницей роскоши и богатства, хотя вынуждена была признать, насколько богатыми были залы этого дворца. Но даже их блеск и

великолепие меркли на фоне молодого императора жестокой империи.

Аларикс Фланигус, не стесняясь, буквально ел глазами прекрасного посла Атланты. В глубине светлых омутов с искорками неприступного льда сложно было прочесть истинные эмоции. Вся поза мужчины выражала снисходительную скуку, его мысли витали далеко за пределами зала и совсем в иной плоскости. Латима вела разговор спокойно и невозмутимо, ни один мускул ее не дрогнул, выдавая в точеных чертах лица истинное волнение, наверняка ее взгляд был таким же холодным и сосредоточенным. Но это не мешало ей любоваться величественной фигурой императора с телом воина, скользить внимательным взглядом по сильным рукам с бугрившимися мышцами и четкой сеточкой вен, крыльям широкой груди, рельефному торсу и сильным ногам. Пожар опасного, будоражащего кровь вождения растекался по ее телу, пришлось собрать все свое мужество и сделать над собой горячие усилия, чтобы не дрожать от внезапно нахлынувших чувств.

Никогда еще Лучезарная не видела столь красивого и сильного мужчины. В свои двадцать пять зим она успела познать очень многих, узнать цену чувственному наслаждению от единения в закрытых покоях под пологом лазурного шелка, но чувств подобных тем, что она испытывала сейчас, ей еще не довелось впустить в свое сердце. Все мужчины, которые делили с ней ложе, и близко не стояли с волевым и мужественным Алариксом. Мужики Атланты были слабы и податливы любому приказу дев империи, не осмеливаясь просить о чем-либо и отказывать — подобное своеволие всегда жестоко каралось. Она забывала их лица с восходом солнца, те же, кто оставлял след в памяти благодаря своим навыкам и проявлением характера, давно отправились в чертоги Антала. Латима не имела права компрометировать свое имя излишними подробностями своих чувственных удовольствий.

Она не стеснялась дарить своим партнерам ласку рабов, она испытывала запретный восторг, когда крепкие рабы, бывшие воины, держали ее роскошные косы в захвате сильных рук, имея ее гибкое тело по своему усмотрению, подводя гордую воительницу к тонкой грани удовольствия, смешанного с болью. На время опасная и своенравная Лучезарная становилась робкой и уязвимой в их крепких объятиях, позволяя тем чувствам, которые была вынуждена прятать глубоко, вырываться из груди вместе со слезами и счастливыми стонами. Только тогда ее тело дрожало от экстаза, горло саднило от стонов и криков наслаждения, а в глубине души вспыхивали, взрываясь и распадаясь на блики света, сотни небесных светил, которые открывали врата навстречу абсолютному счастью и умиротворению.

Но стоило первым лучам солнца окрасить горизонт, полет обрывался на своем пике. Латима смущенно улыбалась своему ночному любовнику, который внутренне расцветал от осознания того, что смог покорить самую жестокую и прекрасную деву империи, втайне забавляясь его иллюзиям абсолютного превосходства. Занятно было наблюдать его гордо вздернутый подбородок, злорадную улыбку, пошлые замечания, которые вливались в кровь новыми очагами тайного удовлетворения; страстная ночь развязывала язык всем без исключения, так забавно было слушать ахиною каждого из временно возвысившихся рабов. О, все без исключения любили пофилософствовать на отвлеченные темы после жаркой ночи с Лучезарной. Многие недоумевали, как Атланта смогла добиться величия, если ее девы в постели оказывались бесстыдными и готовыми на все рабынями мужчин, и, не имея сил смириться с собственной жалкой участью, наполнялись чувством глупого превосходства. Иные строили планы на последующие ночи, расписывая в деталях свои низменные желания; у всех без исключения преобладало одно — заставить приближенную матриарх ползать в ногах, умоляя о ласке. Особо запомнился пленный воин Кассиопей, пронзенный стрелой

Криспиды от одного только поцелуя, который признался в том, что давно разработал план побега из шахты, где смог возвыситься до главного надсмотрщика за рабами. Не в силах вернуть ускользающий разум после рабской ласки в исполнении Латимы, он легко сдал всех своих соратников, умоляя взамен лишь об одном — чтобы прекрасная Лучезарная бежала из родной империи вместе с ним и вошла в его дом величественной супругой.

Но, стоило лишь резным дверям ее покоев закрыться за очередным любовником с первыми лучами зари, его жизнь была предрешена. Латима считала ниже своего достоинства марать собственные ладони их кровью. Нож, удавка на шею, камень, пучина глубоких вод — исход был один.

Верные Пантеры ожидали у дверей завершения жаркой ночи, чтобы заставить того счастливчика, кому удалось разделить ложе с их госпожой, замолчать навеки. Иногда Латима выпроваживала мужчин задолго до рассвета, таким образом, награждая своих преданных воительниц за их службу и верность. В одном она не сомневалась никогда: все эти мужи умирали счастливыми, даже не успев осознать, что их земной путь оборвался. Закрывая глаза в краткой предсмертной агонии, они уносили в чертоги своих богов лик самой прекрасной девы из всех тех, которой им доводилось обладать в течение всей своей жизни.

Жалела ли она хоть кого-нибудь из них? Нет, Латима не могла припомнить ни единого подобного случая. Участь рабов была жестока и незавидна. Исключения составляли лишь мужи из знатных родов Атланты, но они были покорны до оскомины и не оставляли искрящегося следа в памяти чувственной девы. Лишать их жизни не имело смысла — они молчали под страхом жестокой смерти, втайне надеясь, что однажды снова будут удостоены чести ласкать столь прекрасную женщину.

Слава о жестокости Лучезарной девы Атланты ширилась территориями далеких земель, обрастала легендами и небылицами; сотни паломников стремились в матриархальную империю лишь для того, чтобы узреть ее — прекрасное, но такое опасное видение. Она по праву делила свою экстравагантную славу с Лаэр, — две такие разные женщины, словно день и ночь в цикле круговорота, и такие же близкие! Ничто не могло разрушить их дружбы. Лаэртия никогда не осуждала методы подруги, как казалось Латиме, даже одобряла подобные действия, потому как не в меру длинный язык любого из самцов мог скомпрометировать империю.

... — Больше торговых путей, но не смей окропить договор кровью жертв на пути к своей славе!

Лучезарная бегло просмотрела свиток папируса с очередным соглашением относительно беспошлинной торговли между Атлантой и Спаркалией и подняла пылающий стилос.

Ее чувственные губы сомкнулись, когда она подула на огонек оранжевого пламени, заставляя его погаснуть, и поставила росчерк герба империи на соглашении. Одно движение руки и свернутый в трубочку документ покатился по гранитной плоскости стола переговоров навстречу Фланигусу. Латима пристально наблюдала за его движением, боковым зрением отметив, как поднялись вверх брови Аларикса.

Она уважала обычаи чуждой империи, но подниматься со своего места сочла ниже своего достоинства. К тому же, на таком расстоянии не было слышно стука ее сердца, которое не желало замедлять свой бег от одного присутствия мужчины, который столь сильно волновал ее. Грудь девушки налилась сладострастной негой, скрытые шелковой

юбкой складки обнаженного женского естества увлажнил нектар неподвластного разуму желания, и она провела кончиком языка по пересохшим губам, понимая, что этот жест может выдать с головой ее истинные мысли.

Длинные пальцы императора Спаркалии легли на свиток, задержавшись на нем на короткое мгновение. Его внимательные светлые глаза с насмешливым интересом изучали сидящую напротив девушку. Латима прекрасно знала этот взгляд, который так часто приходилось наблюдать у властителей патриархальных держав — усиленное превосходство, призванное скрыть пожар желания, который в их империях считался проявлением недопустимой слабости. Гордый Аларикс мог обмануть кого угодно своей показательной невозмутимостью, но только не ее. Волны чувственного жара возмущенной плоти омывали просторный зал переговоров, падали невесомыми горячими лепестками на кожу Латимы, разжигая ответный пожар вспыхнувшего вожделения. Очаг жертвенного костра неминуемого влечения разгорался между ее сомкнутых ног, скользил ошеломительной пульсацией по стеночкам пещеры Криспиды, поднимаясь выше, сжимая сердце своими неумолимыми чувственными тисками, вызывая легкое головокружение. Никогда прежде гордая воительница не испытывала подобного — это была стена вечного, негасимого огня, массив неумолимого цунами, порыв ураганного ветра. Страсть завладела телами и сознаниями, неведомая прежде, поглощающая, сжигающая все преграды на своем пути и не знающая пощады. Этому безумию не суждено было стать временным и угасающим с первым единением двух сущностей, неизбежное столкновение-соитие разожжет его еще больше и сильнее, затопит счастьем без опустошения.

Латиме не было страшно. Кажется, именно сейчас она испытала неловкость за то, что втайне посмеивалась над Лаэртией и чувствами своей матриарх к Арию, отцу принцессы Ксении. Во уже три зимы, как гордый воин, вольный спутник Справедливой отбыл в чертоги Антала, пав смертью храбрых на поле брани. Тогда Атланта не только оттеснила падаль Черных Земель подальше от Лассирии, но и аннексировала часть территорий крупного рабовладельческого царства.

Аларикс медленно, как показалось Латиме, намерено чувственным движением длинных пальцев развернул пергамент и слегка сдвинул брови, внимательно изучая текст. Лучезарная отпила холодной ключевой воды из резной пиалы, чтобы унять жар разгоряченной плоти, и заставила себя отвлечься, вспомнив о Лаэр и ее чувствах к вольному спутнику.

Арий был рожден в землях Белого Безмолвия — далекой империи, где зима царила постоянно, и даже приход краткого лета не длился более тридцати солнечных круговоротов. Большую часть времени землю покрывала мгла, а на небосводе бог Аэдин писал живописные картины ярчайшими переливами светящихся красок. Там царил непривычный для иных империй уклад жизни — если в Атланте была абсолютная власть женщин, в Спаркалии и Кассиопее — мужчин, то земля Белого Безмолвия даровала одинаковые права и мужам, и девам от рождения и вне зависимости от их принадлежности к знати. Белокожие валькирии сражались бок о бок с великими воинами, их свободы никогда и ни в чем не ущемлялись, а в семьях царило взаимопонимание и уважение друг к другу.

На исходе летней декады Арий из рода Покорителей Стихии впервые появился во дворце Атланты. Тогда Лаэртия восседала подле матриарх Атлантиды, ее епархией было ведение необременительных переговоров, касающихся торговли, искусства и архитектуры. Великий воин Белых Брегов поразил всех без исключения женщин своим сильным телом, белоснежной кожей, ледяными голубыми глазами и длинными волосами цвета пшеницы, так

похожими на волосы принцессы Лаэртии. Даже Латима тогда отметила его экзотическую красоту и недюжинную силу, испытав мимолетное томление внизу живота. Но достаточно было одного взгляда Лаэр, чтобы девушка погасила вспыхнувший интерес — право принцессы было неоспоримым.

Он не просил военной поддержки, торговых путей или же иных благ. Не более двадцати круговоротов тому назад драккар Аннег из рода Покорителей Стихий, его горячо любимой сестры, потерпел крушение у берегов Черных Земель, сбившись с курса и так и не достигнув побережья Кассиопей, где северная валькирия намеревалась приобрести партию слез пустыни в качестве своего приданого. К счастью, ей в некотором роде повезло — вождь Черноземии не стал выставять белокурую красавицу на аукцион, а отправил в качестве подарка матриарх Атлантиде в благодарность за временное предоставление водного коридора.

Рабыне-северянке было столько же зим, сколько наследной принцессе Атланты, и матриарх направила девушку в услужение к своей дочери. Лаэр, а вместе с ней и Латима, были с первых дней восхищены выдержкой и достоинством молодой рабыни. Уже на второй солнечный круговорот принцесса избавила девушку от рабского ошейника. Они проводили время в долгих беседах и сами не заметили, как сдружились между собой. Веселая и никогда не теряющая присутствия духа Аннег открывала будущей матриарх несколько секретов в обращении с оружием. Их часто можно было увидеть втроем на тренировочной площадке, где они совершенствовали свои навыки, а после отдыхали в тени вечерней прохлады.

Арий потратил все свои силы и время на поиски пропавшей сестры, и вот след привел его в Атланту. Лаэртия выслушала великого воина вдумчиво и внимательно, ничем не выдав своего моментально вспыхнувшего интереса к этому мужчине.

— А что если, Арий Покоритель Стихий, я откажусь вернуть тебе сестру? Гордая дева наполнила мои дни радостью и удовольствием, и я не желаю терять верную подругу.

Словно молния сверкнула в ледяных глазах северянина. Рука воина легла на эфес меча, а от его голоса дрогнула даже матриарх.

— Тогда, принцесса Лаэртия, я буду вынужден позволить своему мечу говорить с тобой вместо себя!

Это была не было угрозой, но потрясенные дерзостью визитера Пантеры схватились за мечи, готовые по одному приказу матриарх Атлантиды пронзить нахального воина. Но матриарх сразу поняла, почувствовала искры необъяснимой симпатии, которые зародились между ее дочерью и этим необыкновенно красивым и статным мужчиной, поэтому не вмешивалась в разговор. Лаэртия поднялась с трона и бесстрашно спустилась к нему.

— Я буду вести разговор за воротами покоев принцессы.

Когда они вошли в ее комнату, Аннег, не поверив своим глазам, кинулась на шею брату. Лаэртия сняла маску холодной правительницы и тепло улыбнулась девушке.

— Ты свободна. Но видит Антал, как мне будет тебя не хватать!

Глаза Ария потеплели, он сделал пару шагов навстречу принцессе, но Латима, догадавшись о том, что он намеревается сделать, незаметно покачала головой, предостерегая того от падения к ногам будущей матриарх. Лаэртия же с улыбкой выслушала его сбивчивые слова искренней благодарности и, поколебавшись, накрыла сильную ладонь воина своей.

— Гостем прошу тебя быть часть осенней декады, Бесстрашный Стихий Повелитель! Сердце мое покорила твоя безрассудная смелость.

Лаэртия всегда говорила прямо, не стесняясь своих чувств — одна из неоспоримых

привилегий будущей королевы. О том, что стрелы Криспиды в очередной раз поразили одновременно два сердца, было не трудно догадаться по пристальному взгляду друг другу в глаза и самой обстановке в покоях принцессы.

Спустя семь круговоротов Аннег, получив от Лаэртии несметное количество дорогих подарков, отбыла к Берегам Белого Безмолвия, где ее ждал возлюбленный. Арий же так и не смог покинуть будущую правительницу Атланты. Он с честью выдержал испытания, которым Лаэртия подвергала его, испытывая на прочность, и со временем принцесса объявила о том, что Арий Покоритель Стихий официально становится ее свободным спутником. Права мужчин, получивших этот статус, были равны правам атлантских дев и давали свободу выбора и принятия решений во всем.

Это и погубило гордого Ария, думала Латима, наблюдая за тем, как Аларикс поставил свою подпись на договоре и капнул на бумагу расплавленный свинец, закрепив росчерком герба застывающий металл. Если бы Лаэртия не наделила своего возлюбленного такими полномочиями, он бы не погиб в том бою. Лассирия была отбита у войска черных Земель, но Арий так жаждал подарить своей принцессе прибрежную территорию этой подлой державы! Воин чести и достоинства погиб от удара в спину в часы вечернего перемирия.

Лаэртия была в ярости. Всех чернокожих пленников было приказано тут же предать смерти, горели деревни и города империи работоторговцев, но ничто из этого не могло вернуть Ария к жизни. Лишь присутствие юной принцессы Ксении со временем позволила улечься ее боли — белокурая и голубоглазая, настолько похожая на отца внешне, насколько отличная от него нравом.

— Если мое сердце когда-нибудь снова начнет биться, пронзенное стрелами Криспиды, мой вольный спутник не получит подобных прав! — беспрекословно заявила матриарх, когда Латима завела с ней этот разговор. — Я не желаю сжигать дотла свою душу снова, переживая смерть возлюбленного мужа!

Нить воспоминаний дрогнула и прервалась.

Аларикс Фланигус отложил документ в сторону, и Латима едва не вздрогнула, узрев его улыбку. Чувственная и решительная, она смягчила черты его волевого, словно выточенного из гранита лица, и по позвоночнику девушки побежали сладкие разряды волнительного предвкушения. Сохранить невозмутимое выражение лица было сложно, но девушка из последних сил смогла удержать себя в руках. Она не привыкла проигрывать ни в чем, не показывать свою слабость и не уступать никому, даже тому противнику, который превосходил ее во многом.

— Пора испить чашу нектара небесных плодов за достигнутое соглашение! — Аларикс использовал весь свой потенциал, чтобы заинтересовать прекрасную гостью. В его устах поэзия Атланты звучала иначе, вкрадчиво-ласково, волнуя глубоким тембром и эротичной хрипотцой приятного голоса мужчины. Латима ожидала, когда робкие и чем-то напуганные девушки наполнят их чаши красным вином. Издалека их можно было вполне принять за дочерей Атланты — та же бронзовая, словно подсвеченная изнутри кожа, темные волосы и пухлые губы, и лишь слегка ссутуленные плечи и затравленное выражение в глазах, которые они не поднимали выше пола, рассеивало эту иллюзию. Лучезарная проводила их задумчивым взглядом. На рабских рынках спаркалиек часто выдавали за атланток, потому как девы матриархальной империи никогда не становились рабынями — они либо погибали в бою за свою свободу, либо истребляли всех, кто осмеливался попытаться их поработить. Когда одна из девушек оступилась, с ее плеча сползла лямка одеяния, и Латима готова была

поклониться, что заметила на ключице красные отметины от плети. Повернулась к Фланигусу, намереваясь спросить его об этом, но слова замерли на ее устах. Он подошел почти вплотную, и взгляд девушки захватили в тиски две серо-голубые льдины с мерцающим в глубине зрачков огнем скорого извержения. От волнения и близости мужчины она непроизвольно сжала пальчики ног и чересчур поспешно схватила свою пиалу с вином, едва не расплескав.

— Долгих нам зим процветания в мире и радости, — у нее кружилась голова, когда она сделала несколько глубоких глотков, осушив чашу до дна согласно традиции взаимопонимания.

Фланигус отбросил чашу в сторону. Казалось, замерли даже капли масла в высокой клепсидре в этот момент застывшего времени. Самоконтроль сорвался в пропасть, лишая самообладания, и Лучезарная испустила стон, похожая на рык возбужденной тигрицы, когда сильные руки императора Спаркалии сжали ее плечи, резко разворачивая к себе. Возмущение тут же выбила, выплеснула, растворила волна жаркого желания, сметающая все на своем пути. Когда его губы накрыли ее, воруг, заглушая стон сладострастия, мир вокруг взорвался яркими красками, ощущение необъяснимой невесомости подхватило ее ослабевшее тело, заставив напрочь вычеркнуть из памяти недавние события. Язык мужчины настойчиво разомкнул створки ее губ, проникая глубже, словно исследуя приговоренную к порабощению территорию, и Латима сама не поняла, как вернула ему поцелуй в понятной обоим агрессивной манере. Низ живота сладко занял, насыщая кровь жаром священного пламени, бедра непроизвольно толкнулись навстречу, когда правая ладонь императора переместилась на ее скулу, оглажив жестким подобием ласки. Призвав на помощь все свое самообладание — в ее планы не входило быть распятой телом императора поверх стола переговоров, подобно горожанке низшего сословия — Латима сомкнула зубки на податливой мякоти губ Аларикса и уперлась ладонями в его мускулистую грудь, мысленно приказав отпустить. Жалящая, но приятная вибрация от прикосновения к великолепному телу воина побежала сладкими змейками по коже, заставляя кровь кипеть, но девушка сделала несколько глубоких вдохов, чтобы вернуть самообладание.

Аларикс провел пальцами по губам и с усмешкой посмотрел на едва заметный кровавый след.

— Кровь пантеры течет в твоих венах, возлюбленная Бога страсти, — его голос дрожал от возбуждения. — Нам ли бежать от его искушений подобно трусливым животным?

Латима перевела взгляд на чресла императора. Загребь тебя Лакедон! Нет, не то чтобы она сомневалась в подлинности его желания — скорее, была потрясена размером того, что скрывала кожа облегающих брюк мужчины. Если она решится подарить ему ласку рабов, его жезл едва поместится в ее ротике! От этой мысли ее щеки вспыхнули алым, оставалось лишь возрадоваться тому, что глубокая бронза оттенка кожи позволяла скрыть румянец смущения от таких сладких и развратных мыслей.

— Путь мой не близок был и утомителен, смею признаться; ложе зовет меня ко сну, не к преданиям страсти под шлейфом лазурного шелка. Наш разговор не окончен, вернемся к нему непременно, но лишь с рассветом зари над прибрежными тихими водами.

Подарив на прощание ласковую улыбку, Лучезарная развернулась к двери и покинула зал переговоров, сохранив гордую осанку. Никогда императору не узнать, какой пожар бушевал в ее груди, как подгибались колени и заливались более глубоким, насыщенным румянцем щеки, как трепыхалось сердце в сетях Криспиды, которая уже натягивала тетиву

своего золоченого арбалета, намереваясь пронзить ее сердце дополнительной стрелой. От этих стрел оно не истекало кровью, нет, оно лишь билось сильнее, сметая на своем пути любые преграды и сомнения. И она чувствовала кожей, как бьется сердце мужчины, оставшегося в одиночестве в зале переговоров, не осознавая, что меткой своих зубов открыла его сердце для новых стрел богини любви и сладострастия.

Едва она переступила пороги своих покоев, как Пантеры обступили ее, все еще не решаясь задавать вопросы, но стора от любопытства. Говорить с ними у нее не было ни малейшего желания. Приняв ванную и устроившись на шелковых отрезках ложа, Латима уже вскоре погрузилась в глубокий сон, вызванный таким спектром радужных переживаний. Она знала, что проснется с заходом солнца, как и знала другое: ей нужна ясность мысли и максимум сил. Именно поэтому стоит отдохнуть с дороги и не пренебрегать спасительным сном.

И вот сейчас она взирала на свое отражение в большом зеркале. Пламя факелов и свечей, казалось, подсвечивали изнутри ее изумительную кожу, скользили по ней бликами пляшущего огня, мерцая серебристым отблеском в густых волосах. Девушка распахнула плащ и оглядела свое обнаженное тело долгим взглядом. Плоская линия живота с рельефом нежных мышц, соблазнительный изгиб бедер, абрис тонкой талии, длинные стройные ноги. Это тело жаждало прикосновений даже во сне, который, хоть и предал сил, был чутким и прерывистым. Она не могла вспомнить образы сновидений, но низ живота пылал, стоило пробудиться, а соски не утратили своей твердости. Нанеся на пульсирующую жилку каплю эфирного масла астропеуса, Латима стянула ленты плаща и прищурилась, уставившись на кованую дверь покоев.

Планировка дворца была типичной, можно было не опасаться того, что заблудится в его лабиринтах. Ее мать всегда твердила: когда тебя пронзит стрела Криспиды, бери удачу в свои руки и не беги от ее благодати. Грани между «правильно» и «неправильно» в ее родной империи были размыты, можно было даже сказать, что в отношении мужчин их не существовало вовсе. После заключения соглашений Аларикс перестал быть врагом Атланты, впрочем, не так уж долго он им и пробыл. Латима сделала шаг к двери и вздрогнула от неожиданности, когда ее створки медленно распахнулись. Пламя факелов заметалось от ветра, по стенам пробежали причудливые тени, а сердце девушки замерло, перед тем как рухнуть к ногам от очередной беспощадной стрелы Криспиды.

В полумраке высокая фигура Аларикса казалась еще более внушительной и рельефной в отсветах ласкового огня. На нем не было золоченых лат, и впервые Латима видела его обнаженным по пояс. Это было настолько завораживающе, что она не могла и слова молвить, наблюдая за его грациозным приближением. Он был похож на готовящегося к прыжку хищника, который загнал свою жертву в угол и теперь никуда не торопился. Лучезарная понимала, что должна сыграть на опережение, не позволив мужскому диктату начать игру первым, но не сдвинулась с места. Она молчала даже тогда, когда сильные пальцы воина-императора сжали ее подбородок, вынуждая посмотреть в глаза. Она не отвела взгляд — впервые смотрела в глаза мужчине не как перед кровавым поединком не на жизнь, а на смерть. Никто ранее не удостоивался подобного — она никогда не горела желанием смотреть в глаза своим любовникам, но сейчас тонула в этих айсбергах, подсвеченных огнем, ощущая, как горячая лава ненасытного желания вытесняет кровь, овладевая ее телом. Рука Аларикса дернула завязки темного плаща, и черный шелк скользнул к ногам девушки невесомым облаком.

Глаза мужчины потемнели, когда он увидел ее обнаженное тело, лишая контроля, возрождая в глубине сердца пожар страстного безумия. Губы накрыли ее рот, ладони сжали тонкую талию до приятной боли, когда он без малейшего усилия со своей стороны поднял девушку в воздух, словно невесомую пушинку. Он оторвался от ее губ и склонился к высоким холмикам груди — Латима зарычала от боли, смешанной с разрядами острого удовольствия, когда зубы мужчины вонзились в податливую плоть. Злорадная улыбка исказила губы девушки, и она подняла колено, впечатав его между ног желанного захватчика.

— Сука! — прохрипел Аларикс, и его руки на ее талии разжались. С гортанным смехом Латима отпрыгнула в сторону, приземлившись на вытянутые руки, и насмешливо подняла брови вверх. В мужчину вселился зверь, она видела это в его почерневших глазах даже в полумраке. Неистовый, опасный, возбужденный и такой желанный зверь. В два шага воин преодолел разделяющее их расстояние, но Латима выпрямилась во весь рост и, обхватив руками его плечи, подпрыгнула, обвивая ногами торс Фланигуса. Язычок пробежался по губам мужчины перед тем, как проникнуть внутрь и загасить агрессию жарким поцелуем. Он подчинился нажиму ее языка в глубине своего рта, и Лучезарная безошибочно считала запредельную мощь его желания. Жесткие губы терзали ее, растирая в кровь, но страсть бурлила, унося в запредельные дали, прогоняя прочь все мысли. Ладонь Аларикса вцепилась в ее волосы, натянув до боли.

Латима сама не поняла, как оказалась на коленях, ее глаза, не отрываясь, следили затем, как руки мужчины развязывали шнуровку брюк. Она восхитилась длиной его напряженного жезла, который скользнул грубой лаской по кромке ее губ, высунула язычок, растерев на губах соленую каплю нектара, прошлась по длине ствола порхающим движением. Но стоило только ее неистовому любовнику расслабиться и запрокинуть голову, как девушка вскочила на ноги. Поразительно, как Аларикс успел совладать с собой, вновь сжав ладони на ее талии и швырнув на постель.

Тело отозвалось мимолетной болью, но сейчас это не имело никакого значения. Улыбка жаркого предвкушения не сходила с уст Латимы, она послушно ожидала, когда он сбросит свое облачение и приблизится к ней. От прикосновения его горячего тела внутри разливались потоки сладострастной лавы, грубый поцелуй сводил с ума своим неистовым желанием. Но едва напряженный жезл мужчины толкнулся внутрь нее, Лучезарная с победным криком вцепилась в его широкие плечи, принуждая перевернуться на спину, и тут же оседлала его бедра, принимая вглубь себя напряженный член. Фланигус протестующе дернулся, но девушка соблазнительно задвигала бедрами, принимая глубже отрывистые толчки, ощущая, как мимолетную боль от глубокого проникновения вытесняет нега приближающегося оргазма. Быстро. Сильно. Неистово.

Один взгляд в глаза, которые из серых стали черными — и чувственные спирали подхватили, унося с собой в свободный полет. Сладкие судороги еще не затихли, как император Спаркалии исторгся в ее глубины с неистовым криком покоренного хищника.

Латима медленно сползла с его тела, восстанавливая сбившееся дыхание. На ее устах играла улыбка довольной тигрицы, а в крови бурлил запредельный восторг. Она даже вскрикнула от возмущения и неожиданности, когда Фланигус грубо перевернул ее на живот, подтянув к себе за бедра, и снова пронзил своим копьём Антала. Пульсирующие стенок пещеры Криспиды обхватили напряженное орудие страсти, принимая в себя до запредельной глубины. Сильные пальцы мужчины сжимали ее бедра, насаживая на себя, даруя сладкую пытку восторга, оставляя на коже белые отметины, которые совсем скоро

нальются красным. Пульсирующая бездна страсти затягивала их в свой омут с каждым толчком и движением бедер сладкой отдачей, стирая все границы, соединяя двух таких непохожих друг на друга людей в единый абсолют. Хотя, наверное, у них сейчас было куда больше общего, чем могло показаться ранее — страсть объединила их посильнее любых печатей на дипломатических соглашениях. Аларикс наклонился, накрыв тело девушки своим, его зубы, несмотря на неистовый пожар страсти, прикусили женское плечико практически нежно. Этого оказалось достаточно, и новая вспышка освобождения согнула пополам тело Латимы в потрясающем оргазме.

В ушах шумело, перед глазами плясали темные пятна, когда Лучезарная обмякла в его сильных руках. Аларикс не спешил и успокоился лишь тогда, когда очередной оргазм вновь выбил почву из-под ног величественной гостьи. Девушка попыталась в привычной ей манере выскользнуть из кольца его рук, но объятия мужчины вдруг стали иными — нежными, крепкими...словно ей угрожала опасность, и он был тем, кто мог укрыть и уберечь ее от этого, заслонив собственным телом. Горячие губы мужчины скользнули по ее щеке легким поцелуем, и она с удивлением услышала его хриплый смех.

— А ваша Криспида не выбирает, кого пронзить стрелами, и кажется, у нее твоя решимость, Лучезарная!..

Антарктида

Археологическая полярная станция

7 июня

Лето в Северном полушарии

Наверняка неискушенному обывателю при подобном сочетании слов, — особенно тому, кто уже подзабыл школьный курс географии, — рисуются потрясающие картины слепящего солнца, долгий полярный день, суета смешных пингвинов и дрейф тающих льдин по водной поверхности. Лето же — оно и в Африке, и на Южном полюсе лето, разве нет?

Ну, а теперь суровая реальность: самое теплое время на материке приходится на период с ноября по февраль — это весна и лето в Южном полушарии. На побережье воздух может прогреться до 0 °С, а вблизи полюса холода температура поднимается до -30 °С. Яркое солнце буквально сжигает сетчатку, поэтому без солнцезащитных очков с максимальными светофильтрами здесь делать нечего. Загар не уступает южному, если, конечно, кто-то рискнет принимать солнечные ванны в столь суровых условиях.

Самая низкая температура — с марта по октябрь, осень и зима в Антарктиде, когда столбик термометра опускается до -75 °С. Это период сильнейших бурь, самолеты на материк не прилетают, и полярники на долгие восемь месяцев оказываются отрезанными от остального мира. Это статистика. На самом же деле для принца Абу-Гасана, курирующего исследования и раскопки, не было ничего невозможного: провиант и комплектующие, как и смена специалистов, прибывали исправно и в срок, качество спутниковой связи оставалось на высоте, а новейшие технологии создавали в комфортных коттеджах для участников экспедиции уютные условия.

Сейчас холод в минус пятьдесят по Цельсию уже не казался таким убивающим. Шквальный ветер утих, как обычно перед днем солнцестояния, который будет 22 июня. Солнце наполовину покажется на горизонте около полудня, а затем снова скроется — однажды Савичеву приходилось наблюдать это редкое явление. Особое преломление солнечных лучей — рефракция — продлило короткий рассвет, позволив наблюдать оттиск светила еще в течение часа после его захода. Сейчас же на безмолвной земле царила полярная ночь, а в небе вершило свое лазерное шоу завораживающее северное сияние. К переливам солнечного ветра в озоновом слое невозможно привыкнуть — изо дня в день это явление притягивает взгляды, словно полотно мастера-живописца, который пишет свои уникальные картины, никогда не повторяясь в переплетении штрихов и мазков всевозможных оттенков.

Дмитрий сделал глоток обжигающего кофе и внес очередную запись в поле лингвистической базы данных. В его рабочем кабинете царил творческий апокалипсис, но

он редко обращал на это внимание. Последнее открытие — раскопка на глубине трехсот метров обнаружила, судя по всему, самую крупную библиотеку погибшей империи. Сохранились не только глиняные таблицы, но и обрывки папируса, многовековой лед законсервировал их лучше вакуума и других архивных спецусловий. Но самым захватывающим было то, что эти документы содержали в себе транскрипции. Такие находки ему приходилось раскапывать и раньше, а сейчас словарный запас мертвого языка древних атлантов дополнился новыми терминами, правда, некоторые из них были нарицательными именами и не всегда понятными. Савичев не устал поражаться изысканной мелодичности этого языка, а поэзия, которая очень сильно напоминала Гомера, брала за живое с первых строк. Атланты поклонялись солнцу и луне, всем четырем стихиям, погодным условиям и самому Времени, как высшим абсолютам, практически в каждом стихосплетении были упоминания богов их пантеона. Даже тот факт, что пока не удалось отыскать что-либо, что бы рассказало о тайном оружии, особо не расстраивал археолога вип-класса. Их исследования только начались, впереди предстояло много новых открытий, о чем уже сообщили данные дронов, которые могли погружаться в ледяной шельф на сотни метров.

Глухо хлопнула дверь, и Дмитрий поморщился. Штат археологической базы на этот момент состоял из двадцати двух человек: программисты, механики, криптологи, профессиональные операторы бурильных установок, геодезисты, коллеги-историки и спелеологи. И это без учета медиков, поваров и смотрителей станции. С самого первого дня все эти люди смотрели на него, как на главного, который по умолчанию должен был раздавать им указания и курировать работу, координируя действия. Такая невольная популярность иногда жутко бесила.

Литеры древних писем запрыгали перед глазами, словно возмущаясь нарушением спокойствия, и Савичев отложил очередную глиняную пластину на пол к стопкам точно таких же. Не прошло и минуты, как двери распахнулись, и в зазор просунулось красное от мороза лицо ведущего программиста бурильной установки.

— Кейн, что стряслось? — Дмитрий поморщился, глядя на грязные следы, которые полярник оставил на полу, когда решительно двинулся к нему, расстегивая на ходу крепления термокапюшона. На его лице застыло выражение а-ля «шеф, все пропало», но Савичев лишь иронично усмехнулся — у Кейна Макгрегора постоянно что-то случалось, но еще ни один сбой не привел к апокалипсису или хотя бы к остановке работ.

— Необъяснимая магнитная аномалия на глубине семисот трех метров! Статические разряды закоротили центральный процессор, уровень напряжения превысил норму на три процента...

— Выдохни. Кофе будешь?

Ирландец оторопело моргнул, уставившись на ключевого археолога экспедиции, как на умалишенного. Дмитрий устало вздохнул. Разница менталитетов налицо.

— Ладно, главному разработчику его высочества объяснили? Что ответил?

— Передали данные, сняли показатели, вся лаборатория сейчас работает в аварийном режиме. Пока что сами не понимают, что происходит.

— Это их работа. Если мы не в состоянии справиться, будем ждать вердикта, а не пытаться устранить самостоятельно проблему, которая за пределами нашей компетенции.

— Ты не понимаешь, по ледовому шельфу пошла сеть трещин, и разломы углубляются! Пока они примут решение, а потом еще и вышлют сюда специалистов... Скоро упадет температура, что повысит нагрев центрального реактора...

— Да прекрати паниковать раньше времени. Вот что, через десять минут собирай экстренное совещание в зале, если ситуация не изменится, будем приостанавливать работу бурильной установки до прибытия бригады.

— Но инверсию и квантовые потоки невозможно перекрыть. Даже аварийное отключение приведет к...

— Мы решим этот вопрос сообща. — Монитор мигнул, и Дмитрий едва не выругался, увидев входящий звонок по скайпу от Ольги. — 10 минут, но Картер не должен бросать управление. Это понятно? Свободен!

Оля так и не перестала на него злиться за то, что он не отклонил предложение арабского принца и все-таки отбыл в эту экспедицию. Но прямым текстом никогда этого не говорила, ее методы были куда изощреннее. Вот и сейчас Савичев едва не застонал, когда на экране появилась практически раздетая Ольга Лоран — светлый кружевной пеньюар трудно было назвать одеждой. Белые кружева оттеняли ее загорелую кожу, на припухлых губах играла эротичная улыбка — вся эта демонстрация-обещание была разработана ею исключительно в садистских целях.

— Ну, как там мой мишка на Северном полюсе? — проворковала коварная соблазнительница, прогнув спину, подобно кошке, и отползла к спинке кровати изящными грациозными движениями. Горло мужчины сдавило тисками волнения, а эрекция не заставила себя долго ждать, выстрелив фейерверком эйфории по позвоночнику.

— Я на Южном полюсе, маленькая.

— Ох, я уже покраснела от стыда. Ну и что вы там откопали? Надеюсь, царица древних амазонок имела хороший вкус, и ты привезешь мне несколько эксклюзивных ожерелий? Я готова ждать до середины июля.

— Оля, ты же знаешь, что раньше октября я вряд ли вернусь. Не надо надуть губки, тебе прекрасно известно значение термина «контракт».

— Ты понимаешь, что после своего побега просто обязан на мне жениться, Индиана Джонс?

— Если ты не против, малыш, мы поговорим об этом чуть позже. Тут возникли небольшие технические проблемы.

Очередной хлопок двери и топот ног гораздо раньше назначенного времени, гул возбужденных голосов ворвались в замкнутый мир двоих яростной атакой, прогоняя напрочь возбуждение. Он заметил, как потемнели глаза девушки, а губы задрожали от едва сдерживаемого негодования.

— Если бы ты не тусовался в компании пингвинов и мужиков, я бы решила, что у тебя кто-то появился! Что ты спутался с очередной отмороженной эскимоской, которой не терпится прорваться на большую землю через постель! — со злости Лоран швырнула подушку в стену. Сердце Дмитрия сжалось от нежности и тоски, меньше всего он хотел причинять боль этой необыкновенной девчонке, которую любил и был готов носить на руках. Шаги полярников застучали громче, и он мысленно проклял эту установку и столь неуместные неполадки, которые сейчас не оставляли ему времени успокоить Олечку.

— Любимая, пожалуйста. Ну ты же знаешь, что я вернусь, и прекрасно помнишь, какова сумма гонорара. Я все это делаю исключительно для нас и нашего будущего! Максимум час, и мы поговорим, я тебе обещаю, но сейчас ситуация требует моего вмешательства! Улыбнись, моя малышка!

— Да чтоб ты провалился глубоко под лед, Савичев! — почти прокричала Ольга.

Мелькнули тонкие пальчики с ярким маникюром перед тем, как сеанс связи прервался. Дмитрий поднял голову, когда Макгрегор вместе с другими специалистами ввалился в кабинет, и непроизвольно поморщился.

— Так, не все сразу! Почему не в переговорной?

Он мало что понял из их сбивчивых объяснений: «инверсия», «квантовая нестабильность», «разбалансировка дополнительного процессора», «сбой орбиты бурения», «магнитная аномалия на глубине», «разлом шельфа в недопустимой плоскости», «вероятность сейсмической активности». Но уже из этого набора фраз можно было вычленить суть происходящего. Щупальца зарождающейся тревоги оплели сознание, но Савичев не зря был бойцом элитного военного подразделения, выдержка и хладнокровие всегда оставались его неотъемлемыми спутниками. Неразрешимых проблем нет, есть только ситуации, которые можно решить, сохранив ясную голову и отбросив прочь панику. Он внимательно выслушал отчет главного технолога и геодезиста. Дело принимало серьезный оборот — предварительные расчеты не оправдались, сильное электромагнитное поле обширной полости на глубине, которая оказалась незамечена исследовательскими зондами, практически вывело инновационную бурильную установку из строя. Но самым опасным было то, что весь шельф ходил ходуном, испещряясь пока еще микроскопическими разломами.

А он подумал, что вибрация пола под ногами ему только показалась. Сейчас же она стала более ощутимой, и это заметили все присутствующие. Дмитрий нажал кнопку вызова центральной лаборатории и вновь, не стесняясь, выругался. Там царила паника. На огромных мониторах сменялись изображения диаграмм, сотрудники с планшетами и бумагами носились, как угорелые, сверяя данные и едва ли не вырывая волосы на голове. Отыскать в этом хаосе главного было подобно выигрышу в лотерею.

— Вашу мать! — махнув рукой на экран, где сейчас практически транслировался остросюжетный фильм, Савичев похлопал себя по карманам, лихорадочно соображая, что бы предпринять. Решение пришло внезапно — он сорвал с вешалки термокомбинезон, натягивая его поверх брюк военного покроя и футболки, подхватил шипованные ледоступы и телефон спутниковой связи.

— Разберемся сейчас на месте! — толпа выдохнула с облегчением, прекратив нагнетать панику и пялиться на него, как на супермена в сине-красном трико. Надвинув на глаза пластиковые шоры защитной маски, Дмитрий шагнул в запредельный холод полярной зимы. Тонкая ткань защитного комбинезона спасла от пронизывающего ветра, лишь пальцы сразу скрутило от холода. Натянуть перчатки он не успел — светофильтры только чудом не забытой маски смягчили яркое голубое зарево, но все равно лучи царапнули по сетчатке глаза, и перед глазами замелькали темные пятна.

На арене раскопок, освещенной яркими прожекторами, творилось что-то невообразимое. Голубые змеи молний опоясывали пятиметровую глыбу бурильной установки, ударяясь о поверхность ледового шельфа, высекая снопы искр и ледовой крошки. Именно зарево непонятных разрядов перекрыло своим свечением свет прожекторов, плотный лед на десятки метров вокруг светился аномальным голубоватым свечением.

Порывы ветра и треск разрядов заглушали крики других полярников, и Дмитрий нажал кнопку радиосвязи.

— С чем это связано? Что показали данные зондов? — Гортань обожгло морозным воздухом запредельного нуля, но он продолжал сохранять спокойствие, все так же не в силах

оторваться от панорамы завораживающего танца голубых разрядов по громаде бурильной установки — опасность и красота, завораживающая неизвестность аномального явления, агрессивная прелюдия надвигающейся катастрофы, которая должна была пугать, но вместе с тем гипнотизировала фантастической красотой происходящего.

— Предположительно, залежи урановой руды... — это геодезист. — Сильное магнитное поле!

— Инверсия зашкаливает... Вашу мать, это «кротова нора»! Они существуют!

— Картер в кабине. Приборы взбесились!

Савичев поднял голову вверх. Кабина управления установки практически скрылась в подсвеченных синими всполохами вихрях мелкого снега. Не трудно было догадаться, что магнитная аномалия вывела из строя все приборы без исключения.

— Где щит ручного управления?

— Не предусмотрен!

— Долбаные арабы! — Савичев опустил руки на пояс защитного комбинезона, подхватив ледоруб почти потерявшими чувствительность пальцами. Хрен знает, сколько у них времени, прежде чем оператора бурильной громады убьет разрядом тока запредельного вольтажа, а магнитная индукция разорвет установку вместе с частью ледового шельфа. Щит, скрывающий переплетение проводов и микросхемы, располагался у подножия бурильной машины, оставалось спуститься в скважину крепления и вырубить эту катастрофическую цветомузыку единственным способом, испокон веков известным всем потомкам славян.

Резкий подземный толчок едва не свалил его с ног, и оглушающий треск, усиленный яркостью новых разрядов, перекрыл возгласы толпы. Он сам не понял, откуда взялась эта уверенность в собственной правоте и силах, когда сорвался с места, перепрыгнув глубокую трещину в массиве векового льда, прикрывая глаза от ослепляющего свечения. Не осознавал, как натягивал на почти негнувшиеся пальцы изоляционные перчатки, перехватывая ледоруб, как едва не оступился и не рухнул в семисотметровую глубину скважины, лишь чудом сумев затормозить благодаря шипам ледоступов. Зависшее время повиновалось сейчас быстротечным секундам, которые цинично отмеряли свой бег, не позволяя взвесить принятое решение, призывая реагировать молниеносно. Дмитрий не слышал отчаянных призывов не делать того, что собирался, которые звучали в динамике на разных языках — от страха и волнения многие забыли, что он их не понимает. Не было страха и осознания вероятных последствий своего поступка — уникальная психология бойца элитного спецподразделения сейчас видела перед собой только поставленную задачу: спасти человека, застрявшего в кабине на высоте четырех метров, локализовать опасность для окружающих самым доступным способом, потому как ждать решения центрального управления сейчас было равносильно бездействию. В такие моменты он практически не вспоминал о том, что сейчас не на войне: спасение жизней не зависит от обстановки.

Резкий рывок, и ледоруб на лету врежется в крепление центральной платы, перерубив петлю крепления, выбросив сноп ярких искр. Даже последующий захват кевларовой рукояти, чтобы завершить начатое, не остановил его, несмотря на новый разряд ослепляющей голубой молнии. Вымораживающий холод сменился жаром, выбившим испарину на лбу, но Савичев продолжал бить по щиту до тех пор, пока острое ледоруба не перебило крепление шлюза, разбив несколько микросхем и проводов. Он не замечал усилившегося жара, снопов искр, которые, кажется, прожгли изоляцию костюма, возрастающего статического напряжения наэлектризованной до предела атмосферы. Последний удар — в самое сердце процессора,

чтобы остановить работу бура, попал в цель.

Накал голубоватого свечения взорвался, ослепляя через светофильтры, разгоряченный воздух качнулся плавной зыбью, словно какая-то неведомая сила отключила гравитацию. Быстрые разряды замедлили свои хаотичные вспышки, застывая в невесомости, замерли колебания северного сияния в далеком небе, как в замедленной съемке. Ледоруб выскользнул из его пальцев, зависнув в воздухе, а яркость голубого свечения достигла максимума с откатом осязаемой волны, которая закрутилась световой спиралью по часовой стрелке, набирая скорость до тех пор, пока пространство не исказилось, сливаясь в переплетения воронки.

Ничего подобного прежде наблюдать ему не приходилось. Последнее, что почувствовал Савичев перед тем, как ослепляющий синий свет сменился тьмой — усиление невесомости, которая оторвала его от земли, и разряды сверкающих молний отпечатались прощальным оттиском в угасающем сознании...

...Жар был нестерпимым. Он практически обжигал кожу, ткань футболки прилипла к телу, пропитавшись каплями горячего пота. Он заливал глаза, опадал испариной на пластике защитной маски, практически раскалившейся под лучами горячего солнца, не позволяя сознанию окончательно вернуться и укрепить свои позиции.

Все тело ломило, а боль в перенапряженных мышцах полоснула нешуточной крепатурой, когда Савичев наощупь отыскал у горла застежку термокомбинезона и потянул ее вниз, едва поборов приступ тошноты. Хотелось пить, горло пересохло настолько, что гортань при малейшем движении отзывалась царапающей болью. Руки дрожали, когда он вцепился пальцами в пластик защитной маски и рывком сорвал ее, заскрежетав зубами от приступа головокружения.

Легкий бриз коснулся разгоряченного лица, даруя долгожданное облегчение. Несколько глубоких вдохов, чтобы справиться с атакой теплового удара, приподняться на все еще дрожащих локтях и потянуть рукава комбинезона вниз, выбираясь из удушливого мешка. Все мышцы ломило, как после суточной интенсивной тренировки, пришлось стиснуть зубы и зажмуриться, стаскивая ткань практически прилипшего к телу комбинезона и разматывая крепления ледоступов, чтобы, наконец, избавиться от практически герметичного скафандра. Ладони уперлись в прогретую солнцем землю, пальцы ощутили уколы колючих травинков и мелких камушков, когда Дмитрий попытался осторожно подняться с колен. Задача казалась невыполнимой — виски сдавило тисками подступающей мигрени, в ушах зашумело, а в глазах вновь заплескали темные пятна. Лишь спустя минуту зрение восстановилось, и он осторожно, стараясь не делать резких движений, поднял голову.

Голубая гладь неба, на далеком горизонте — скопление темных, предположительно, грозовых облаков. Солнце в зените, но само светило выглядит непривычно — более ярким, высоким, его свет кажется белоснежным с легким голубоватым отливом, таким отличным от желто-оранжевого спектра, настолько привычного его глазу. Савичев помимо воли усмехнулся. Мысли «я в раю» были сразу же отмечены сознанием и рационализмом мышления, как недостойные обладателя высокого IQ и убежденного атеиста. Виски предупреждающе сдавили тиски усилившейся боли, когда он обвел взглядом поляну и массив непривычно высоких деревьев вдалеке. Рой огромных бабочек яркого розового цвета пролетел мимо, едва не задевая его крыльями — насекомые не боялись людей, судя по их беспечному поведению. Усилившийся порыв ветра принес с собой запах морской соли и

водорослей. Изумление сменилось недоумением и последующей за этим попыткой понять происходящее.

Магнитная аномалия. Полярная станция. Выход из строя бурильной установки. Чей-то восхищенный вопль относительно обнаружения «кротовой норы». Савичев потерял виски и поднялся на ноги.

Вода. Вот, что ему сейчас необходимо. Беглый осмотр поляны на предмет обнаружения родника или ручья не принес никаких результатов. Нужно срочно найти воду, чтобы организм не страдал от обезвоживания и последствий теплового удара. Пелена темных облаков на западе приближалась, по предварительным расчетам где-то через час может начаться дождь. Савичев похлопал себя по карманам свободных брюк — вряд ли там, конечно, могла затеряться бутылка минералки, но все же... Археолог присел на траву, разложив на коленях нехитрый улов содержимого карманов.

Упаковка леденцов Holls, фотография, сделанная в Сомали — он в полной боевой экипировке, разве что без каски, с АК в руках возле бронированного «хаммера», в отдалении посадочная площадка с военным вертолетом. Тогда они с блеском завершили секретную операцию, и этот самый вертолет вывез группу из зоны боевого конфликта в полном составе. Что еще? Позолоченная зажигалка Zippo — подарок криптолога Константина в честь их новой встречи на полярной базе, тот не стал слышать никаких возражений в стиле «я не курю». Что ж, подумал Савичев, щелкнув колесиком, добывать огонь трением не придется, где бы я ни находился. Он пока еще не спешил признаваться самому себе, что понял, где именно оказался, но мысли путались от усталости и недавнего обморока. Засунув в рот сразу несколько мятных леденцов, чтобы успокоить пересохшее горло, пока не отыщет воду, Дмитрий повертел в руках несколько оптических линз, которые всегда таскал с собой. Больше в карманах ничего не обнаружилось. Зато на поясе термокостюма висел острый нож альпиниста, несколько карабинов, фонарик, моток веревки, сигнальный пистолет и спутниковый телефон. Последняя находка обрадовала больше всех... ровно до тех пор, пока Савичев не убедился, что аппарат бесповоротно испорчен. Кнопки были оплавлены, экран треснул, а попытка добраться до аккумулятора ни к чему не привела из-за расплавленного корпуса. Отбросив в сторону бесполезный предмет, Савичев разложил по карманам веревку, карабины и нож. Увесистую ракетницу с одним зарядом прикрепил к поясу брюк, с наступлением темноты она может оказаться полезной. Знать бы еще, что все это означает, и где он находится!

Виски все еще полыхали болью, при каждом движении мышцы пронзали сотни иголок, но Дмитрий решительно встал на ноги. Облака на горизонте, казалось, застыли, ветер улегся, воздух завис неподвижным жарким маревом, предвещая скорый дождь. Неизвестно, что это за местность, возможно, помимо воды придется найти укрытие от стихии, когда облака затянут небо. Он находился на большой поляне, покрытой невысокой травой с редкими островками белоснежных и алых крупных цветов, подозрительно похожих на выгравированные изображения... Виски полоснуло новой атакой боли от внезапной догадки. Пазл потихоньку начал складываться, и ключом к нему оказалось именно упоминание «кротовых нор». Что он о них знал? У него никогда не было сомнений в существовании Атлантиды и иных древних цивилизаций, но во всем остальном Савичев оставался неумолимым скептиком.

Гипотетическая топологическая особенность пространства-времени, представляющая собой в каждый момент времени «туннель» в пространстве. Их существование допускает

общая теория относительности, но оно не доказано — зато кинорежиссеры эксплуатируют подобную идею на «ура»... Это было слишком реально для того, чтобы оказаться спланированным розыгрышем, даже если предположить, что у Абу-Гасана хватало денег и возможностей проверить подобное. Догадка казалась невероятной, шокирующей, и Дмитрий пока что гнал ее прочь — слишком мало доказательств и иных фактов.

Леденцы лишь замаскировали чувство жажды, уняв боль в пересохшем горле. В ушах шумело при резких движениях, боль в мышцах усилилась, но Савичев ускорил шаг, чтобы разогнать молочную кислоту и поскорее отыскать воду, а потом укрытие от надвигающегося дождя.

В небе кружились птицы, очень похожие издалека на орлов, только их размах крыльев был иным — более широким, хотя это могло оказаться всего лишь оптической иллюзией.

До полосы высоких деревьев оказалось не так уж близко, как показалось на первый взгляд, но Савичев не сбавлял шага, пока его не накрыла благодатная тень лиственной кроны. Высота деревьев достигала, как минимум, метров семи, на первый взгляд, они были похожи на корабельные сосны, но иглы, опавшие ковром на землю, были гораздо длиннее и крупнее привычной хвои. Похожие на папоротники заросли достигали человеческого роста и казались непроходимыми, пришлось достать нож — при попытке пройти через эти растения ноги Дмитрия едва не запутались в лианах, которые сейчас он рассек одним движением острого лезвия.

Станный, необычный лес жил своей жизнью. Тишину разрезали крики птиц, шум ветра в высоких кронах, иногда даже слышался хищный рык какого-то, судя по всему, крупного зверя. Когда пристальный взгляд обжег спину, Савичев едва успел вскинуть руку с ножом. Огромная обезглавленная змея рухнула к его ногам, массивные челюсти сомкнулись, брызнув ядом перед тем, как застыть навсегда, лишь извивающееся тело долго дергалось в смертельных конвульсиях. Да тут нужно быть начеку, присвистнул Савичев и едва успел отпрыгнуть в сторону — несколько серых пауков размером с полевую мышь бесшумно спустились с ветвей на паутине, похожей на леску, и принялись пеленать голову неизвестной науке гадины. Археолог даже выдохнул с облегчением, когда заросли папоротников остались позади. Перед ним расстилалась огромная поляна с гладью изумрудного озера. Песчаные берега омывали едва заметные волны, стая белоснежных птиц, похожих на небольших лебедей, взмыла ввысь при его появлении.

Вода! Трудно было удержаться от искушения и не кинуться вперед. Держа нож наготове, Савичев внимательно исследовал окружающий озеро кустарник, высокую траву под ногами, огромные, теперь он в этом не сомневался, астропеусы, вокруг которых кружили самые обычные пчелы. Просто чудо, что они не оказались огромными, как увиденные недавно арахниды. Лишь убедившись в отсутствии какой-либо угрозы, он медленно подошел к берегу, зачерпнув ладонями воду и попробовав ее на вкус. Живительная влага смягчила раздраженное горло, и он забыл обо всем, зачерпывая ее ладонями до полного утоления жажды.

Раскат грома заставил мужчину вздрогнуть от неожиданности. Солнце скрыли тучи, которые совсем недавно казались очень далекими. Ветер усилился, и по воде побежала крупная рябь, затихли даже птицы, которые до того оглашали лес своим пением. Огромная стрекоза с изумрудными крыльями сорвалась и взмыла вверх с оглушающим стрекотом. В зарослях послушалось шуршание, но, судя по движению папоротников, неизвестные обитатели леса удалялись прочь от озера. Савичев оглянулся по сторонам. Поведение фауны

этого загадочного мира говорило об одном: следует найти укрытие от дождя, который может оказаться проливным.

Первые крупные капли забили по глади озера, когда Савичев наконец-то увидел наполовину скрытый травой прогнивший изнутри ствол огромного дерева. Так себе укрытие, но выбирать в подобной ситуации не приходилось. Ливень хлынул моментально, и он все-таки промок, не успев добежать до природного навеса.

Сюда не доставали хлесткие потоки ливня, запах хвои от опавших иголок щекотал ноздри. Дождь усиливался, превращаясь в беспросветную пелену воды, и, судя по всему, не собирался заканчиваться еще как минимум час. Дмитрий прижался спиной к наполовину пустой коре древесного ствола и закрыл глаза, вслушиваясь в шум беснующейся стихии. Так незаметно его сморил глубокий, но чуткий сон.

... Как и прежде, воин отряда элитного спецназначения среагировал молниеносно. Резкий рывок. Прочь оковы сна, за который он себя мысленно обругал — это была недопустимая беспечность, заснуть в незнакомой местности, в ненадежном укрытии, понадеявшись на то, что дождь отпугнет любых хищников. Копье с увесистым наконечником просвистело в паре сантиметров от его головы и вонзилось в трухлявую кору дерева-навеса. Савичев, не мешкая ни секунды, схватил нападающего за руку и нанес быстрый удар ногой по коленной чашке, одновременно вскочив на ноги. Второй удар — на этот раз кулаком в лицо — опрокинул мужчину с гладко выбритым черепом на землю. Подхватив нож, майор спецназа придавил туземца к земле, зажав бедрами, и поднес лезвие ножа к яремной вене напавшего на него человека, сдвинув брови.

— Ну, здравствуй! — вспомнив транскрипт древних атлантов, издевательски проговорил в лицо поверженному противнику. — И почему ты напал на меня и жаждал моей смерти?

Он не надеялся на успех и на то, что смуглокожий воин (это можно было смело утверждать, судя по его тонким латам на широкой груди, давних шрамах на виске и руках, и стальным мышцам) поймет смысл прозвучавших слов. Несмотря на угрозу жизни, в его светлых глазах плескались ненависть, ярость, но никак не страх перед смертью от ножа Савичева. Дмитрий едва увернулся от плевка в лицо, привычно занес кулак для удара, но не успел опустить его на переносицу противника, потому как тот четко проговорил дрожащим от презрения голосом:

— Да пусть меня растерзают боги, если я оставлю в живых презренного раба этой суки Справедливой, который получил свою жалкую свободу, целуя ее ноги и не вставая с колен!..

— Что столь сильно развеселило тебя? — очередная нить лианы, которую так сложно было разорвать и даже разрезать ножом, с треском разорвалась, не выдержав напряжения. Савичев мысленно выругался. Тяжело человеку, привыкшему изъясняться краткими выражениями, сейчас обдумывать каждое свое слово, чтобы не заставлять собеседника недоуменно открывать рот и переспрашивать дважды.

Ведикус из какого-то там старинного спаркалийского рода, название с первого раза было выговорить нереально, окончательно пришел в себя лишь около двух часов назад. Несмотря на то, что Дмитрий сумел вовремя проснуться и отбить его нападение, поверженный воин не собирался сдаваться — вырывался, пытаясь укусить за горло, в какой-то момент ему удалось даже отбросить нож в сторону. Тогда Савичев, недолго думая, просто вырубил его одним из приемов боевого дзюдо, нажав на специальные болевые точки.

Мужчина долго не приходил в себя, а Дмитрий понял, что испытывает по-настоящему зверский голод. Возле озера рос кустарник с обилием красных ягод, сама вода просто кишела живностью, но отсутствие спиннинга сделало мечту о жареной рыбе невыполнимой. Ягоды выглядели аппетитными и идеально гладкими, но именно это и настораживало сильнее всего — в ветвях пели птицы, а на красных плодах не было заметно ни единой вмятины от укусов. Базовый курс спецназовца приучил его обращать внимания на самые, казалось бы, незначительные детали, как и обходиться альтернативными способами добычи пищи.

Впрочем, личинки и взрослые насекомые, источник белка, все же оставались самой крайней мерой, а поскольку кругом была не бесплодная пустыня, а изобилующий дарами природы лес, и вовсе абсурдным вариантом.

Савичев все же попытался поймать рыбу с помощью копья, которое едва не унесло его жизнь, но задача оказалась невыполнимой на данном этапе. Раньше ему этим заниматься не приходилось, а для практики и закрепления навыка требовалось, по скромным подсчетам, как минимум сутки. Пришлось отыскать гибкие прутья речной лозы: куда проще было изготовить лук и подстрелить одну из птиц. Лианы с трудом поддавались ножу и казались неразрывными, поэтому Дмитрий нарезал достаточное, по его меркам, количество для изготовления тетивы.

Незнакомец все еще оставался без сознания, и Савичев, отбросив сантименты, отвесил ему несколько оглушающих затрецин, держа наготове нож. Но напавший на него мужчина только уставился с ненавистью и подозрением на вероятного неприятеля и спокойно уселся на поваленную колоду дерева.

— Я не враг тебе, — спокойно сказал Дмитрий, спрятав нож в карман. — И к тому же не имею ни малейшего понятия, о чем ты говоришь.

— Ведикус из рода Остодеусов, столь древнего и почитаемого, что он уходит своими корнями к истокам могущественных пращуров, не будет вести свой разговор с презренным...

— Ведикус из рода... почитаемого и древнего, короче, даже презренный шакал достоин знать, в совершении каких проступков его обвиняют, разве нет?

Да уж, думал Дима, подбирая слова, веселое ему предстоит времяпрепровождение. Придется рассыпаться в эпитетах и словесных реверансах, вливаясь в чужую культуру, тогда как сейчас банальное «на кого батон крошишь?» сейчас было бы куда эффективнее.

С долгую минуту мужчина внимательно изучал его, затем, видимо, в чем-то убедившись, изрек в свойственной его языку мелодичной манере:

— Сила и дух в тебе и нетерпимость к самоуправству презревших законы женщин. Но что же привело тебя в столь опасное место, в их исконные владения? Отсюда прочь бежит даже кровожадный хищник, стоит преданным сукам Справедливой появиться.

— А Справедливая — это кто?

Ведикус даже дрогнул от изумления и недоверчиво свел брови, явно не понимая, как можно не знать, по его мнению, очевидного. На некоторое время прежняя подозрительность промелькнула в его карих глазах, но тут же отступила под пристальным взглядом археолога.

— Матриарх проклятой богами Атланты, столь прекрасная ликом, сколь жестока и непримирима душой. В ее глазах искушение страсти, а в ее помыслах смерть и тьма беспросветной ночи. Ее уста источают нектар, а разум отравлен безумием всевластия и превосходства над мужами не только презренной империи, ибо для нее нет исключений. Ее слова баюкают твою осторожность, а точеные персты уже острят клинок, который унесет твою жизнь. Сколь бы ни была сильна твоя ненависть, у нее проклятый дар опутывать сетями страсти на своем ложе и усыплять твой разум сладким ядом. Посмотришь в ее ясные очи — сгоришь навсегда в пламени вожделения, не желая больше никакой свободы вдали от ее длинных ног. Ее персты держат лук подобно самому ловкому из воинов, и говорят, в бою невозможно избежать ее стрелы, которая оборвет твою жизнь...

— Кажется, я уже хочу эту телку, — с веселой иронией сказал Савичев и едва не рассмеялся, увидев, как округлились глаза собеседника. — То есть, она действительно так прекрасна и могущественна, как ты утверждаешь? Ты лицезрел ее воочию и остался жив? Как же так вышло?

— Я уберег свой взор от этой участи, слава богам. Даже Аларикс Фланигус, бесстрашный император, не стал проверять достоверность людской молвы и ведет с ней переговоры через послов, а не воочию. Но на самом деле, он просто скрывает свое презрение к этой женщине. Судьба подобных лучезарных прелестниц — в закрытых покоях знатных патрициев, в ошейнике из стали ночного светила и ярких самоцветов, а не на поле боя. Эта зарвавшаяся империя поставила себя выше достойных мужей, которых боги наградили недюжинной силой и выносливостью. Эти непокорные красавицы правят там, убивая несогласных с волей богов, но близок тот час, когда корабли Спаркалии войдут в воды Атланты и поставят на колени проклятых амазонок!

— Как все у вас сложно, жаждете смерти тех, кто не согласен с вашей религией, и в то же время умудряетесь вести дипломатию. Впрочем, наши политики тоже ушли в этом плане не столь далеко.

— Политики? Такое гордое имя носит народ твоей земли? — Ведикус примирительно поднял ладони и осторожно приблизился. — Мои глаза еще ни разу не лицезрели подобного одеяния, воин черного клинка, как и оружия, так мастерски исполненного. Ваши боги открыли вам тайну мироздания? Богат и благодатен, должно быть, ваш дом, где знание и разум достигли столь небывалых высот.

Дмитрий постарался сдержать веселье, но это оказалось довольно сложно. Столкновение древней и современной культуры состоялось, и выглядело отнюдь не возвышенным и торжественным. Скорее, донельзя забавным.

— Нет, и близко нет. Политики — это наши правители. Императоры и матриархи.

— У вас правят наравне и мужи, и женщины, как в далекой земле Белых Снегов?

— Похоже на то.

— А какое же имя носит твоя земля, воин клинка?

— Украина, — пожал плечами Савичев.

— Укр...Украиния? Я никогда еще до сего момента не слышал о таком. Где же лежат эти земли? За далеким Заокеанарумом, где, как утверждают наши умы, конец времен и земель? Там, где воды с шумом низвергаются в бескрайнюю пропасть, и куда не долетают даже птицы?

— Это сложно объяснить. Но да, туда очень долгий путь, поэтому никто и никогда не сможет попасть в мои земли. Это земля золотых колосьев и ослепительно голубых небес, и так же выглядит ее знамя. Да, это страна сильных воинов и правителей — правда, их довольно много и не все столь мудры, как ваши. Ее язык мелодичен и красив, а ее история исчисляется долгими веками.

— Должно быть, ты недооцениваешь собственных правителей, поскольку ваша империя создает столь удивительное оружие, словно выточенное из цельного камня, и одеяния, столь непривычные глазу!

Савичев закрепил петлю лианы на изгибе прута. Именно в этот момент она разорвалась, не выдержав предварительного краш-теста. Ведикус сперва покачал головой от недоумения, но в следующий момент просто залился раскатистым хохотом.

— Вот теперь я склонен поверить, что твой взор никогда не ласкал атлантской женщины. В противном случае, ты бы знал, что лук не смастерить ни из речной лозы, ни из лианы стагнеуса...

— Я голоден, — смех туземца все же немного задел эго Дмитрия, и он отбросил бесполезные теперь лианы с прутьями в сторону. — Есть какие-либо соображения? То есть, не пора ли нам прервать наш разговор ради трапезы, Ведикус?

Воин перестал смеяться, но все еще качал головой и улыбался.

— Я накануне напал на след стада лесных карелов, но выследить до наступления тьмы мы не успеем. Верни мне мое копье, и не пройдет четверти меры масла, как я вернусь с сытным ужином.

— Какие у меня гарантии, что копье не вонзится мне в спину? — пошутил Савичев и устало покачал головой, когда на лице воина отразилась чуть ли ни детская обида.

— Гордый воитель никогда не оскорбит путь своей чести ударом в спину, особенно ударом тому, кто не представляет для его жизни угрозы!

— Тогда без вопросов. — Дмитрий подкинул копье вверх и все же не удержался от усмешки, когда новый знакомый подхватил его на лету и немедля скрылся в зарослях высокого папоротника. Вся его поза просто выражала собой картинное возмущение, хотя, скорее всего, оно было искренним. День клонился к закату, от земли тянуло сыростью после недавнего ливня, и археолог, оглядев поляну, вернулся к стволу дерева, которое служило ему укрытием от дождя. Изнутри оно оставалось сухим, и Савичев нарезал коры, которая после недолгого сопротивления вспыхнула от его зажигалки. Струйка белесого дыма устремилась к кронам деревьев с отблесками заката — не такого насыщенно-красного, как в его мире, скорее, светло-желтого, отчего оставалось ощущение затянувшегося полудня. Пение птиц постепенно затихало, вечерние тени удлинились, ветер улегся, а белоснежные астропеусы медленно сворачивали свои гладкие лепестки. Сухая кора трещала под язычками пламени, и Дмитрий помимо воли унесся воспоминаниями в свои недавние археологические экспедиции.

За прошедшие годы своей карьеры он видел достаточно необъяснимого, аномального, большинство из этих фактов были скрыты в его памяти лишь подписью на документах о неразглашении.

Раскопанные подземные пирамиды, Долина Черного бамбука в Китае и множество других аномальных зон, где сходит с ума компас, а стрелка командирских часов не подчиняется никакой логике, описывая полукруг за секунды — даже механика бессильна перед этими захватывающими дух чудесами. В НАСА велись дебаты-баталии по поводу последних исследований — недавняя находка огромного человеческого скелета положила начало новой теории о происхождении атлантов, но Савичев разметал ее в пух и прах научными фактами, даже приобрел врагов среди оппонентов.

Может, именно потому, что он привык у подобному, сейчас временная петля не казалась ему столь шокирующей и невероятной. Единственное, что могло измениться — его скептицизм по отношению к сверхъестественному. Пока же состояние можно было описать как «чувство нереальности происходящего», и он предпочел не заморачиваться раньше времени, а просто проанализировать полученную информацию.

Савичев настолько расслабился, наблюдая за прыгающими бликами огня, завораживающими своим золотым свечением, что появление Ведикуса едва не застало его врасплох. Дима вскочил на ноги, привычно уместив в ладони рукоять ножа, и оттолкнул в сторону нового приятеля, который кинулся затаптывать огонь костра ногами. Учитывая, что на нем были открытые сандалии, подобный протест выглядел, по меньшей мере, идиотизмом.

— Уймись. Что происходит?

Спаркалиец отбросил связку с убитыми птицами на землю. В его темных глазах сейчас был самый настоящий страх вместе со злостью.

— Ты разжег пламя, тогда как мы лишь в мере масла пути от земель атлантских Оцилл! Я едва выжил, преодолев леса, кишящие арденами, для этого мне пришлось отдать им почти все слезы пустыни и монеты солнечного металла! А теперь лесные хищницы. Их дозорные часто приближаются к нейтральным лесам, а иногда нарушают эти границы. Если они увидели дым, по нашему следу уже идут их следопыты и лучшие охотницы!

— Ты предлагаешь есть сырое мясо?

— Огонь убивает божественную энергию жизни, которая поддерживает силы и храбрость воина! — Ведикус вновь покачал головой, изумляясь недалёковидности собеседника. — Разве на вашей земле не существует подобное поверье?

Савичев метнул нож, который вонзился в землю в сантиметре от тушки птицы с ярким лимонно-желтым оперением. Пока что слова Ведикуса не вызывали ничего, кроме новой иронии.

— Наше поверье как раз настаивает на обратном. Пища должна пройти крещение огнем.

— Но дым наверняка уже привлек их внимание. Они нападают многочисленными отрядами, мы не сможем дать бой вдвоем. Не исключено, что уже сейчас они наблюдают за нами, и ты никогда не узнаешь, откуда прилетит та стрела смерти, что заберет твою жизнь — с небес или из-под самой земли!

— Мы не сможем дать бой этим кошкам только в одном случае — если утратим силы от голода! Ты собираешься ощипать этих пичуг, или поглощение оперения приносит везение и неуязвимость на поле брани?

Ведикус, поколебавшись, воткнул копье в землю и приступил к разделке своей добычи.

Он увидел в Савичеве неоспоримого лидера, непонятно, почему: то ли из-за его молниеносного отражения атаки, то ли от рассказа о могуществе далекой и таинственной империи, которая производила такую удобную одежду и оружие. Не прошло и четверти часа, как тушки птиц были ощипаны и выпотрошены, а Дмитрий, не обращая внимания на слабое сопротивление нового друга, нанизал их на копье.

— Сейчас вкусишь пищу настоящих воинов, шашлык называется. Никакая атака пантер нам не будет страшна.

— Оцилл, — поправил Ведикус. — Нет ничего хуже для мужчины, чем попасть в руки атланток. Особенно боевых Пантер, пожалеешь, что остался жив. Оциллы не воительницы армии Лаэртии, но не гнушаются работоторговли, когда речь идет о собственном благе, а Справедливая воздает щедрые дары за экзотику, будь то мужчины или самоцветы. Это она вместе с Лучезарной поставляет им стрелы и копья. При правлении Атлантиды Мудрейшей эти лесные обитательницы не представляли никакой опасности, но стоило прийти к власти ее дочери, в подконтрольных Атланте лесах воцарилась анархия.

В первой же стычке оцилл и арденов безоружных хрупких дев полегло немало, и Справедливая не придумала ничего лучше, чем вооружить этих охотниц подобно собственной армии. Не прошло и двух зим, как они захватили обширную территорию и продолжают теснить арденов, которым не повезло попасть под расположение матриарх лишь потому, что они представляют собой мужскую общину.

— На территории матриархального государства?

— Еще при правлении матери Атлантиды Мудрейшей была выдвинута стратегия перемирия, и далекие леса были отданы для заселения этому племени, которое тогда не представляло опасности. Но Оциллы оказались уже очень свободолюбивы, чтобы вступать в брачные союзы, что и привело к разногласиям, необъявленной официально войне племен. Если Сестерция все годы своего правления до своей трагической гибели пыталась их примирить, Атлантида пустила разногласия на самотек, а Справедливая официально не объявила войну, но сомнений в том, на чьей стороне будет ее военная поддержка в случае конфликта, уже не вызывает сомнений.

— Я слышу в твоих словах осуждение, но разве политика не предполагает подобной тактики, лишь прикрытой принципом невмешательства?

— Аларикс Благородный никогда не играет в подобные игры! Я лично готов был предать смерти тех неудобных, кто утверждал обратное и считал его убийцей собственного отца, великого воина Аттикуса. Лишь в сердцах дев, презревших обычаи, полно беспроглядной тьмы и изысканного коварства; их сладкие уста будут улыбаться тебе, ясные очи обещать самые жаркие наслаждения, тогда как ладони воткнут меч тебе в спину!

— Думаю, ты заблуждаешься, воин. Не всегда ясность намерений приносит успех, иногда тайные деяния куда эффективнее. Полагаю, твой император в совершенстве овладел политическими стратегиями, что и принесло ему столь глубокую любовь одних и ненависть иных.

— Не смей сравнивать великого Фланигуса с этими презренными созданиями! — встрепнулся Ведикус. Разожженный костер и без того заставил его изрядно нервничать и прислушиваться к малейшему шороху, то и дело оглядываясь по сторонам. Смуглый спаркалиец иногда прерывал свою трапезу, чтобы припасть к земле, прислушиваясь, или замирал на месте, вглядываясь в кроны высоких деревьев. Он оценил вкус жареной на костре дичи, но проглотил ее довольно быстро и тотчас же затоптал тлеющие угли. Савичев ничего

ему не ответил — за миллионы лет ничего не изменилось, политические дебаты оставались при любом социальном строе. Больше его беспокоила мания преследования и нервные подергивания нового приятеля.

Сумерки между тем сгущались, ветер затих окончательно, и белесая завеса дыма от потухшего костра повисла под кронами высоких деревьев, образовав полукруг. На смену сладкоголосым птицам дня пришли ночные создания, изредка они оглашали тишину глухим уханьем или же, наоборот, звонким стоккато. Ночная прохлада вызывала озноб, Савичев хотел было предложить разжечь костер снова, но, посмотрев на спутника, отказался от этой идеи: Ведикус все время оглядывался, с тревогой вздрагивая от каждого звука надвигающейся ночи, особенно его пугали птичьи переклички. Это беспокойство начало передаваться, подобно вирусу, и Дмитрий попытался развлечь воина беседой. Это удалось не сразу, но Ведикус особо заинтересовался рассказом о перемещении на расстояния.

— Хронос иногда злится и забирает самых лучших воинов. С тех пор их никто и никогда больше не видит. Его гнев ознаменован синим свечением, стрелами голубого огня в небе, но никогда они не влекут за собой дожди или громовые раскаты. Говорят, Справедливая заключила союз с Богом времени, и подобные исчезновения — ее рук дело.

— А сам ты как оказался здесь, вдали от родной земли?

— Не по своей воле. Нас было четверо, каждый из нас был достойным сыном Спаркалии. Из великой Кассиопеи отправлялся корабль, который должен был доставить нас в Атланту под видом сбежавших с поля брани воинов, которые решили присягнуть на верность матриарх, дабы выведать секрет ее нового оружия, которое, как гласит молва, способно расколоть твердь земли и явить поглощающий огонь. Но мы пали жертвами коварного предательства, потому как Актий предпочел выслужиться перед матриарх и в знак одобрения торгового союза выдал нас. Не успела еще затвердеть земля на могиле великого Аттикуса Фланигуса, а Аларикс не спешил заключать новый договор с кассиопейцами. Справедливая воспользовалась этим — говорят, она отравила уши Актия усладой своей мелодичной речи, а взор — невиданной красотой.

Мои верные соратники погибли, лишь мне удалось под покровом ночи бежать из Кассиопеи. Мой путь лежал мимо подконтрольной Атланте Лассирии, днями и ночами я пробирался через непролазные дебри лесов, стараясь держаться дальше от человеческого жилья и не оставлять никаких следов. В Кассиопее за мою голову назначена награда, сейчас выход лишь один — прорваться на побережье в порт Атланты, потому как там никому не придет в голову меня искать. У Лаэртии довольно скудный ум, чтобы предположить, что я смогу покинуть порт с первым же отплывающим в Спаркалию кораблем прямо перед ее очами.

Мне удалось сохранить несколько крупных слез пустыни, хотя большую часть пришлось отдать арденскому вождю в обмен на беспрепятственное пересечение подконтрольной им территории. Если мои боги будут столь милостивы ко мне, что позволят избежать сетей Оцилл и достичь столицы, Аларикс Могущественный прознает о коварстве Актия и матриарх, которая ныне пытается лишить его слуха и разума своими сладкими напевами о сотрудничестве и мире.

Савичев выслушал молча, подумав о том что, возможно, никогда не вернется домой, в свое время. У Ведикуса хоть была надежда на то, что он сможет добраться до родины.

Увы, в XXI век не плывет ни один корабль, вполне возможно, что он навсегда останется на этой земле, изучению которой посвятил всю свою жизнь. Впервые за все это время

восторг первооткрывателя сменило щемящее чувство потери и неопределенности, потому что произошедшее не поддавалось никакой логике. Если теория «кротовых нор» оказалась верна, у него нет никакой возможности изучить эту аномалию — она осталась неизученной даже в веке прогресса и высоких технологий.

— Оставайся здесь, — бросил Савичев собеседнику и поднялся на ноги, разминая затекшие плечи. Он не привык делиться своими эмоциями и переживаниями с окружающими. Пока что вероятность возвращения домой равнялась абсолютному нулю, и Дмитрий осознал, что если не отвлечет себя чем-нибудь, может потерять самообладание. Ноги сами привели его к озеру, в спокойной глади которого отражались яркие звезды ночных небес чужого мира. Ничто не нарушало спокойствия и гармонии первозданной природы в этот час: ни движение ветра, ни промозглая сырость, смолкли даже птицы. Зеркало озера манило к себе, и Савичев рывком стянул футболку, ботинки и брюки вместе с плавками, вошел в прохладные объятия кристально прозрачной воды, и когда ее уровень достиг груди, поплыл, бесшумно рассекая водную гладь руками. После жаркого дня это было непередаваемым удовольствием, которое невозможно было сравнить с тренировками в бассейне.

Прохлада воды снимала усталость в перенапряженных мышцах, прогоняла тревогу, вселяя взамен непередаваемую уверенность в собственных силах и в том, что все будет хорошо и разрешится в свое время. Дмитрий напрочь забыл о Ведикусе, который наверняка продолжал мучиться от своей паранойи на посту, сжимая копьё до хруста в суставах; о том, что в этих дремучих лесах может ожидать опасность, как и о том, что сейчас стоит надеяться только на чудо, которое может случиться и помочь ему вернуться в свой век. Возвращаться в импровизированный лагерь не хотелось, как и выходить из воды, но усталость и ночная прохлада брали свое. Последний заплыв на середину озера, чтобы вернуться назад быстрым брасом. Ноги коснулись песчаного дна, Дмитрий откинул мокрые пряди волос со лба, разминая шею.

Ощущение пристального взгляда ударило в солнечное сплетение сигналом молниеносной тревоги. Сколько раз, находясь в зоне боевых действий, он ловил на себе такой оценивающий взгляд вражеских снайперов или разведчиков — этот взгляд-сканер всегда был неотличим от взгляда диких животных. Именно поэтому он замер, вглядываясь в темноту леса, а не бросился к берегу, чтобы выхватить из кармана нож, готовый кинуться на невидимого противника.

Кругом царила практически неестественная тишина, замолкли птицы, лишь иногда в озере раздавался плеск, когда рыба поднималась на поверхность. Озноб легкой тревоги прокатился по его спине, и мужчина незаметно двинулся к берегу, стараясь не делать резких движений. Вода плескалась вокруг его обнаженных бедер, когда он напряг мышцы, приготовившись к прыжку — ощущение чужого взгляда стало пристальным и осязаемым.

В ту же минуту среди ветвей ближайшего дерева, похожего на сосну, мелькнули два ослепляющих зеленых огня, миг, и огромная птица, похожая на сову, но на порядок превышающая ту размерами, взмыла ввысь, мелькнув черным силуэтом на фоне звездного неба. Савичев подавил вздох облегчения и проводил ее взглядом. Когда птица исчезла из поля зрения, он еще долго смотрел в ночные небеса с незнакомой звездной картой, их яркая россыпь и незнакомые созвездия притягивали взгляд.

Падающий метеорит разрезал небеса, оставив после себя едва заметный дымчатый след. «Перенеси меня обратно, когда я все тут выясню!» — подумал Савичев, не в состоянии

противиться практически детской привычке — загадывать желание на падающую звезду, и уверенно двинулся к берегу. Прохладная вода лесного озера настолько расслабила его, что он не увидел предупреждения в звенящей тишине ночного леса, такой пронзительной, что звук его дыхания и сердцебиения, казалось, можно было услышать в радиусе десятка метров...

«... Воды расступаются перед шагами твоими, прекрасная дочь Фебуса, возлюбленная Кристиды и Антала, чтобы ознаменовать твой земной путь и стать стеной, оберегая твоё величие; Застывшие звезды в безмолвном небе взирают на тебя, затаив дыхание, ибо ослепила ты их своей красотой и грацией, золотая пантера Аталасских гор и побережья Гармонии; враг падает ниц, сраженный твоими стрелами разума, в десятки раз его превосходящего, и величия, перед которым меркнет свет Фебуса, столь сильно ты затмила его своим сиянием; слава и процветание вовек будут царить в империи, управляемой твоими перстами, великая матриарх Справедливая!»...

Вряд ли Лаэртия при всем своем врожденном тщеславии когда-либо всерьез относилась к подобным песнопениям поэтов не только родной Атланты, но и других империй. Ей никогда не приходило в голову, что настолько может восхищать ее красота и мудрость, скорее, она с врожденной долей скепсиса видела в этом лишь поклонение культу личности новой матриарх. Слагали легенды, воспевали в песнях и стихах, высекали утонченные статуи, по ее мнению, не столько из-за фанатичного восхищения, сколько потому, что воспевать царскую династию было хорошим тоном.

Со своей изысканной красотой она свылась с самого рождения. Атлантская империя славилась своими красавицами испокон веков, каждая дочь матриархальной империи была прекрасна ликом настолько, что заполучить атлантку в вольные спутницы мечтал каждый мужчина без исключения, настолько, что готов был навсегда закрыть глаза на их свободолобивый нрав и привычку управлять. Но чаще всего, это оставалось для недостойных сыновей Антала неосуществимой мечтой; гордые девы предпочитали сами выбирать себе спутника, отца своих дочерей. Иметь у себя в гареме рабыню атлантской крови считалось подарком судьбы, но подобным счастьем никто не мог похвастаться: амазонки предпочитали смерть рабству, и практически всегда уносили с собой посмеявшегося оскорбить их свободу в царство мертвых. Невозможно было встретить дочь матриархальной державы на рабовладельческом рынке, потому как сам рабовладелец никогда не доживал до торгов. Честь и достоинство Атланты стояли превыше всего.

Золоченая колесница остановилась на вымощенной гладкими камнями дорожке перед высоким храмом Хроноса. Ночь спустилась на империю темным звездным покрывалом, накрыла раскаленные за день плиты и стены домов, а приятная прохлада постепенно охлаждала пылающий жар городских сооружений. Лаэртия сошла на землю, но заходить в храм не спешила. Подняла голову, подставив лицо легкому ночному бризу, вглядываясь в манящие небеса, россыпь ярких звезд, которые сегодня казались особенно низкими. Медленно падали капли масла, матриарх не спешила, ожидая знака, но безмолвные небеса были так же спокойны и величественны. Наконец, взяв один из пылающих факелов из стального треножника, которыми была ограждена дорога к воротам храма, неспешно двинулась вперед.

— Матриарх Справедливая! — жрица времени оторвалась от вдумчивого созерцания огненного круга по центру храма и поспешила навстречу своей правительнице. Лаэртия не стала задавать вопросов, пока не был соблюден ритуал приветствия с поцелуем ладоней и

поклоном Хроносу. — Мой Бог не дает мне ответа, неподвижно пламя, даже огненные камни не ведают, что вызвало его гнев и голубой небесный огонь.

Лаэртия оглядела большой зал храма. Огромные масляные клепсидры подсвечивались множеством свечей, падающие капли, отмеряющие секунды и минуты, в этом завораживающем полумраке казались глыбами чистейшего янтаря с подвижными бликами внутри. Потолочный купол отсутствовал — в полукруглом проеме сверкали звезды, а золотые черты, отмеряющие время, сияли, поглощая отблески огня. Когда шли долгие дожди, ни одна капля не попадала внутрь храма через этот потолочный проем — говорят, в свое время его построили стражи Кронаса, которые использовали неведомые доселе магические технологии.

— Мудрая Сатар, Хронос никогда не посылает голубых огней без тайного умысла; мой путь был долог, поскольку я отправилась сюда задолго до заката лишь для того, чтобы узнать, что же он хотел нам поведать.

Жрица поклонилась и поднесла матриарх чашу золотого вина. Лаэртия слегка смочила губы хмельным напитком, разбавленным ключевой водой, и перебросила через плечо копну золотистых локонов, позволяя двум помощницам жрицы, бесшумно шагнувшим из-за колонн, надеть на нее тяжелый плащ, который оберегал от жаркого пламени. Его обжигающее дыхание все же коснулось ног правительницы, но она проигнорировала минутную боль и величаво вошла в огненный круг с разбросанными ритуальными камнями.

Лик Хроноса никогда не отождествлялся с человеческим образом — это была замкнутая сфера на мощных цепях, испещренная древними литерами и цифрами, которые отмеряли меры масла. В определенное время солнечный луч падал в эти отполированные золотые углубления, показывая временной отрезок с максимальной точностью. Сейчас огромное кольцо было неподвижно, но ровно в полдень весь сегмент сферы вспыхнул холодным огнем, предвещая либо благую весть, либо, что случалось чаще всего, гнев Бога времени. Лаэр прикоснулась ладонями к его заостренной грани, задумчиво вглядываясь в центр. Едва заметные колебания пространства внутри были похожи на легкую зыбь, которая так часто появляется на воде, или же на дрожащее марево, так похожее на то, какое бывает, когда всматриваешься вдаль в знойный полдень. От него исходила пульсирующая энергия, которая моментально снимала усталость и приносила ясность разума — не зря мудрецы Лассирии раз в зиму совершали сюда паломничество, воздавая дары Хроносу и вымаливая для себя силы, чтобы узреть истину в своих свершениях. Появляться в храме в любое другое время имела право только династия правителей.

Справедливая закрыла глаза, впитывая необъяснимую силу кончиками пальцев. Последний раз Хронос заговорил с Атлантидой в разгар ее кулуарной стратегии по захвату мирной Озерии: стрелы голубого огня полыхали полный круговорот, разрушив одну из башен дворца. Бог гневался, тогда в этом ни у кого не оставалось никаких сомнений. Матриарх прибыла в храм и провела наедине с ликом долгие меры масла, после чего буйство холодного пламени угасло, а коварные планы были отменены. Сейчас же никто не мог дать ответа на вопрос, чем вызвано появление синих стрел в полдень в долине лесов. В империи нарастала паника, Совет Десяти выдвинул ноту протеста относительно союза со Спаркалией, как и отверг намерение отправить легион Пантер к границам Лассирии. Сама же матриарх сейчас вспоминала почти с сожалением о недавнем приступе тоски по погибшему вольному спутнику. Арий навсегда остался в ее памяти как достойный воин, сумевший пробудить чувство в ледяном сердце неприступной королевы. Он все еще

приходил к ней в сновидениях, а тоска по сильному плечу достойного мужчины становилась непереносимой.

«Хронос всемогущий, я знаю, что нет такого другого, но если ты слышишь мой зов, просто направь его путь так, чтобы он пересекался с моим!.. Дай же мне пережить боль моей потери и, если это невозможно, замени ее новым чувством во имя процветания империи!»...

Если бы жители Атланты узнали истинные мысли своей матриарх, были бы ошеломлены. Все, что оставалось гордой Лаэрт, молча просить Бога о милости. Антал уже несколько зим как не слышал ее отчаянных молитв, и оставалась надежда на Бога времени.

— К добру или злу, великий Владыка Времен? — прошептали рубиновые уста королевы. — Дай мне знак, помоги правильно понять твои божественные послания, дабы я не совершила вопиющих ошибок на пути своего правления!

Сферический лик молчал, лишь взметнулись вокруг языки пламени, будто от порыва ветра. Лаэртия развела руки в стороны, готовая принять любой знак, запрокинула голову, снова вглядываясь в ночные небеса. Ни единой мысли-озарения, колебания энергетических потоков, огненной змейки по кольцу. Возможно, явление голубого пламени было миражом, игрой уставшего воображения? Но тогда почему его наблюдали все без исключения жители империи? Хронос молчал, оставаясь безучастным к вопросам правительницы Атланты. Матриарх прикусила губы, сдержав вздох разочарования. Ее путь был проделан впустую, хотя оставалась шаткая надежда, что ответ придет во время сна.

Яркие низкие звезды, угольный шелк ночного неба, абрисы четких созвездий. Они равнодушно взирали с высоты на женщину поразительной красоты, застывшую посреди огненного кольца в древнем храме Бога времени. Сияющие столь высоко, они не замечали ее полных надежды глаз, в которых плескалось уязвимое отчаяние, а может, просто не хотели этого видеть. Матриарх опустила руки вдоль тела, намереваясь покинуть круг священного огня, и в этот самый момент небесный свод пронзила яркая стрела падающей звезды.

Лаэртия моргнула, не успев отреагировать на ее быстрый полет — казалось, ничего не было, но едва заметный дымчатый след говорил о том, что падение метеорита не было игрой воображения.

— Юг! — задумчиво проговорила матриарх, определив приблизительную траекторию падения звезды. — Смута Лассирии или же нечто иное?

Она не успела произнести последнее слово — энергетическое поле сферы пошло более ощутимой рябью, и тело встрепенулось, принимая пульсацию необъяснимого силового потока. Сотни бабочек затрепетали в солнечном сплетении, по позвоночнику прошла дрожь приятного предвкушения.

— Знак! — едва не рассмеялась матриарх, склонившись в ритуальном поклоне, а затем быстро развернулась и покинула круг огня. Плащ соскользнул с ее плеч на мрамор напольной плитки, и молодая женщина распахнула ворота, ступая на гладкую брусчатку.

Жрицы Хроноса прервали свою молитву, подняв на матриарх взгляды, полные надежды.

— К добру и благодати! — уверенно сообщила Лаэртия Справедливая. — Гнев Хроноса миновал нас, и это благая весть!..

Ласкающий накат волны накрывает первозданной эйфорией, кипятит кровь ожиданием высокого и неподконтрольному разуму удовольствия. Тонкие пальцы самой жестокой и непримиримой воительницы Атланты, которую привыкли бояться и вождельть одновременно, сжимают шелк покрывал до запредельного напряжения каждой фаланги — ничего не значит эта мимолетная боль, особенно сейчас, когда мужские ладони накрывают пылающую кожу подчиняющим жестом агрессивной ласки, скользят по смуглому телу женщины маршрутом первозданной страсти и самого тесного единения не только тел, но и душ. Пламя свечей и факелов мечется по замкнутому периметру царских покоев, скользит пурпурными отблесками по потолку и стенам, расцветивает покрытую испариной кожу двух слившихся в объятиях любовников в цвет чистейшего солнечного металла.

Стерлись изначальные грани между «допустимо» и «недопустимо», «можно» и «нельзя», «вероятно» и «невозможно». Отошли в тень любые предрассудки и каноны каждой из культур, долгие переговоры, компромиссы и несогласия, противостояние и договоренности. Так легко потерять голову в сильных руках того, кто, по сути, является врагом в этой необъявленной войне, сглаженной убаюкивающей поступью дипломатии. Выгибаться на алых шелках навстречу его рукам, поцелуям, ловить биение сердца всеми нервными окончаниями, млеть от ощущения того, что сейчас сердца бьются в унисон; сдерживать готовый вырваться из горла крик ошеломляющего восторга, жадно ловить устами не знающие пощады и усталости губы мужчины, пить из этого источника бессмертия глубокими глотками до скончания времен.

Руки, язык и губы Аларикса действительно не готовы щадить прекрасную гостью империи, но она и сама этого не желает.

Скользит тонкими перстами по гладкой коже его головы, непроизвольно сжимая ладони, что вызывает в нем подобие внутренней улыбки — рефлекс схватить за волосы и причинить боль прописался в ней едва ли не с рождения. Неистовая страсть дочерей матриархата стала для Аларикса самым ошеломительным и радостным открытием. Латиме пока не остается ничего другого, как вести по его коже росчерком ногтей. Наверняка останутся отметины их страстного первобытного воссоединения, но такая боль не пугает, она даже желанна в некотором смысле.

Сегодня посол высокомерной матриарх податлива и покорна в руках мужчины подобно воску пылающих свечей. Ночь снимает закрепленные маски одним движением темной ладони, открывая истинную сущность каждого. Ночью Лучезарная не боится перевоплощаться в маленькую ранимую девчонку, которая так жаждет прикосновений и обожания в любом его проявлении. В ее огромных кошачьих глазах непримиримость и презрение тает, сминается, растворяется под трогательной ранимостью и восхищением, открытостью всему новому и безграничным доверием, которому никогда не будет места в переговорной зале. Она отдается его неистовым ласкам, запрокидывая голову, провоцируя своей незащищенностью — нет, никогда он не причинит ей излишней боли, как бы ни хотелось впиться в эту доверчиво обнаженную шею, чтобы пить ее кровь вместе с чувством

всеобъемлющего обожания.

Его желания схлестнулись в безвыигрышном поединке, он и сам не ведает, какое из них вскоре возьмет верх — звериная страсть с острой необходимостью сжимать до боли, подтверждая свою неоспоримую власть, или же невиданная прежде нежность, в которой хочется утопить эту девчонку, такую сильную и ранимую одновременно.

Для нее тоже не стало тайной перевоплощение могущественного Аларикса Фланигуса, императора патриархальной Спаркалии, перед которым дрожат самые сильные воины не только его родной империи. Нет, его жестокость и непримиримость совсем не маска, но в этом сильном мужчине так органично уживаются две разные ипостаси — бесстрашная воля правителя и воинственного агрессора и жажда нежности вместе с готовностью дарить это ей, всецело и без остатка.

Ночь стирает все допустимые и недопустимые границы.

Губы Аларикса скользят по ее ключице невесомым взмахом, он так похож на поцелуй утреннего морского бриза. Сотни, даже тысячи искр невообразимой неги вливаются в кровь через эти прикосновения, обволакивают готовое выпрыгнуть из груди сердце огненной аурой — низ живота скручивает пружиной невыносимого томления с запредельным желанием ощутить внутри себя восхитительную наполненность, обвить ногами поясницу мужчины, чтобы ощутить кожей его близость и ответную дрожь желания.

Она сама не знает, почему позволяет удерживать собственные руки в стальной хватке его ладони за головой, подобно безропотной рабыне, не испытывая ни малейшего желания вырваться и оставить на спине росчерки своей неконтролируемой страсти. Это выше ее понимания, но от биения сердца, кажется, ломаются стены, а от извержений тысячи вулканов на месте прикосновения его губ реальность теряет свою власть над ней и ее сознанием.

Губы, исследовав линию ее ключиц, плавно перемещаются вниз, оставляя пылающий след поверх полушарий высокой груди перед тем, как сомкнуться вокруг вершины твердого соска, втянув его в рот пока еще осторожным движением; оставалось только догадываться, что ему стоило сейчас обуздать собственное вожделение и остаться нежным и чутким со своей податливой невольницей. Спирали чистейшего безумия потекли по венам, казалось, кровь закипает под этой умопомрачительной лаской, горло сжимает сладким спазмом, и тяжелое дыхание теперь прорывается вместе со стонами, сдерживать которые больше невозможно. Воинственная часть потомственной амазонки пытается порвать золоченые сети сумасшедшего эротизма, по привычке взять верх, презрев слабость, но истинная сущность жаждущей любви женщины одержала безоговорочную победу.

...Аларикс оторвался от неистового поцелуя второго полушария женской груди, и, отпустив кисти Латимы, приподнялся на локтях, вглядываясь в ее лицо. Грудь девушки вздымалась от учащенного дыхания, на высоких скулах играл лихорадочный румянец, а огромные глаза стали черными от запредельного желания. В них плясали отблески света, такие яркие и манящие на фоне тьмы расширившихся зрачков, язычок скользил по пересохшим и припухшим от долгих поцелуев губам в бессознательном порыве не терять сладкий вкус.

Долгую минуту он любовался ликом своей прекрасной любовницы, пытаясь восстановить сбившееся дыхание, скользил жадным взглядом по его утонченным расслабленным чертам, словно пытаясь навсегда сохранить в своей памяти. Что-то дрогнуло в его светлых омутх холодных глаз в этот момент, но Латима не могла этого увидеть — как

раз в этот момент ее длинные ресницы дрогнули вместе с бедрами, которые толкнулись навстречу чреслам Аларикса, вымаливая, требуя дать гораздо больше. Этот безмолвный крик тела остался незамеченным императором. Его пальцы оплели подбородок Латимы, фиксируя ее голову в одном положении.

— Подчинись мне!

Тело девушки сотрясла неподконтрольная разуму дрожь, а из горла вырвался сладкий стон. Она перекинула ногу на его поясницу, подтянув выше скользящим движением. Хриплый шепот вызвал такое же содрогание в теле мужчины, когда она, продолжая прижиматься к его телу в бесконтрольной жажде большего, все же решительно проговорила:

— Ни за что!

— Я все равно возьму свое. Неужели ты до сих пор этого не осознала?

Запястья воительницы напряглись в оковах его ладони. Противостояние даже на ложе любви восхитило ее, трудно было не заметить, как учащенно застучал пульс под его пальцами, как замерло дыхание девушки от этих слов, но на губах расцвела коварная, дразнящая улыбка.

— Этого никогда не будет, Аларикс!

Губы воина сжались в плотную линию, пальцы еще сильнее сомкнулись на ее личике, слегка скользнув по коже и продавливая высокие скулы. Дрожь вожеления сменилась пульсацией ярости, когда он приблизил свое лицо, захватывая взгляд Лучезарной в клетку своего взгляда:

— Ты на моей территории, Латимея. Здесь царят иные законы!

— Твоя кровь пульсирует сильнее, император, когда ты зовешь меня чужим именем?

Мужчина зарычал, подобно взбешенному хищнику перед прыжком. Хватка ладони на запястьях девушки разжалась. Не отпуская ее лица и заставляя смотреть себе в глаза, он скользнул рукой вниз, задержавшись на животе, перед тем как коленом раздвинуть ее сомкнутые ноги. Глаза Латимы затянуло поволокой усилившегося желания, и она послушно толкнула бедра навстречу его пальцам. Длинные ресницы дрожали, воительница делала над собой горячие усилия, чтобы не закрыть глаза и не позволить любовнику решить, что ее сущность готова капитулировать. Она лишь сдавленно застонала, когда пальцы Аларикса дразнящим движением огладили набухшие лепестки половых губок, а подушечка указательного накрыла жемчужину наслаждения, поглаживая круговыми движениями. Ей до безумия хотелось отпустить себя в этот свободный полет, не оглядываясь назад, утонуть в пучине самого острого наслаждения из всех, что ей приходилось испытывать ранее. Даже слова, которые Фланигус не сказал, а буквально прорычал в ее губы, сейчас вызвали новый прилив греховного нектара в глубине врат Криспиды — девушка ощутила, как эти соки буквально брызнули на ласкающие ее пальцы.

— Когда я сделаю тебя своей, ты будешь отзываться только на то имя, которое я соблаговолю тебе дать! — ее тело выгнулось дугой, когда пальцы мужчины беспрепятственно скользнули во влажные глубины, так жаждущие властного вторжения. Пульсирующие стеночки сжались, принимая их в себя на полную глубину, острая судорога удовольствия прокатилась по позвоночнику, ударила в виски сладким набатом. Стон замер на выдохе, поглощенный жаждущими устами мужчины, разрезанный на лоскуты двумя скрещенными мечами его затуманенного страстью и яростью взгляда, тогда как пальцы внутри нее начали круговые движения, возбуждая, заставляя потерять контроль, забыть напрочь прозвучавшие слова.

Те самые, услышав которые в том же зале совета, она бы пронзила дерзкого самца клинком, долго не раздумывая. Сейчас же они не были угрозой; это был самый мощный афродизиак из всех, что ей доводилось знать — хриплый рык-шепот слов, наполненных роковым смыслом.

Спираль приближающегося оргазма закрутила хаос сладкого торнадо на кончиках пальцев, в ладонях, поднимаясь выше, опоясывая ретивое сердечко, но девушка не спешила отдаваться первой волне наслаждения. Куда слаще было продлевать эту сладкую пытку, растягивать во времени, теряя контроль и доводя себя до самого пика. К тому же, она жаждала ощутить в себе его твердый жезл, который бы вспорол далеко не нежным натиском тесные глубины врат Криспиды, проник еще дальше — пальцев было ничтожно мало. Она сумела удержаться и не оросить соком сладкой разрядки пальцы Аларикса, хотя перед глазами плясали темно-алые пятна, иногда вспоротые бликами огня, сердце сорвалось в оглушающий ритм, а бедра толкались вперед — тело не соглашалось с разумом и жаждало получить освобождение как можно скорее.

— Попроси! — прохрипел Аларикс в ее губы, резко вынимая пальцы. Головка его возбужденного члена коснулась лобка Латимы, скользнула искушающим нажимом по клитору и налитым губкам. Лучезарная не смогла удержаться от очередной судороги, когда бедра выгнулись навстречу, стремясь поймать твердый жезл в свои истекающие влагой тиски, но все же нашла в себе силы выдохнуть в ответ:

— Ни за что!

— Сука! — в устах Фланигуса это обращение давно стало самой тончайшей из ласк, самым возвышенным из титулов, апофеозом страсти, которая сжигала их день за днем в своей бездне, и которой никто из них не мог насытиться полностью. Латима замерла, толкнув свой язык навстречу его губам в ритме непобедимого противостояния, вызывая на бой, провоцируя на дальнейшие действия своей отчаянной смелостью. Поединок взглядов, переплетенных пальцев, жаждущих языков, танцующих ритуальный танец первобытной страсти, трение разгоряченной кожи и желание тесного воссоединения достигли пика, замерли в пространстве и времени за несколько секунд до полета к вратам рая.

— Ты мне за это ответишь! — жарко прорычал Аларикс, капитулируя, проигрывая в этом сладчайшем поединке. Вся женская сущность Латимы воспламенилась от сладкого восторга победительницы, когда мужчина вошел одним резким толчком на всю глубину, растягивая пульсирующие стенок врат Криспиды, словно это была его последняя возможность утвердить диктат своей власти над дрожащим телом непокорной амазонки. Никто из них так и не смог ни проиграть, ни победить в этой любовной игре; его отчаянная попытка подчинить прекрасную любовницу своему ритму провалилась с треском — он сам не мог сдерживать бурлящее в крови желание и, видимо, уже не хотел. Бедра девушки задали ритм, принимая мужчину полностью в клетку своих тесных ножен страсти. Ничего удивительного, что никто из них не смог долго продержаться на вершине удовольствия — судорога освобождения сотрясла их обоих одновременно. Вспышки ярчайших пульсаров ослепили, оглушая ритмичным током крови в возбужденном теле, и в который раз за три солнечных круговорота, которые Лучезарная провела в Спаркалии, голосовые связки сорвал неистовый крик освобождения, сомкнувшись в первозданной мелодии с хриплым рыком излившегося в нее мужчины.

— Непокорная девчонка! — вес тела Фланигуса придавил ее к постели, но девушка лишь шумно выдохнула и довольно улыбнулась, прижимаясь к его щеке своей, удерживая его

голову в ласковых тисках своих ладоней.

Этот мужчина, помимо первобытной страсти, сумел разбудить в ней что-то, подозрительно похожее на нежность. О том, что это и была она, извечная женская благодать в ее чистом виде, Латима остерегалась даже думать. Когда молва о твоей жестокости, непримиримости и коварстве летит далеко за пределы империи, остается только свыкнуться с этим. Она не свыклась: она наслаждалась подобными лаврами своей особе, тем, что так не похожа на Лаэр, но одновременно так близка к своей королеве, которая всегда являлась ее доброй подругой. Гордилась тем, что не знает жалости и не испытывает ни к кому подобных чувств, которые были синонимом слабости. То, что происходило сейчас, было гораздо проще не замечать, гнать прочь и придумывать ему маловразумительные названия, потому как признаться себе было равносильно провалу.

— Кажется, я уже не смогу без своей дикой пантеры! — проговорил Аларикс. Когда его дыхание выровнялось, он не разжал рук, и Латима жмурилась от удовольствия, тая в тепле этой властной нежности. Еще четыре солнечных круговорота, дань вежливости спаркалийскому гостеприимству, и ей придется вернуться в Атланту. Она не хотела думать о том, что половинка сердца навсегда останется здесь, в этой вражеской, по сути, империи, которой правит столь сильный и непримиримый император, что лучше заключить с ним союз и тем самым предотвратить военные конфликты, которые не будут столь легкими как прежде.

— Ты сам понимаешь, что это неминуемо. Моя миссия с каждой каплей масла близится к своему завершению. Я не хочу загадывать, увидимся ли мы куда-нибудь снова.

— Ты увезешь половинку моего сердца с собой, дочь Криспиды. — Губы Фланигуса скользнули по ее скулам, повторяя соблазнительный рельеф. Девушка доверчиво устроилась в кольцо его рук. Удовольствие было настолько сильным, что вскоре она стала погружаться в сон, согретая теплом рук мужчины, который стал значить для нее гораздо больше, чем она могла себе признать.

Аларикс Фланигус наблюдал за ней, затаив дыхание. Когда сон окончательно сморил пылкую амазонку, мужчина осторожно разжал объятия своих рук, выскользнул из постели и подошел к столику, чтобы налить себе вина. Пламя свечей всколыхнулось от его практически незаметной поступи. Поднеся к губам кубок, он довольно улыбнулся, не сводя глаз с обнаженной смуглокожей красавицы, раскинувшейся на ложе страсти. Блики огня плясали в ее темных волосах, падали золотистым отблеском на кожу, словно повторяя маршрут его рук и поцелуев. Латима была прекрасна — во сне ее маски слетали. И он по-прежнему видел чуткую, отзывчивую и страстную девчонку, которую рамки матриархальной державы вынуждали переступать через себя и сражаться с теми, кто хотел дать ей счастья.

Больше книг на сайте — Knigolub.net

Прекрасная амазонка зашевелилась во сне — отблески огня заиграли золотыми переливами на разгоряченной коже, рельефных мышцах живота, осыпались искрами на полушария совершенной груди. Ее роскошные темные волосы разметались по подушке, притягивая свет, сияя в полумраке черным золотом. Мужчина ощутил, как зашевелился, наливаясь силой его член, хотя он полагал, что этот страстный марафон вымотал обоих. Словно подраживая, Латима протянула руку, ощупывая пустую половину ложа, и беспокойно нахмурила брови. Даже во сне она тянулась к его теплу и подчиняющей властной силе.

Аларикс сам не мог понять, что с ним происходит. Это было похоже на яркую вспышку

молнии, которая не угасла, а растянулась во времени, наполняя всю его сущность своим ослепляющим светом. Весь внутренний мир, который он считал изначально правильным и совершенным, превратился в дымящиеся руины под одним взглядом посланницы Атланты. Она пришла с миссией разрушить его до основания и подарить надежду на что-то более грандиозное и возвышенное, незнакомое, пугающее и манящее одновременно.

Привыкший относиться к женщинам, как к потенциальным рабыням, лишенных права голоса, император Спаркалии не был готов к тому смятению чувств, которое сейчас кипятило его кровь и сжигало разум на костре первобытного чувства. Ранее ему не приходилось встречать подобной представительницы прекрасного пола. Ее цепкий и изворотливый ум, чувство собственного достоинства и темная сторона, так близкая ему самому, поразили мужчину. Обладать такой женщиной было подобно обладанию пламенем, ветром, водной стихией — непокорными сущностями, которые, тем не менее, бросали вызов, притягивая и не отталкивая.

Возможно ли подчинить ветер? Заставить огонь мерцать в замкнутом сосуде, чтобы он не сжигал, разрушая, а освещал твой путь? Остановить сметающую все на своем пути энергию шквальной волны? Для Фланигуса не существовало понятия «невозможно».

Разница культур стала преградой для их зарождающейся любви. Он не собирался с этим мириться. Как и прощать то, что ему показали идеальную женщину с тем, чтобы вскоре навсегда отнять. Они могли быть счастливы до неправдоподобности — даже Фланигус был готов пойти на некоторые компромиссы за право назвать ее своей, но и Латиме следовало бы умерить свою тьму и необузданный нрав.

Она не поймет этого никогда.

— Я не отпущу тебя, дочь Криспиды! — прошептал мужчина в кубок. Блики огня встрепенулись, взволнованные силой его несгораемого чувства и решимости. — Клянусь всеми богами, ты останешься со мной, и этому помешает лишь смерть одного из нас!

Леса Атланты

— Так и сказала: «Чтобы ты провалился под лед!»

— Да за такие слова в Спаркалии твою женщину наказали б плетью, после чего заточили в подземелье на несколько зим! А если бы доказали, что она заключила союз с богами тьмы, которые облекли ее речи в деяния, и вовсе бы предали смерти. Уму непостижимо!

Савичев едва удержался от смеха, представив, как кто-то из воинов, внешне похожий на Ведикуса, приближается к Ольге с плетью, параллельно зачитывая приговор языком Гомера. Наверное, скандальная Лоран свернула б такому шею одним из приемов айкидо, конечно, после того, как прекратила захлебываться от хохота. Или перевела экзекуцию в ток-шоу, после которого ее бы как минимум канонизировали, а как максимум, разбежались бы в страхе и смятении.

— Вряд ли она заключила сделку с дьяволом. Работа у нее такая.

— Работа?

— Она кто-то наподобие... Летописца и глашатая на пару с поэтом. Раскрывает секреты аристократии и делает их доступными народу.

— Ты позволяешь своей женщине заниматься столь возвышенным делом? Но чем тогда

заняты ваши мужчины?

— Лучше тебе не знать, чем заняты некоторые «достойные мужи»! — продолжал веселиться Савичев, наблюдая за ошарашенным выражением лица Ведикуса. — Наверное, в большинстве своем тем же, чем и ваши. Особо процветает бизнес... то есть купечество и искусство, ну и без политики никуда.

— А чем занимаешься ты?

— Воин, ученый мудрец и наставник. — Наблюдать за спаркалийцем было донельзя забавно. Недоверие на его лице сменилось потрясением, он все еще изумленно качал головой — сам факт подобного совмещения профессий был неподвластен его разуму. Впрочем, был фактор, который на время отвлекал любопытство спутника. Он по-прежнему прислушивался, осматривал ветви деревьев и заросли, вглядывался в густые кроны, приложив палец к губам, и в его глазах плескалась тревога, а иногда и с трудом сдерживаемый ужас. Савичев не разделял подобной мании преследования, но сейчас ощущение тревоги и чужого взгляда постепенно передавалось ему.

Ночью с Ведикусом едва ли не случилась истерика — ему везде мерещились глаза лесных охотниц, которые наблюдали с высоты и ожидали, пока сморит сон, и они смогут беспрепятственно его уничтожить. Он отказывался спать на земле и настаивал на том, что стоит забраться на дерево.

Непонятно, какая логика была в этом поступке, если, по его же словам, дозорные Оцилл перемещались исключительно по воздуху с помощью лиан и ветвей. Савичев пожал плечами и забрался под колоду поваленного дерева. Сон на ветвях — самый изощренный вид мазохизма. Затекает все тело, ломит поясницу, ты не можешь расслабиться ни на миг, контролируя положение своего тела на шаткой опоре-лежаке даже во сне.

Сколько раз ему приходилось занимать позицию в кронах густых деревьев, просматривая дислокацию врага в окуляр снайперской винтовки. Только выдержка и упорные тренировки позволяли пролежать, не шевелясь, в течение долгих часов и спустить курок, преодолевая сопротивление затекших мышц. Рука не имела права дрогнуть в самый ответственный момент поражения цели. Поэтому Дмитрий только скептически усмехнулся, когда новый приятель вскарабкался на дерево, путаясь в лианах и проговаривая смешные ругательства на местном наречии. Утром Ведикус долго разминал шею, пытаясь прийти в себя и не кривиться от дискомфорта в затекших мышцах, опять-таки наблюдая за Савичевым с открытым ртом, который решил использовать примерно два десятикилограммовых валуна в качестве гантелей и утяжелителей для пресса. Получасовая тренировка вернула мышцам приятный тонус, а сознанию — легкую эйфорию. Единственное, что бесило, так это параноидальные наклонности спаркалийца, который напрягался, стоило только Савичеву замолчать.

Они отправились в путь на рассвете. Дмитрий и понятия не имел, что же собирается изучать на месте и куда они направляются, но Ведикус, потрясенный навыками своего «друга из неизведанных земель», выстроил свой план, согласно которому они выберутся к побережью Атланты и смогут вместе сесть на корабль, который доставит в Спаркалию. Воин явно уже предвкушал собственный триумф и благодарность своего императора, у которого вскоре появятся сведения о новом оружии таинственной страны.

Солнце еще не успело залить окрестности удушающим зноем, в порывах легкого ветра ощущался запах йода — побережье было не столь далеко, как казалось изначально. Ласковые лучи, не такого яркого белого света с голубым отливом, как в полдень, проникали через

островки в кронах деревьев. Лес просыпался, распускаясь белоснежные цветы, символы империи, пели птицы. Несколько пернатых Ведикус убил броском копья, оставалось только пройти как можно больше миль, чтобы сделать привал и подкрепить силы.

К полудню они вышли на огромную поляну с прозрачными озерами. Жара была нестерпимой, и Савичев не отказал себе в удовольствии искупаться.

Ведикус постоянно оглаживался и утверждал, что в воде они будут представлять собой превосходные мишени, если Оциллы решат напасть, но археолог высмеял своего нового друга, и тот после долгих сомнений неохотно нырнул в воду, скорее всего, лишь потому, что ночевка на дереве не прошла даром для его суставов. Прохладная вода придала энергии, сняла усиленную жарой усталость, и вскоре спутники устроились в тени раскидистого дерева, чтобы полакомиться жарким из дичи. Из гибких, сочных ветвей дерева вышло подобие решетки-гриля, на которой запекались тушки птиц. Ведикус знал, какие из плодов пригодны в пищу, а какие могут вызвать отравление, и они пополнили запасы провизии ягодами и сочными плодами, похожими на нектарин. Спаркалиец немного расслабился и больше не оглаживался по сторонам, вместо этого засыпал Савичева расспросами о военных технологиях и тактике ведения боя.

— Копья и ножи используются крайне редко и только тогда, когда нужно провести операцию гладко, не создавая дополнительного шума, — охотно пояснил Дмитрий. — В контактном бою применяется иное оружие. Его механизм выстреливает отрезками металла на такой скорости, что враг моментально падает замертво даже на том расстоянии, до которого не долетит копье. Некоторые механизмы позволяют стрелять непрерывно, а иные при броске взрываются. Противник гибнет от осколков.

— Но как они не задевают вас? Вы используете щиты?

— Наши щиты вшиты под одежду. К тому же, у нас есть колесницы, которые неуязвимы и могут сами вести огонь на поражение.

— Не бывает такого! Это сказания! Подобные колесницы доступны исключительно богам.

Поколебавшись, Савичев достал фотографию и протянул ее воину. За последние сутки он уже привык к забавной реакции Ведикуса, но сейчас снова расхохотался, когда новый друг, едва взглянув на изображение, вскочил на ноги, воздевая руки к небу и мотая головой.

— Ты заключил сделку с Хроносом, проклятый, и теперь можешь останавливать время! Ни одному летописцу и живописцу не под силу изобразить столь прекрасную картину, да еще и заключенную в тончайший лед, который не обжигает пальцев! Ты приспешник суки Лаэртии, потому что только ей позволено говорить с Богом времени! — воин потряс копьем и насупил брови. Ему бы не было цены, как актеру, если бы он, конечно, играл.

— Успокойся! — Савичев смахнул слезы смеха и примирительно постучал ладонью по земле, приглашая сесть. — Наш Хронос — тот еще гад, мы вечно ему молимся, чтобы сделал 28 мер масла в солнечном круговороте, а он нас как будто не слышит. Это все, наверное, и вправду Лаэртия виновата, отравила его разум своими сладкими речами. О том, чтобы остановить время, вообще речь не идет!

Ведикус потоптался на месте и нерешительно приблизился, опасливо сжав фотоснимок двумя пальцами. Его глаза перебежали со смеющегося лица Савичева на изображение, рот так и не закрылся, а голова качалась из стороны в сторону.

— Твоя одежда! Она сливается с листвой, и по ней словно пляшут блики солнца...

— Именно. В такой ты будешь невидим в лесах для своего врага. Не в обиду, но ваши

латы несут не защиту, а нескрываемое величие и самолюбование. В разведке сие недопустимо.

— А что у тебя в руках?

— То самое оружие, которое поражает стальными шариками. АК называется.

— А кто эти безмолвные чудовища, и почему вы от них не бежите? Они тоже скрываются в лесах в подобных латах?

Савичев сперва не понял, о ком именно говорит спаркалиец, и лишь взглянув на фотографию, с трудом удержался от нового приступа хохота.

— Нет. Это наши колесницы.

— Колесницы? Но одна похожа на огромную стрекозу!

— Верно. Она может передвигаться по воздуху и даже стрелять по врагу, оставаясь практически неуязвимой.

— Да вы смогли бы завоевать любую империю, обладая подобными богатствами! Почему же не используете их?

— Стесняемся! — съязвил Савичев. — И необходимости нет, мы мирная империя.

— Когда мы доберемся в Спаркалию, Фланигус осыплет тебя золотом за секрет вашего оружия!..

Савичев уже устал смеяться. После трапезы угостил нового друга леденцом Holls, несколько минут наблюдал его забавные танцы в попытке выплюнуть мятную конфету.

— Одной этой ягоды достаточно, чтобы возродить холод Белого Безмолвия среди жаркого круговорота! — изумленно выдал воин. Савичев с неохотой поднялся, закидал тлеющие угли землей, и они вновь двинулись в путь.

Солнце миновало зенит, а они все шли, минуя высокие заросли папоротников, небольшие поляны, ручьи и овраги. Чем дальше углублялись в лес, тем сильнее возрастала нервозность спаркалийца.

— Мы не встретили ни единой метки Оцилл, — ответил он на вопрос Савичева, в чем же дело. — Их владения всегда обозначены узлами голубых лент. Возможно, звезды сместились на небесах, и направили наш путь иной дорогой.

— Стало быть, переживать не о чем, а мы, судя по всему, выйдем к побережью, но более безопасным маршрутом. — Дмитрий смахнул тыльной стороной ладони капли пота со лба и оглянулся. Вначале он и сам не понял, что же так привлекло его внимание в сумеречной части практически девственной чащи. Надрезы на коре дерева поросли мхом, но все же можно было проследить четко очерченный рисунок. Он напоминал изображение кельтской руны, но здесь линии были более плавными и многогранными. Савичев провел по нему ладонью и вздрогнул от испуганного крика спутника.

— Мы в святилище Оцилл!

Только сейчас он заметил, что стволы близлежащих деревьев испещрены похожими рисунками. Впереди, по обе стороны, располагались густые заросли высокого папоротника. Не раздумывая, Дмитрий полоснул ножом по ближайшей лиане и решительно раздвинул огромные побеги. Ведикус что-то протестующее завопил, но археолог не стал обращать внимание на очередное обострение паранойи своего спутника.

Когда заросли резко оборвались и он вышел на небольшую поляну, то первое, о чем пожалел, так это об отсутствии фотокамеры, на крайний случай, обычного смартфона. Перед ним располагалось самое настоящее языческое святилище. Сложенные пирамидой камни, треножники факелов, расставленные в виде двух литер, которые обозначали герб

Атлантиды. Мощеная дорожка вела к гроту подземной пещеры, возле которой была сложена стопка хвороста, а высеченные из камней скульптуры изображали больших диких кошек с огромными зелеными то ли самоцветами, то ли стеклами на месте глаз.

Савичев замер на месте, пораженный первобытной, завораживающей языческой красотой этого места. Покров тайны, чужой культуры манил к себе, притягивая магнитом, он даже не понял, что спаркалиец не последовал за ним. Осторожно обойдя ряд факелов, Дмитрий провел рукой по спине каменной кошки, удивляясь мастерству скульптора, который сумел так реалистично передать каждый изгиб.

Тишина сгустилась, заряжая ощущением какой-то неподконтрольной разуму тревоги. Мужчина вскинул голову, ощутив чужое присутствие, но обернуться не успел. Что-то укололо в шею — это было похоже на укус москита, и он непроизвольно занес ладонь, чтобы прихлопнуть насекомое. Изображение каменной хищницы поплыло перед глазами раньше, чем он успел нащупать дротик с мягким оперением, который вонзился в артерию.

В ушах зашумело, но перед этим Савичев успел различить вопль Ведикуса. Колени прострелило глухой болью, когда он понял, что не смог устоять на ногах. Валуны мощеной дорожки слились в сплошную линию, чья-то тень загородила сумеречный свет, едва проникающий сквозь густые кроны. Дмитрий попытался поднять голову, но не смог. Последнее, что он увидел — белоснежный цветок астропеуса, перемотанный голубой лентой, который упал на землю возле его ног...

Голова невыносимо болела. Темные пятна плясали перед глазами от каждой маломальской попытки их открыть, и Савичев зажмурился до рези в висках. Это мало помогло, выбивающая испарину мигрень распространялась по периметру лобной и затылочной частей практически со световой скоростью, отдавалась эхом затихающей пульсации в том месте, где отравленный, предположительно, нейропаралитиком дротик вонзился в кожу. Дротик?

Память ускользала, прерывалась волнами накатывающего головокружения и пульсирующим набатом в висках, разливая по телу отголоски глухой боли. Сосредоточиться на чем-либо было невозможно, пришлось сделать над собой усилие и вспомнить военную хитрость — не выдавать своего состояния врагу до тех пор, пока не сориентируешься на местности.

Закрытые глаза обострили чувство слуха практически до максимума, до малейшего звука. Ветер гулял в кронах высоких деревьев, моментами создавая кратковременный свист, где-то невдалеке шумел, предположительно, водопад, мельчайшие капли водяной пыли оседали на кожу едва уловимым щекочущим движением. Постепенно звуки природы отошли на второй план, превращаясь в фон, и слух различил гул женских голосов, мелодичный смех и иные звуки, которые было сложно разобрать — иногда звон металла, глухие щелчки и неравномерный стук.

Скульптуры в виде огромных кошек, поляна, на которой располагалось святилище этой загадочной империи, внезапная слабость и белый цветок астропеуса с синей лентой поверх изогнутого стебля. Память возвращалась, а вместе с ней и ощущение легкой саднящей боли в ладонях и коленях. Пальцы рук и ног с трудом ощущались, и Савичев инстинктивно принялся сгибать их, напрягая мышцы, чтобы разогнать кровообращение и избавиться от дискомфорта. В горле пересохло, попытка резко подняться вызвала головокружение и новый приступ нешуточной боли в висках. Когда он открыл глаза, яркий солнечный свет, даже преломленный зеленой листвой, резанул сетчатку, заставив снова зажмуриться и поморгать несколько раз, пока глаза привыкли к этому свету.

— Ты очнулся? — шепот Ведикуса отдался ударом клинка в затылке и показался очень громким. Савичев кивнул, преодолевая боль. Прямо над ним раскинуло свои ветви огромное дерево с крупными остроконечными листьями, его прямой обзор закрывало еще что-то. Подогнанные друг к другу деревянные прутья... клетки?

Позабыв о покалывании в пальцах, археолог вскинул ладонь, потянувшись к поясу брюк за ножом. Ни ремня, ни ножа. Сознание укололо нехорошим предчувствием, когда мужчина ощупал карманы и убедился, что они абсолютно пустые.

— Они все отобрали, пока ты витал разумом в чертогах тьмы, — поведал спаркалиец. Савичев стиснул зубы и подтянулся на локтях, осматриваясь по сторонам. Вашу мать, клетка. Самая настоящая, невысокая, во весь рост не выпрямиться. Гибкие и ровные ветви плотно подогнаны друг к другу и переплетены шнурами лиан на стыках, основание уходит в утрамбованную землю. Пол этой камеры усыпан сухой травой, которая совсем не добавляет мягкости и комфорта. Весь периметр, примерно два на два метра, оставляет минимум пространства для манипуляции.

— У тебя тоже?

С Ведикуса стащили даже латы. Дмитрий помимо воли свел брови на переносице,

заметив состояние попутчика. Скула рассечена, на гладком черепе несколько внушительных кровоподтеков, даже грудь расцарапана. Но главным было не это: спаркалиец трясся, его губы дрожали, а страх в глазах был настолько силен, что археолог невольно усомнился: а не солгал ли этот воин о своей принадлежности к императорской армии и о том, что возглавлял легионы. Мужчина вздрагивал от малейшего шороха, ежилась даже от слабого порыва ветра, непроизвольно вжимаясь в угол клетки. Он не смог ответить на поставленный вопрос, судорожно дернулся и скрестил на груди руки.

— Ты меня слышишь? — Дмитрий поднял руку и несколько раз щелкнул пальцами перед глазами сокамерника. — Давай, приходи в себя! Надо выбираться отсюда, пока у меня клаустрофобия не началась.

— Мы обречены, отсюда не выбраться! — Дмитрий испытал острое желание двинуть Ведикусу под дых, расслышав в его голосе истерические нотки тотальной обреченности. — Из рук Оцилл никто не уходит по своей воле, мы пропали!

— Даже не попытаешься?

Спаркалиец закрыл лицо руками и сдавленно застонал. Савичеву не раз приходилось сталкиваться с подобной реакцией в зонах боевых действий. Военные корреспонденты и волонтеры, которые видели в своих визитах лишь жажду сенсаций, наживы и пиара, оказывались настолько шокированы реалиями настоящей, не киношной войны, что сразу теряли свой запал, срывались в истерики или же впадали в шоковый анабиоз. Как правило, все происходило по одному и тому же сценарию: они появлялись на базе, сверкая новейшей аппаратурой, стильными костюмами и сверхуверенностью, поглядывая свысока на бойцов, которые каждый день оказывались на линии огня под прицелом смерти, радуясь, что не задержатся здесь надолго. Но как быстро слетала эта показушная бравада, когда начинались артобстрелы, вокруг свистели пули и рвались снаряды, подчас разрывая солдат осколками на части. В настоящей войне нет красивых эпических сцен, нет режиссера, который часто щадит своего зрителя и показывает ему исключительно то, что тому приятнее всего видеть, оставляя за кадром реальные ужасы. Ради таких вот залетных гостей, с присутствием которых приходилось мириться, в аптечках бойцов отрядов специального назначения прочно поселились транквилизаторы, которые они никогда не использовали сами.

Сейчас успокоительного в наличии не имелось. Махнув рукой на бесполезного нынче союзника, Дмитрий обернулся, проклиная усилившуюся мигрень, и осторожно провел кончиками пальцев по стыку прутьев решетки. На ощупь массивные ветви показались твердыми, словно пропитанными клейким составом, который затвердел поверх пленкой глянцевого лака. Петли переплетения лиан были запутанными, а сами волокна сплетены в сложный жгут, который было тяжело разрезать на первый взгляд.

Ведикус что-то забормотал себе под нос, едва не всхлипывая. «Заткнись», — подумал Савичев и поддел петлю зубами. Тотчас язык пронзило огнем, как будто под кожицу вогнали раствор кайенского перца, и он сплюнул, не сдержав сдавленное шипение сквозь сжатые зубы.

— Они пропитывают его соком вековых деревьев, презренные суки! — пояснил Ведикус. Вовремя предупредил, что и говорить.

Язык невыносимо пекло. Распутать петли и выбить прутья оказалось пока что непосильной задачей.

— Возьми обеими руками прутья у земли, — стараясь не повышать голос, велел Дмитрий. — На счет «три» со всей силы тяни вверх. Может, мы сможем вырвать ее из

земли.

Свое распоряжение пришлось сопроводить увесистым тумакон, потому как спаркалиец начал расписывать все те ужасы, которые уготуют им незримые оциллы в случае проявления непокорности.

Пять минут усилий не принесли ровно никаких результатов, лишь футболка взмокла на спине и еще сильнее захотелось пить.

— Эти кошки понимают язык переговоров?

— Не понимают, и нам конец...

— Да прекрати ты хоронить нас раньше времени. Хотели бы убить, давно бы это сделали. Что им, по-твоему, от нас нужно?

Странно устроено сознание, иногда в критической ситуации выдает такое, что не уложить ни в одну логическую цепочку. Савичев не имел ни малейшего понятия, какой процент мужчин, согласно статистике, испытывает любопытство и приятное волнение при мысли, что находятся в абсолютной власти человека противоположного пола, его самого никогда прежде не посещали подобные фантазии. Сейчас же сама ситуация была практически нереальной и стрессовой, он сам не понял, когда головная боль на миг отступила в тень, а в районе солнечного сплетения взорвалась едва ощутимая феерическая вспышка чего-то незнакомого, будоражающего и скорее приятного, чем нет.

Мысль о том, что он волею рока оказался в руках самых прекрасных женщин, которых имел удовольствие лицезреть исключительно на глиняных изображениях и обрывках папируса, вызвала приятное покалывание во всем теле и ощущение легкого, ласкающего бриза, овевшего сознание и затихшего на кончиках пальцев сладкой дрожью. Это было настолько неожиданно и так щемяще-сладко, что член помимо воли дрогнул, наливаясь силой. Ему бы хоть толику страха спаркалийца, но нет, паники, волнения и других проявлений слабости не было и в помине — состояние можно было описать одним словом: «предвкушение».

Его полет по непознанным до этого момента просторам психологии прервал полный ужаса вопль Ведикуса — за миг до того, как затылок укололо проникающим под кожу клинком чужого пристального взгляда. Савичев отпустил прутья решетки и повернулся к его источнику, ощутив, как непроизвольно напряглись мышцы всего тела, настраиваясь на вероятное сражение с бескомпромиссностью хищника, готового дорого продать свою жизнь и, по возможности, унести с собой в мир иной максимальное количество врагов. Но тут же он едва не присвистнул от удивления, смешанного с восхищением.

Стройная фигурка высокой молодой девушки замерла в паре метров от клетки. Ее мускулистое юное тело прикрывали лоскуты тонких шкур, пересекаясь крест-накрест на высокой груди и сбегая произвольными волнами от точеных бедер к коленям, не скрывая длинных ног. Отблески солнечного света играли на ее смуглой коже, рассыпались золотистыми искрами в русых длинных волосах, падающих на спину, увенчанных ободком из алых астропеусов. Переплетение шнуров от высоких сандалий обвивало сильные икры — сама природа наградила дочь древней империи длинными ногами, словно предназначенными для долгого бега по этим лесам.

Пухлые губы вызвали непреодолимое желание прикоснуться к ним и пить из этого источника первобытную похоть до изнеможения, пока не иссякнут силы, сильное гибкое тело волновало кровь, призывая заковать в объятия прикосновений и чувственных ласк, рисуя в воображении захватывающую картину того, как это тело будет извиваться от

сжигающей страсти в пароксизме запредельного наслаждения.

Аура силы и утонченности окутывала девушку невидимым взору покрывалом, ломая преграды любых клеток и замков своим неумолимым призывом. Савичев настолько залюбовался этим прекрасным видением, что фантазия понеслась вперед со световой скоростью. Желание обнять ее колени, прижаться щекой к стройным бедрам, ощутить тепло и вкус сосредоточения женского естества, оказалось настолько сильным, что он напрочь забыл о своем положении и о том, что сейчас именно такая красавица держала в своих тонких ладонях его свободу и жизнь. Не в состоянии сбросить с себя сети неподконтрольного разуму соблазна, он заглянул в ее глаза и едва не вздрогнул, столкнувшись со смертельным холодом ледяной стужи в двух светлых омутax.

Оценивающий и лишенный какого-либо проблеска любопытства, человечности и приветливости взгляд просканировал его болезненным рентгеном, словно багаж в аэропорту. В ее светлых глазах стыло равнодушие, пухлые губы сжались в плотную и злую линию, рука, сжимающая копье, увенчанное у наконечника голубыми лентами и белым астропеусом, напряглась, когда девушка резко ударила им о землю, по всей видимости, кого-то призывая. Ее белокурая головка склонилась к плечу, более внимательный взгляд полоснул Савичева по скулам, шее, груди, отзывавшись фантомным сжатием между бедер, когда красавица слегка подалась вперед, словно пытаясь разглядеть то, что скрывали военные брюки свободного покроя.

Ведикус тяжело задышал в приступе панического удушья, выдав несколько ругательств, которые прозвучали донельзя жалко и унижено, но Савичев не обратил на него внимания. Один в поле не воин, а с напарника мало толку. Когда девушка неспешным грациозным шагом, которому бы позавидовали топ-модели мировых подиумов, направилась к клетке, Дмитрий ощутил спиной, как по прутьям прошла дрожь от тела Ведикуса. Он все же бросил на товарища быстрый взгляд, поражаясь такой реакции — да при виде подобной девушки все знакомые ему мужчины нацепили бы плащ супермена, чтобы выглядеть достойно в ее глазах, а не жались по углам, будто увидели нашествие зомби или явление князя тьмы собственной персоной. Впрочем, даже при появлении этих далеко не столь соблазнительных и красивых персонажей никто бы точно не стал скулить от страха, что бы ни творилось в душе.

Аромат пряных трав и древесной коры окутал легким шлейфом, когда русоволосая дочь лесов приблизилась к клетке и присела на одно колено напротив Дмитрия, не выпуская из рук копье. Ни страха, ни волнения не отразилось на ее красивом лепном личике, когда она внимательно коснулась взглядом его лица — эти прикосновения ощущались практически кожей. Сухой росчерк изучающего поглаживания в области лба, висков, бровей, ниже к переносице, скулам, задержавшись на губах. Савичев сам не понял, что улыбается, почти наслаждаясь осязаемым теплом, несмотря на то, что ее взгляд обжигал холодом циничного хирурга. Улыбка не подействовала на красавицу, ее взгляд не потеплел ни на градус, и мужчина был почти уверен в том, что сердце оциллы даже не сбилось с ритма при этом внимательном осмотре. Так осматривают понравившуюся вещь на рынке, соблазнительный лот на аукционе, список характеристик товара — с хладнокровием равнодушного неподвзятого эстета, которого сложно чем-либо удивить. Бровь лесной амазонки лишь слегка дрогнула, когда взгляд задержался на его развитой дельте и напряженных бицепсах, затем таким же хладнокровным изучающим маршрутом скользнул ниже.

Савичев произвольно включился в эту бессловесную коммуникацию, как в игру, сделав резкое движение бедрами, когда девушка задержала взгляд на его эрегированном

пенисе, натянувшем все-таки брючную ткань. Но смутить или вызвать какое-либо подобие эмоций у этой чувственной и одновременно ледяной красавицы оказалось совсем не так просто, как показалось на первый взгляд. Она продолжала так же внимательно разглядывать узника, иногда наклоняя голову, а когда их глаза встретились, в ее серых льдинках все так же блестела безжизненная заснеженная пустыня без признаков жизни.

За этой игрой в гляделки Дмитрий не сразу заметил приближение второй женщины. Она была гораздо старше русоволосой оциллы, статная, стройная, с морщинками мудрости вокруг пронзительно темных глаз, также лишенных каких-либо эмоций. Тем не менее, потрясающая аура сексуальности и чувственности так же, как и в случае с молодой, шла за ней по пятам, что разбивало в пух и прах предположение о холодности каждой из незнакомок. Зрелая брюнетка была одета иначе, в подобие голубой туники с золотой каймой по подолу, волосы заплетены в косы, на виске белел цветок астропеуса. Ее взгляд лишь беглым осмотром скользнул по обоим мужчинам, никого не выделяя, и она со скупающим выражением на лице повернулась к русой девушке, что-то отрывисто спросив. Савичев не смог разобрать слов.

— Стилос Лакедона, — проговорила молодая, коснувшись плеча и потянув голубые ленты вниз. Лоскуты коричневой кожи, скрывающие ее грудь, скользнули по телу, обнажая два упругих полушария с шоколадными сосками.

Вся кровь ударила Дмитрию в голову от демонстрации подобного великолепия, от отсутствия даже намека на смущение или плановое издевательство со стороны девушки; она всего лишь передала белый листок бумаги, прятанный под кожей одеяния старшей подруге, после чего так же спокойно завязала ленты топа на плечах, как будто ничего грандиозного только что не произошло. Савичев же был настолько ошеломлен красотой ее груди — подобной формы не могли добиться даже известные пластические хирурги при всем старании, что не сразу сообразил, что же именно его так смутило некой неправильностью в этом действии.

Лишь переведя взгляд на пальцы темноволосой, которые вертели прямоугольный листок из бумаги, понял, что в этом времени еще не научились достигать подобной белизны, а затем узнал — по слегка обтрепанным изгибам — собственную фотографию.

Женщины переглянулись, и русоволосая поднялась на ноги, со скупающим выражением на лице погладив ствол копья, перед тем, как лениво обойти клетку. Испуганный полувскрик-полувсхлип Ведикуса резанул по нервам глухим раздражением — несложно было догадаться, что теперь юная прелестница села напротив него, разглядывая в такой же унизительно-бесцеремонной манере. Беда спаркалийца была в том, что он не умел видеть дальше собственного носа и относиться проще к подобным вещам, вряд ли у него даже что-то дрогнуло в душе из-за панического ужаса при виде красавицы, особенно в такой близости.

Темноволосая, бросив презрительный взгляд на забившегося в угол Ведикуса за спиной Дмитрия, приподняла полы лазурной тоги и опустилась на землю на бедро, сомкнув ноги. Ее сосредоточенный взгляд скользил с фотоснимка на лицо Савичева и обратно, в темных глазах иногда вспыхивали искры удивления, не более — она осматривала его с улыбкой на красиво очерченных губах, которая могла бы показаться теплой и располагающей, если бы не холод ее благородного лица с непроницаемыми угольками колдовских глаз. Несмотря на это, Дмитрий улыбнулся ей в ответ без всякого на то усилия, инстинктивно пытаясь расположить атлантку к себе и установить диалог.

— Назови мне свое имя, путник невиданных земель, и поведай, откуда ты прибыл, —

проворковала брюнетка. Ее показное дружелюбие не могло обмануть Савичева — так очень часто на выставках кошек, куда любила его таскать Ольга, хозяева смотрели на своих питомцев, выставленных на продажу: с добродушным умилением и счетчиком в глазах, прикидывая, сколько же можно за них выручить. Они никогда к ним не привязывались, считая исключительно источником дохода и символом особого престижа, прежде всего для себя. Тем не менее, эта женщина с недюжинным умом, светившимся в ее глазах, обладала особым даром располагать к себе, окутывать чарующим обаянием, с которым он пока что успешно боролся. Куда лучше было осмотреться на местности, изучить предполагаемого врага и его слабые стороны, попытаться вступить в переговоры и лишь потом бить на поражение, особенно в свете реальных событий, когда ты лишен оружия и находишься на чужой территории.

— Дмитрий, — Савичев повторил одну из тех соблазнительно-вкрадчивых улыбок, от которых все студентки без исключения растекались жидким воском и готовы были написать курсовую за ночь, лишь бы видеть ее снова и снова. — Я из очень далекой земли, вы о ней вряд ли слышали.

— Ты обращаешься ко мне так, будто нас здесь много, — незнакомка склонила голову. В отличие от более молодой оциллы, она не разглядывала его оскорбительно-сканирующим взглядом, хотя он мог с уверенностью сказать, что разглядела гораздо больше и даже сделала какие-то выводы, понятные ей одной. — Возможно, тебе удастся поразить мой разум упоминанием о земле, незнакомой мне прежде?

— Украина, — ощущение от разговора с женщиной, которая, похоже, обладала здесь особой властью, были странными. Все попытки пробить панцирь ее отчужденности терпели фиаско, все вместе взятые тренеры пикапа сломали бы зубы на подобном экземпляре. Улыбки, запуск флюидов, приемы НЛП-программирования не действовали на красавицу этой земли. — В нашем знамени присутствует цвет небесной лазури и золото солнца.

— Действительно, мне не ведомо сие название. Мастерство ваших живописцев вызывает уважение и трепет, — она кивнула на фотографию. — У тебя в руках нечто странное. Это оружие?

Савичев кивнул. Он как раз подбирал эпитеты к своей речи, чтобы воспеть оду империи гордых амазонок, когда лицо женщины замкнулось, улыбка погасла на красиво очерченных губах, и она грациозно поднялась с земли, словно узнала все, что было необходимо, и утратила к пленнику интерес.

— Невия! — Дмитрий повернул голову, только сейчас заметив, что не слышит больше стонов Ведикуса. От увиденного его глаза помимо воли расширились.

Русоволосая прелестница протянула руку сквозь прутья клетки, на ее пухлых губах играла почти садистская улыбка, глаза светились лихорадочным блеском. Ведикус затаил дыхание, пока ладонь лесной оциллы, проникнув под пояс брюк спаркалийца, совершала ритмичные движения, наслаждаясь своей абсолютной властью над запертым в клетке узником. Возглас старшей подруги застал девушку врасплох, но она не отдернула ладонь, лишь в глазах на миг промелькнуло выражение сожаления — несколько секунд, затем на лице расцвела практически счастливая улыбка ребенка, которому пообещали мороженое на десерт. С нехорошим предчувствием археолог перевел взгляд на старшую амазонку, и тут же ощутил ментоловую изморозь вдоль позвоночника от одного ее взгляда, горящего обещанием чего-то необъяснимо пугающего. Это был первый раз, когда он увидел на лицах этих бесчувственных дев проявление эмоций, и они ему совсем не понравились.

Он проводил взглядом фигуры женщин, пытаясь выровнять ритм сердца. Ни одна из них не обернулась, но ощущение тревоги не утихло с их уходом, наоборот, усилилось, разгораясь с каждой минутой. Это было довольно странно — ему не угрожали и даже не прикасались, наоборот, говорили с ним предельно вежливо и заинтересованно. Савичеву хотелось верить, что старшая оцилла признала в нем воина и отметила его силу и выдержку, но интуиция вопила о том, что здесь дело совсем в ином. В чем именно, он пока не понимал.

— Ты как? — тронул за плечо спаркалийца, который сидел тихо и смотрел перед собой в одну точку.

— Эта презренная сука оскорбила меня своим касанием... лучше бы мне подарили смерть от копья, чем такое! — сдавленно прошептал Ведикус. Тревога Савичева уступила место глухому раздражению. Да если в патриархальной империи все воины такие нытики, амазонки вскоре будут править миром, не иначе.

— Прекрати скулить! — археолог ощутимо пнул мужчину под ребра. — Я весь слюной от зависти изошел, пока тебя ласкали, ведь на меня она только глядела! Да если бы эта прелестница меня погладила, я бы не был так расстроен!

— Она поставила на мне свою сучью метку! Твой разум убаюкан сладкими речами их презренной старейшины столь сильно, что ты не видишь далее масляной меры! С приходом ночи у них начнется пиршество, и мы будем их основным лакомством!

— Они канныбалы?

— Хуже... презренные оциллы! Я бы не радовался столь пристальному вниманию старейшины, потому как она продаст тебя на рабском аукционе первому, кто заплатит большее количество монет солнечного металла! Мы пропали. Нам никогда не узреть берега Спаркалии и свободы, только неволя и гибель вдали от родных берегов! А закат круговорота близок, наслаждайся последними мерами масла перед тем, как они растопчут твою волю и обратят в рабство!

— Ты слишком много об этом думаешь. — Головная боль практически утихла, и Савичев сделал несколько глубоких вдохов, прогоняя тревогу. — Постарайся выспаться, у тебя была бессонная ночь. Я не дам ей тебя щупать, пока будешь спать, обещаю.

— Им не нужно твое разрешение!

«Как ты достал!» — вздохнул Дмитрий и вытянулся на подстилке из сухой травы, закрыв глаза. Дыхательная гимнастика сработала, и, подумав, он пришел к выводу, что не слова Ведикуса стали причиной его тревоги. Солнце между тем клонилось к горизонту, забирая с собой жару и принося дуновение освежающего бриза с побережья. Спать не хотелось, любопытство взяло верх над интуицией. Спустя примерно час две девушки в лоскутах из кожи принесли нехитрый ужин — воду в скорлупе кокоса и горсти ягод с орехами в таких же импровизированных пиалах. Голод взял свое, и Савичев с удовольствием проглотил дары леса.

— Ешь, — посоветовал Ведикусу. — Если мы собираемся выбираться отсюда, нам понадобятся силы. Налегай на орехи, белок придает энергию.

— Боги воистину отобрали твой разум речами этих сладкоголосых амазонок. Да, они кормят нас пищей, которая действительно придает силы, но они обратят эту силу против нас уже на закате! Я не пойду на поводу у презренных сук!

— А вот я проголодался, — Савичев зачерпнул горсть ягод из пиалы сокамерника и махнул на него рукой, не встретив сопротивления. — Слабей от голода и оставайся здесь, у меня иные планы.

После трапезы ускользящий сон пришел почти мгновенно. От земли тянуло прохладой, но ждать с моря погоды, изводя себя тревогой неведения, было неблагоприятно. Если ему придется бежать отсюда, нужны силы и отдых — неизвестно, как все повернется.

Когда мужчина открыл глаза, над лесом повисли серые сумерки, в просветах лиственной кроны были видны яркие звезды. Поясницу ломило от замкнутого периметра клетки, тело требовало движения и физической нагрузки, но все, что он мог сделать в столь тесной камере — это сто подходов на пресс и столько же отжиманий. Ведикус потерял к нему интерес, замкнувшись в своей депрессии, а Дмитрий не считал нужным проводить сеансы психоанализа для того, кто сам все уже для себя решил. Когда он закончил упражнения, внезапно обнаружил трех совсем юных зрительниц.

В полумраке рассмотреть было сложно, но он все равно догадался, что трем девчушкам в белоснежных коротких туниках не более 14–15 лет. В отличие от старших соплеменниц, они хихикали, перешептывались и забавно смущались — обычные подростки-нимфетки, которые мало чем отличались от тинэйджеров его мира. Савичев непроизвольно улыбнулся в ответ каждой из них и почувствовал кожей, как малышки вспыхнули от смущения и удовольствия. Но долго играть в переглядывания им не позволили — появились две взрослые оциллы и погнали девочек прочь от высоких деревьев, служивших тем укрытием.

Тем временем на поляне в отдалении началась организованная суэта: зажглись факелы на высоких треножниках, запылал костер, несколько женщин вынесли подобие трона, которое водрузили на небольшой пьедестал из камня и обвили священными цветами империи. Кто-то принес инструменты, похожие издавна на там-тамы, но при ударе ладони они ласкали слух мелодией, похожей на звон хрусталя, а не глухой стук.

Савичев смотрел, как на вертела водрузили туши животных — сложно было разобрать, кого именно, и в воздухе поплыл дразнящий аромат сочного мяса. Девушки заполняли большую поляну, в этот раз их наряды из кожи сменили светлые и красные туники, похожие на ту, в которой пришла старейшина. Волосы атланток украшали цветы, они сбивались в стайки, словно экзотические птички, посмеивались и оживленно щебетали, все чаще бросая долгие взгляды в сторону клетки.

Тревога напомнила о себе ментоловым покалыванием в позвоночнике, Савичев посмотрел на Ведикуса, но спаркалиец безмятежно спал, даже шум не стал ему помехой. Чтобы побороть внезапную паническую атаку, Дмитрий пристально наблюдал за этим царством женственности и силы, не понимая, как эти две сущности могут ужиться вместе. Он даже ощутил прилив сильного желания, когда начал играть в своеобразную игру — мысленно раздевать атлантских прелестниц, подстраивая фантазийные образы под звон там-тамов. Когда их монотонное биение резко оборвалось, и на поляне появилась старейшина лесной общины, сердце пропустило два тревожных удара.

— Вы готовы к обряду, гордые дочери Антала? — спросила женщина. Ей ответил стройный хор голосов. Небольшой отряд из семи женщин поднял с земли белоснежные венки из астропеусов и, как по команде, направился в сторону клетки.

Савичев ощутил, как его кулаки напряглись, дыхание участилось. Он был воином, хищником, который не собирался даром отдавать свою жизнь. В руках у замыкающих процессию амазонок сверкали укороченные мечи, их лезвия бликовали в отсветах пламени костра. Главное — обезоружить этих двоих, при этом избежать удара копий переднего фланга.

Когда женские руки потянули за лианы, поднимая вверх решетчатый заслон клетки,

Дмитрий замер в удобном для прыжка положении, приготовившись дать отпор, но ни одна из женщин не обратила на него внимания. Ведикуса грубо ткнули тупым основанием копья в живот, вырывая из объятий Морфея, кто-то буквально натянул на его бритый череп венки из белых цветов. Еще не пришедший в себя ото сна спаркалиец судорожно забился в руках оцилл, но хрупкие на вид девушки неожиданно ловко скрутили его и выволокли из клетки, закрепив на шее петлю из лиан. Резанул по нервам отчаянный крик воина, но Савичев прекрасно понимал, что сейчас не сможет сделать ничего, особенно после подобной демонстрации силы их очаровательных пленительниц. Ведикуса волокли по земле, удерживая под руки, и когда процессия достигла освещенной поляны, раздался дружный ликующий вопль амазонок, от которого в буквальном смысле слова застыла кровь в жилах.

А дальше Савичеву довелось узреть то, что окончательно развеяло беспечное настроение и радужные иллюзии относительно установления дружеского контакта с матриархальной державой древности. Из-за дальности расположения поляны с точностью все рассмотреть не удалось, обзор то и дело закрывали оциллы, танцующие ритуальные танцы у костра, но волосы в буквальном смысле стали дыбом, когда с его товарища рывком сорвали одежду и в ловко распыли на земле, приковав руки и ноги цепями к выступающим кольшкам. Его крики потонули в возгласах толпы, которая расступилась, пропуская грациозную русоволосую девушку вперед.

Воздев руки к небу, уже знакомая Савичеву красавица скинула белое платье, позволив скользнуть к своим ногам белой кисеей, водрузила на волосы венки из священных цветов и нагнулась над распятым мужчиной, заскользив сверху своим грациозным телом. Толпа разразилась ликующими криками, когда оцилла оседлала его бедра и задвигалась, изгибаясь чувственным телом в быстром, безжалостном темпе, приподнимая ладонями свои налитые груди, иногда оттягивая соски. Блики пламени плясали по покрытому испариной телу Невии, пока она, в буквальном смысле этого слова, насилует несчастного спаркалийца — назвать это просто сексом у Дмитрия сейчас не поворачивался язык. Когда судорога сильного оргазма выгнула ее тело, девушка с гортанным криком разорвала в руках собственный венок, и белые лепестки посыпались на землю и тело Ведикуса символом окончательной победы женского начала.

Пир на этом не закончился. Когда русоволосая встала, вытирая собственные бедра отрезом шелка и как ни в чем ни бывало натянула обратно платье, ее сменила другая девушка. Старейшина восседала на троне, потягивая напиток из большого кубка, и о чем-то говорила со старшими подругами, которые окружили пьедестал, не обращая внимания на вакханалию, которая разгоралась всего в нескольких метрах.

Когда на чресла Ведикуса опустилась уже четвертая амазонка, Савичев отвернулся и закрыл глаза, не желая наблюдать за тем, как его приятеля превращают в животное. Сколько раз он смотрел порнофильмы с подобным сюжетом и, чего уж греха таить, примерял на себя роль порноактера, но в реальности это выглядело иным: жестоким, пугающим, даже омерзительным именно неприкрытым цинизмом и потребительством. Он мало чем мог помочь своему другу, разве что тем, что закрыл глаза, не желая наблюдать за его мучениями.

Но было кое-что еще, что ударило его сильнее перспективы быть следующим, кого подвергнут публичному изнасилованию: перед глазами плясали гибкие обнаженные тела безжалостных красавиц, их запрокинутые в пароксизме первобытной страсти головы с развевающимися волосами, кожа, которая казалась золотой при свете пламени, а в душе, невзирая на шок и осознание ужаса текущего положения, разгорался пожар

неподконтрольного разуму вождления, и у него был лик самых прекрасных и жестокосердных из всех женщин, которых ему доводилось встречать прежде...

Ему удалось забыться подобием чуткого сна только под утро. Ночью ощутимо похолодало, холод пробирал до костей, тело требовало движения и хотя бы минимальной физической нагрузки, но в замкнутом периметре клетки возможность маневрирования была ограничена. К тому же он остерегался делать резкие движения, опасаясь привлечь внимание лесных дикарок.

За свою жизнь ему пришлось повидать многое. Сожженные и разрушенные войной города. Разорванные осколками и изрешеченные пулями тела не только солдат, но и зачастую мирных жителей. Нечеловеческие условия существования населения в засушливых районах Камбоджи и Либерии. Даже их методы допроса захваченных в бою лазутчиков и снайперов были далеки от догм Женевской конвенции. Но то, что он увидел в эту ночь, непостижимым образом потрясло даже выдавшего виды майора спецназа.

Роль женщины как особая роль матери, хранительницы домашнего очага, миротворца и да, он оставался человеком строгих взглядов, услады мужских глаз, прочно угнездилась в его сознании. Он философски относился к тому, что большинство знакомых ему женщин могли бить по болевым точкам и идти к цели со сноровкой бойцов элитного подразделения, даже в Ольге его привлекла независимость и некая необузданность, свойственная большинству работников пера и диктофона.

Впервые он столкнулся с жестокостью в женском обличье, и это было совсем не дракой двух красавиц в одинаковом наряде с царапанием лица и вырыванием волос. Она не проявлялась в привычных формах капания на мозг своему мужчине, хлестких фраз, в которых лидером хит-парада оставалась формулировка, связанная с размерами его достоинства. Это была первобытная сила самых низких и одновременно ведущих инстинктов продолжения рода, и леди Древнего мира не собирались молча ожидать. Они брали все, что хотели исключительно силой, не размениваясь на уговоры или компромиссы.

Крики Ведикуса и амазонок давно утихли, оборвав эту песню праздника плоти и потери личности на самой высокой ноте. Он потерял своего новообретенного товарища из виду, возможно, его просто унесли с поляны (в том, что спаракалиец после подобного надругательства может передвигаться сам, Савичев очень сильно сомневался). Прелестные дикарки несколько успокоились после циничной, убивающей своей жестокостью вакханалии, разбрелись по поляне. Кто-то затянул песню, из которой можно было разобрать отдельные слова и выявить смысл — это было мелодичное пересказывание неизвестной легенды древней цивилизации, гласившей о том, как рожденный Богом Антал восстал против своих богов-соплеменников, устав мириться с несовершенством мира, в котором правили мужчины, потому как это был путь к разрушению и скорой гибели.

Его мудрая сестра Криспида в буквальном смысле слов заставила присмотреться к иной форме правления в смертном земном мире, вдохнув через поцелуй перворожденной матриарх Алексии свою волю, мудрость и жажду действий и перемен. Не прошло и зимы, как на месте старых развалин, уничтоженных вековыми войнами, первая амазонка возвела цветущий город; она не уповала исключительно на свои женские чары и способность достигать компромиссов в переговорах, поэтому особое внимание было уделено тщательной военной подготовке.

Конечно же, при доминировании патриархата на земле мало кто пожелал мириться с

подобным государственным строем, и не исключено, что просто не воспринимал его всерьез. Если бы не покровительство Антала, крупные державы смели бы новоявленную империю с лица земли, но боги сделали ставку на власть прекрасных и мудрых дев, поэтому оберегали от любого посягательства на их свободу, позволяя укрепить империю, расширить ее границы и дать отпор агрессорам. Не прошло и четверти века, как в мире засияла звезда великой и непобедимой Атланты, которой суждено было занять ведущую позицию на политической арене.

Савичев даже пожалел, что нет возможности записать слова песнопения, но постарался в деталях запомнить неизвестную ему прежде легенду. Любознательность и профессионализм ведущего археолога взяли свое, несмотря на шок от произошедшего прямо на его глазах. Если до этой вальпургиевой ночи на поляне он относился ко всему происходящему с выжидательным любопытством, то сейчас старательно бежал от осознания увиденного и пытался отвлечь себя любыми возможными способами. Он не успел привязаться к своему спутнику, первому кого встретил в этом мире и кто стал для него ценным источником информации, даже презрительно посмеивался над его страхами и метаниями — в современном мире такое поведение было бы расценено как халатная трусость. Сейчас же Дмитрий начал понимать, насколько беспечно относился к происходящему, полагая, что попал в научную сказку, в симулятор реальности для предстоящей диссертации, и насколько обоснованной и резонной оказалась паранойя Ведикуса.

А ведь он сам постоянно ловил себя на ощущении чужого взгляда в спину и затылок, прогоняя знакомое чувство — однажды в Камбодже на их спецотряд объявил охоту вражеский снайпер. Тогда они недооценили террористическую группировку, полагая, что их методы ведения боя будут топорными и лишенными изыска. Только шестое чувство и повторяющиеся ощущения, заставили его проверить эту теорию, заняв позицию и пристрелив стрелка — на исходе ночи тот решился закурить, его выдал щелчок зажигалки и слабый запах сигаретного дыма.

Древним амазонкам, Оциллам, как называл их спаркалиец, в искусстве дозора и разведки не было равных. Отсутствие разграничительных знаков и незаметное наблюдение говорило лишь об одном — за ними следили с самого начала и намеренно сопровождали в западню, ничем не выдав своего присутствия. Археолог проклял себя за излишнюю самонадеянность и беспечность. Не нужно было быть оракулом, чтобы догадаться, что его самого ожидает точно такая же участь. Пусть не в эту ночь, но к следующему закату эти горячие самки наверняка восстановят силы и не откажут себе в удовольствии полакомиться второй переменной блюд.

Ночью он провалился в чуткий недолгий сон, но пришлось проснуться практически сразу. Приглушенный женский шепот рядом всколыхнул, предупреждающей об опасности тревогой, реакция воина дала знать о себе сразу — он сжал тонкое женское запястье за миг до того, как пальчики коснулись его лица, и открыл глаза. Блики костров на поляне падали на лицо молодой оциллы с темными волосами и горящими похотливым огнем карими глазами, а от ее решимости и возбуждения, казалось, дрогнули прутья деревянной решетки.

Их было двое. Вторая искательница эротических приключений, совсем юная девчонка с выбритыми висками и искусной вязью татуировки, переходящей на скулы, достала нож, готовая защитить свою подругу, но брюнетка не обратила на нее внимания — ее губы сложились в дьявольскую улыбку при одном-единственном прикосновении мужчины, а

голосовые связки испустили довольный рык хищницы во время весеннего гона.

Она не делала попытки вырвать свою руку из грубого захвата. Савичев слегка свел брови, их взгляды скрестились подобно мечам, высекающим искры — по телу лесной прелестницы пробежала волна вожделения, но ни малейшей покорности или податливости не промелькнуло в миндалевидных глазах. Только непреклонное желание получить все и немедленно, не принимая во внимание согласие или несогласие мужчины, выбранного с целью утоления плотского голода. В современном мире никто и никогда не смотрел подобным образом.

Савичев заставил себя прогнать прочь картину недавней вакханалии и улыбнулся девчонке хищной улыбкой, приглашая к игре. Ноздри прелестницы слегка дрогнули, и страсть в глазах уступила место презрительному возмущению. У нее явно не укладывался в голове тот факт, что мужчина — всего лишь средство для удовлетворения основного инстинкта, лишенный права голоса и вообще каких-либо прав, — осмеливался улыбаться ей, как равной, даже с превосходством уверенности в собственной неотразимости. Но тем не менее оцилла была настолько сильно возбуждена, что едва уловимый аромат ее вожделения передался мужчине, ударив в виски оглушающим набатом, заставив сердце колотиться в быстром темпе, а кровь отхлынуть от мозга, аукнувшись легким головокружением. Член налился силой за считанные секунды, и Дмитрий попал под ошеломительный гипноз колдовских глаз темноволосой красавицы. Ее влажные пухлые губы манили к себе, невзирая на витающие в воздухе флюиды потребительского любопытства — возможно, он настолько привык к вниманию всех без исключения женщин к своей персоне, что сейчас подобная властность и непримиримость дочери Евы разбудила в нем неведомое прежде темное начало. Она не собиралась падать к его ногам, готовая на все за одну только улыбку, нет, — она привыкла брать силой ласку и взаимность, считая ниже своего достоинства опускаться до разговоров или же уговоров, отчего единство опасности и о вожделения насытило кровь мужчины ответным желанием близости.

Забыв напрочь о том, что точно такие же страстные прелестницы не более нескольких часов тому назад сделали на поляне со спаркалийцем, Савичев протянул ладонь, очертив точеный контур лица девушки. Все без исключения, оциллы были прекрасны, как ангелы «Викториас Сикретс», хотя Дмитрий особо не разглядывал каждую из обитательниц этого племени, но уже был готов признать, что, доводись ему вручать пальму первенства ведущей красавице, просто не смог бы этого сделать.

От его прикосновения глаза девушки потемнели, она инстинктивно потерлась щекой о ладонь и тут же, словно проклиная себя за проявленную слабость, вонзила зубки в его большой палец. Прикус не был игривым, но от этой боли волна сладкой дрожи прокатилась по позвоночнику археолога, аукнувшись в эрегированном пенисе сладкой судорогой. Что, во имя всех богов и чертей древности, эта малышка умудрилась с ним сотворить одним своим взглядом и ароматом жаждущей соития самки?

Он уже плохо понимал, что готов позволить ей абсолютно все, продать душу за глубокий поцелуй и хотя бы кратковременную возможность ощутить прикосновение тонких пальчиков и влажных губ к своему члену, гладкость смуглой кожи и обжигающее дыхание вместе со стонами удовольствия. Когда раздался возмущенный окрик и девушка ловко освободила кисть из захвата, он едва не застонал в голос от разочарования.

Две едва различимые в темноте тени отделились от высоких деревьев, сверкнула сталь клинков, и этого оказалось достаточно, чтобы брюнетка потянула за руку свою спутницу, и

они быстро метнулись в сторону поляны, не сказав ни слова и не обернувшись. По всей видимости, охрана периметра не стала приближаться к клетке, растаяла в ночной тьме, словно ее и не было.

С первыми лучами зари четверо изрядно уставших и растрепанных оцилл внесли в клетку Ведикуса с запрокинутой головой — мужчина находился в полубессознательном состоянии — и, излишне не церемонясь, швырнули его на охапку сухой травы. На Савичева ни одна из девчонок не обратила внимания, они захлеб обсуждали подробности своего циничного развлечения со «спаркалийским самцом», от которого можно было только взять максимум и выбросить за ненадобностью. Дмитрий едва удержался, чтобы не высказать им все, что о них думает в презрительно-возмущенной манере, но промолчал, дождался, когда опустится решетка, закрывая камеру их заточения.

Ведикус, застонав, зашевелился в своем спасительном забытии. Его лицо казалось неестественно бледным, несмотря на смуглую кожу, на лбу выступила испарина, одежда превратилась в лохмотья, обнажившая тело с отметинами ногтей и зубов, а также темных пятен засосов по линии рельефного гладиаторского пресса и до самой шеи. Савичев испытал практически настоящую, слепую, убивающую ненависть к этим ангелоподобным тварям, для которых ничего не стоило растоптать и унижить человека, который не причинил им ни малейшего вреда. Он знал из истории, что войны не знают сантиментов, захватчики всегда грабят, убивают и насилуют женщин в захваченном городе, но между Атлантой и Спаркалией царило мирное соглашение, пленник не мог считаться врагом.

Красоту великих и таинственных амазонок с лихвой компенсировала угольная тьма их безжалостных сердец, которые не знали сострадания и милосердия в обращении с попавшими в их руки мужчинами. Он сам недавно восхищался Атлантидой, в которой царил матриархат и мир, но теперь убедился воочию, как выглядело закулисье этой воспетой в рукописях империи, славившейся своей мудростью и миротворческими настроениями.

Ненависть зажглась в его душе ярким огнем, готовая испепелить все на своем пути. За всю свою жизнь он еще ни разу не поднял руку на женщину. Раз в Эль-Пасо во время карательной операции ему пришлось выстрелить прямо в сердце любовницы наркобарона, но тогда у него не оставалось выбора — или убиваешь ты, или убьют тебя. Он мог вырубить ее хуком правой, параллельно ломая запястье с зажатой в руке утонченной женской «береттой», но сама вероятность того, что придется ударить представительницу прекрасного пола, показалась настолько дикой, что проще было выстрелить в упор.

Сейчас же никакого оружия у него в руках не было, но он понял одно: если на закате нового дня с ним решаться повторить точно такое же надругательство, то лично переломает хребет каждой, кто осмелится к нему приблизиться. Он давно не боялся смерти. Научился смотреть ей прямо в глаза и даже улыбаться, дезориентируя своим хладнокровием, заставляя бежать прочь — и она отступала, сдавалась, обещая вернуться, но так и не возвращалась, лишь кружила рядом в бессмысленной попытке выстрелить в незащищенный участок пятки. Ахиллессова пята у него отсутствовала напрочь. Сил было предостаточно, и он был уверен, что сможет лишить жизни самых ярых активисток, не смущаясь того, чтобы пустить в ход кулаки. Эти ошалелые суки с кусками гранита вместо сердец не заслуживали ни малейшей галантности, одержимые дикарки, прикрывающие свою извращенную сущность мифом о принадлежности к избранной расе богинь. Слова воина Спаркалии о том, что их место в цепях у ног мужчин, сейчас казались истиной в последней инстанции. Такие сволочи не заслуживают ничего иного!

Савичев решил сражаться до последнего и ни в коем случае не позволить никому из них прикоснуться к себе. Пусть нож у него отобрали, но он не зря был лучшим бойцом и майором спецназа помимо научной деятельности, убить врага можно любыми подручными средствами, порой даже голыми руками.

Ведикус не желал приходить в себя. Дмитрий смочил ему лоб и виски водой, попытался влить в искусанные губы хотя бы поток воды, но от каждого прикосновения спаркалиец шарахался, словно от удара током. От бессилия Савичев вцепился в прутья клетки, теряя силы в попытке расшатать крепления, но все было тщетно.

— Чтобы вы сдохли, е. ные суки! — процедил он сквозь зубы, когда его товарищ в очередной раз дернулся во сне, заскрежетав зубами. Ненависть к атланткам достигла критической отметки, и Дмитрий, ослепленный этим неизвестным прежде чувством, не сразу заметил старейшину общины в сопровождении двух воительниц, которая с интересом наблюдала за его метаниями, слегка склонив голову. Ее темные глаза были лишены какого-либо сочувствия и переживания, в них по-прежнему светилось циничное любопытство расчетливой и хладнокровной инквизиторши.

— Боюсь, мы вынуждены прервать столь глубокую речь твоей печали, — проворковала она, сделав лениво-скупающий знак своим приспешницам. Перекинув копьа из руки в руку, девушки ловко подняли решетку. — Я пришла просить тебя разделить со мной утреннюю трапезу, которая восполнит твои силы, воин-иноземец. Выходи.

Савичев бросил быстрый взгляд на Ведикуса, который так и не пришел в себя. Красавица-вождь этой полоумной орды нимфоманок не удостоила бессознательную жертву даже взглядом, ее внимательные глаза сейчас скользили по торсу Савичева с равнодушием опытного оценщика. Поколебавшись, Дмитрий выбрался из камеры, почти с удовольствием расправив плечи и потянувшись во весь рост.

Движения разогнали кровь по мышцам, и ему было сейчас наплевать на то, что амазонка раздевает его взглядом с цинизмом работницы, оценивая игру бицепсов и дельтовидных мышц. Оциллы с копьями опустили решетку и заняли позицию за его спиной. Мужчина боковым зрением отметил, что каждая из них крепко сжимает копье и находится в полной боевой готовности. Одно он успеет отобрать, но вторая сука будет начеку, а он уже знал, какой ошибкой была недооценка этих красавиц. Мелодичный голос старейшины только подтвердил эти опасения.

— Глупо столь мудрому воину уповать на то, что он сможет превзойти силой дочерей Криспиды. Копья признают лишь власть женской длани и становятся бесполезными ивовыми прутьями в руках недостойных мужей.

Савичев с изумлением уставился на эту все еще не утратившую красоты женщину, она была прелестна и величественна, не взирая на свой не юный возраст. Сейчас ему показалось, что вождь этого поселения прочла его мысли. Ощущение было таким правдоподобным, что Савичев непроизвольно вздрогнул, когда Ведикус испустил протяжный вопль за его спиной, но так и не пришел в себя. Дмитрий кинулся было обратно к прутьям решетки, но две оциллы остановили его, нацелив древки копьа прямо в шею. Ему не было страшно, возмущение сейчас отключило даже здравый смысл.

— Мой друг умирает. Вели дать ему воды, тупая ты п. да!

Вряд ли атлантка поняла смысл сказанных слов, скорее всего, догадалась по интонации. И на ее губах заиграла жестокая улыбка победительницы, которой удалось лишить мужчину хладнокровия, не повышая голос и не предпринимая никаких действий. Гортанный смех

рыжеволосой охранницы с копьём резанул по нервам лезвием острого меча.

— Вчера лишенный волос самец умирал исключительно от удовольствия, — цинично изрекла она. — За все надо расплачиваться!

— Если Антал решил забрать к себе эту падаль, на то его воля, он оказался слаб, чтобы и дальше получать круговороты жизни в дар! — подхватила вторая. Старейшина прищурилась и внимательно посмотрела на Савичева. Время зависло, пока археолог из последних сил сдерживал себя, чтобы не кинуться на эту хладнокровную матрону и не свернуть ей шею одним движением руки.

— Пришлите целительницу, пусть напоит его отваром трав, которые вернут рассудок! — наконец сказала она, и на ее губах заиграла улыбка, которую можно было назвать дружелюбной, если бы не выражение превосходства и непробиваемости в глазах. — Ну, храбрый воин невиданных земель, теперь ты примешь мое предложение разделить со мной трапезу, как равный?

Словосочетание «как равный» на губах предводительницы этих жестокосердных тварей в женском обличье буквально резанула по сердцу возведенным в квадрат ядовитым цинизмом. Но сейчас он трезво оценивал собственные силы и понимал, что сопротивляться бесполезно — с быстротой реакции у лесных кошек все было в идеальном порядке, он не успеет отнять копыта ни при каком раскладе, к тому же вчерашний инцидент показал, что за ними пристально следят со всех сторон.

Дмитрий неторопливо размял плечи, сцепив руки в замок и сделав несколько наклонов на растяжку, надеясь выбить подобным неповиновением проявление эмоций у старейшины, но эта попытка потерпела фиаско. Цепкий взгляд женщины фиксировал каждое его движение, в глазах была видна напряженная работа мысли, помноженная на самодовольство. Савичев только кивнул в ответ на ее предложение, осматриваясь по сторонам, пока шел за предводительницей дикарок через поляну, на которой вчера подвергли публичному насилию Ведикуса. Желание зажать шею старейшины на излом одним из приемов боевого дзюдо не желало проходить, но он не мог позволить себе подобный аффект, не просчитав последствия наперед и не изучив пути потенциального отступления.

Практически все оциллы были вооружены. Сейчас поселение просыпалось, его обитательницы занимались привычными делами: разжигали костры, свежевали туши убитых животных, сшивали выделанные шкуры или просто переговаривались, но у каждой висел на поясе нож, который, сомневаться не приходилось, они незамедлительно пустят в ход, стоит сделать любое резкое движение. Ни старейшина, ни очаровательный конвой не мешали Савичеву разглядывать лагерь, хотя, он готов был поклясться, прекрасно могли отличить сбор данных от обычного любопытства. Просто были настолько уверены в собственных силах, что позволили пленнику эту маленькую прихоть.

Огромный шатер вождя лесных оцилл располагался на опушке леса. Лазурный цвет империи с падающей тенью от едва движимой ветром листвы высоких деревьев опоясывали золоченые цепи, игра голубого и желтого так некстати напомнила ему о родной Украине, в которую, возможно, он уже никогда не сможет вернуться. Две сопровождающие остались возле шатра, и мозг мужчины вновь начал просчитывать возможные варианты выхода. Если он останется со старейшиной наедине, справиться с ней не составит труда. Стена шатра примыкала к полосе высоких деревьев, уйти можно будет в том направлении, главное, отключить предводительницу драных кошек раньше, чем она поднимет крик и позовет на помощь.

В самом шатре царил приятный полумрак. Когда глаза Савичева привыкли к нему, он удивленно оглядел поистине королевское убранство апартаментов первой леди общины. меховые шкуры на полу шатра, стоящие буквой «С» софы с бархатной обивкой, обилие белоснежных астропеусов в высоких сосудах, резная позолота на стенах, выложенная в причудливый узор. Ноздри сразу уловили запах жареного на костре мяса, и рот непроизвольно наполнился слюной — кроме горсти орехов он ничего не ел за прошедшие сутки.

На ближайшей софе в расслабленной позе полулежала, опершись локтем на подушки, белокурая прелестница, та самая, что вчера открыла унизительную оргию на поляне. Она самозабвенно переплетала в гибкий шнур кожаные ленты и не прекратила своего занятия, лишь бросила недовольный и слегка брезгливый взгляд из-под опущенных ресниц.

Пока старейшина снимала накидку-плащ и вешала его на одну из свисающих с купола шатра декоративных цепей, Савичев опустился на софу, едва сдерживаясь, чтобы не набросится на сочный деликатес, который венчал собой натюрморт на небольшом столике, обтянутом кожей. После жесткого земляного пола клетки поясница с благодарностью отозвалась на мягкость обивки, и поэтому он не сразу заметил возмущенного и яростного взгляда возлежащей напротив девушки.

Лишь уловил краем глаза молниеносное движение и зашипел от обжигающей боли, когда наполовину сплетенный шнур полоснул его по лицу, задев предплечье. Первая реакция была незамедлительной. Он моментально вскочил, намереваясь дать отпор этой дикой кошке, но старейшина общины в мгновение ока оказалась рядом и довольно ощутимо сжала пальцами его бицепс, не давая двинуться с места.

— Невия, будь добра, прояви уважение к моему гостю, — проворковала она, обращаясь к девушке. Молодая оцилла оперлась ладонями о край софы, отбросив в сторону недоплетенный кнут и вытянув длинные ноги.

— Роксана Рассудительная, раб империи лишен права восседать за трапезным кругом, подобно дочерям Криспиды. Его место в ногах, а никак не рядом!

— Ты осмеливаешься предавать сомнению мои решения, дочь? — одной этой фразы оказалось достаточно, чтобы вспыхивающая амазонка отрицательно покачала головой, бросив на Савичева полный презрения взгляд. Но Дмитрию сейчас было все равно, что и кто о нем говорит и думает. Старейшина жестом пригласила его сесть на софу и выжидательно замолчала, пока появившаяся в шатре из-за ширмы совсем еще юная девчонка не разрешила дичь на блюде на кусочки и не наполнила ими пиалы и кубки напитком из серебряной амфоры.

— Утоли свой голод, чужеземец, чтобы мы смогли вести с тобой беседу, — в плане этикета ей не было равных. — Мое имя Роксана, ты можешь называть меня так, пока восседаешь за столом как равный.

Савичев с наслаждением вонзил зубы в ломоть сочного мяса, отметив последние слова старейшины. «Пока». Не нужно было быть оракулом, чтобы понять, что скоро все изменится, ему оказали милость с целью узнать о нем побольше, перед тем, как...

— Черты его лица смущают разум своей резкостью, — заговорила Невия, отхлебнув из высокого кубка, обращаясь к матери. — Вряд ли Справедливая сочтет его достойным кандидатом на ложе из шелка. Что ты думаешь, моя старейшина?

— Его глаза подобны сиянию северных гор, что явно не оставит матриарх равнодушной, — Роксана бросила на него быстрый, лишенный эмоций взгляд оценщика. —

Тело воина и грация пустынного барса не оставят его незамеченным среди столь похожих друг на друга наложников великой Лаэртии. Ты довольно юна и беспечна, чтобы оценить прелесть зрелой мужественности.

Эти две женщины говорили между собой так, словно его не было в этом шатре. Несмотря на их изысканные комплименты своей внешности, Дмитрий испытал негодование. Он что, концепт-кар, выставленный на продажу?

— Он стар для правительницы! — отрезала девушка. — Я бы без лишних раздумий подарила его Лучезарной. Посол воли империи знает толк в неумной дерзости самцов и умеет укрощать подобных одним движением своей ладони!

— Я еще здесь, если что, — не удержался Савичев, забавляясь возмущением на лице молодой оциллы. Роксана повернула к нему голову, на миг вспомнив о своей роли гостеприимной хозяйки. Ее внимательный взгляд, в котором светилась завораживающая мудрость, вновь прошелся по его телу внимательным сканером.

— Дмитрий Чужеземный, отведай хмельной сок нектароносных деревьев, — кивнула головой на наполненный до краев кубок. — Это не столь частое предложение, потому как является данью уважения избранным, которым довелось перешагнуть порог моего шатра.

Она запомнила его имя и, Савичев готов был поклясться, что также уловила каждую деталь его поведения для того, чтобы сделать соответствующие выводы. Имя Лаэртии было ему знакомо. Правительница империи, которой так восхищался и которую одновременно презирал Ведикус. Сейчас он не мог ответить даже сам себе, какие именно эмоции и ожидания вызвало в нем упоминание о королеве, которой, судя по всему, его хотели преподнести в качестве подарка. Как ни странно, это не вызвало в нем бурного протеста, уже в который раз исследователь взял верх над иными сущностями.

Постичь эту таинственную цивилизацию из самого сердца империи, наблюдая воочию то, о чем до этого времени мог только догадываться, сопоставлять и реконструировать из найденных источников древности информацию что могло быть лучше? Ненависть и желание разнести в пух и прах этот лагерь диких нимфоманок постепенно сходили на нет, от открывающихся перспектив по венам побежало приятное тепло. Его последующие научные работы взорвут научный мир, так почему бы не совместить приятное с полезным? Вряд ли матриарх империи окажется столь невежественной дикаркой, как эти лесные кошки.

Если ты вернешься в свой мир, услужливо подсказал внутренний голос. Лучше настройся на то, что ты застрял здесь навсегда, и твоим научным трактатам будет суждено стать разве что приключенческим бестселлером и мемуарами древности. Осознание этого факта прогнало прочь рой бабочек в солнечном сплетении, и Дмитрий сделал глубокий глоток из кубка, с непривычки едва не закашляв от крепости напитка. На языке осталась горечь послевкусия, но в горле разливалось приятное тепло. Древний алкоголь напомнил ему ром, немного отличный от классического.

— Тебе понравилось, чужеземец? — спросила Роксана, и Савичеву вновь показалось, что она его испытывает, в этот раз на предмет пристрастия к алкоголизму. Стремясь ничем не выдать своего смятения от безрадостных мыслей, мужчина вытянул кубок перед собой.

— Интересный вкус, но как по мне ему недостает пряностей, и он бы заиграл на языке по-иному, если обогатить его состав измельченным миндалем.

У Невии отвисла челюсть, а на губах Роксаны заиграла улыбка, похожая на одобрение.

— Я никогда не ошибаюсь в своем выборе, дочь, — персона Дмитрия вновь была забыта. — Сей воин достаточно умен, дабы проявить послушание и завоевать расположение

матриарх, и, помимо всего прочего, он обладает ценными знаниями, которые будут небезынтересны правительнице. Эта одежда особого кроя без внешне заметного шва и уровень живописи, неподвластный нашим мастерам кисти и краски — Лаэртия получит двойное удовольствие от обладания столь интересным самцом.

— Как ты можешь утверждать это, Роксана, если его тело по-прежнему скрывает тонко выделанная шкура, а дерзость раба не знает границ?

— Уйми любопытство, дочь, по завершению трапезы мы сможем убедиться в том, что его тело, даже скрытое одеяниями, принадлежит выносливому и сильному воину. — Старейшина повернулась к Савичеву. — Расскажи о своей земле, чужеземец. Так ли она могущественна и сильна, как Атланта, и долог ли путь в эти земли?

— Долог и, к сожалению, невозможен, — Дмитрий удержался, чтобы не сказать им в ответ что-то ядовитое. — Моя земля лежит вне плоскости времени и пространства, это иной мир, доступ в который имеют исключительно боги и избранные.

Роксана обладала поистине очень сильным интеллектом. Археолог сам не понял, как этой мудрой женщине удалось его разговорить, увлечь беседой. При всем при том, она не выглядела сильно удивленной, мастерски скрывала свои эмоции. Хмельной напиток развязал ему язык, и когда состояние легкого опьянения сошло на нет, Савичев готов был откусить себе язык за излишнюю откровенность. Но Роксана предложила ему искупаться под струями горного водопада, и он вновь попался в эту ловушку.

У водоема его никто не собирался оставлять в одиночестве. Поначалу это обстоятельство вызвало бурю негодования, но искушение смыть усталость и набраться новых сил под потоками холодной воды пересилило.

Савичева не смутила обширная аудитория лесных прелестниц во главе руководящего семейства; спустя несколько минут он ощутил колоссальный прилив энергии, что не могло благосклонно не отразиться на его настроении, несмотря на незавидное положение. Возможно, оно пока не трогало его настолько сильно, потому что не было куда бежать. Не в леса же, чтобы одичать там окончательно без возможности вернуться домой, в самом-то деле!

Во дворце матриарх оставалась шаткая, но возможность выяснить, каким образом он смог переместиться во времени в эту империю; возможно, атланты обладали некой особой технологией, аналогом машины времени. И для того, чтобы проверить эту теорию, необходимо было попасть к их правительнице, пусть даже под видом лишённого права голоса и свободы живого подарка.

Подобная участь казалась не столь отталкивающей, и помимо этого, оберегала его от насилия со стороны жаждущих плоти амазонок — достаточно было уловить взгляд Роксаны, которая осадил двух особо разгоряченных кошек без слов, когда те едва не вцепились в волосы друг дружки за право потерять ему спинку. Несмотря на холод воды,

Савичев получил удовольствие от купания и не спешил выходить на берег, забавляясь вниманием девушек, когда намеренно играл мышцами и принимал позы моделей из журнала. Более юные следили за ним с лихорадочным блеском в глазах, но это восхищение было иным, непривычным: если в его мире женщины были готовы упасть к ногам и согласиться практически на все, здесь каждая вела себя так, будто уже им владеет, и для того, чтобы заявить свое право, не стоит спрашивать разрешения у обладателя желанного тела. Старейшина с дочерью лишь цинично забавлялись его попыткой соблазнить соплеменниц, но внимательные глаза Роксаны отмечали каждую деталь.

Натянув на влажное тело футболку, которая сразу обрисовала кубики пресса, Савичев совершил одну из первых ошибок, полагая, что расположение Роксаны дает ему некоторые привилегии.

— Я не буду препятствовать тебе в твоих планах, предводительница, — отрез полотна впитал влагу от мокрых волос, и Дмитрий опустился на камень, наблюдая за красотой первозданной природы. — Я пойду с тобой, куда скажешь, но у меня есть ряд условий. Первое — ежедневная тренировка выносливости и необходимость свободно перемещаться по селению. Второе — в клетке негде развернуться, что не добавляет никакого комфорта. И отпусти моего друга, он вряд ли представляет какую-либо угрозу в подобном состоянии.

Повисло молчание. Савичев не сразу понял, что притихли все девушки, которые остались у водоема, и на их лице негодование сменялось возмущением и презрением. Роксана выслушала его внимательно, слегка кивая головой, Дмитрий был уже готов торжествовать победу, как вдруг...

Сокрушительный удар кулаком прямо в висок выбил почву у него из-под ног, в глазах потемнело, и он рухнул на колени, ощутив, как по скуле медленно побежала струйка крови, а в ладони впились острые камни горного пляжа. В голове не укладывалось, что столь приветливая женщина может обладать столь сокрушительной силой удара, и мужчина сразу не понял, что именно произошло и кто его ударил.

— Ты забываешься, дерзкий раб! — она не повысила голос, не изменилась даже его интонация, но сквозь шум в ушах Савичев явственно различил нотки скрытой угрозы, которая, не оставалось сомнений, будет легко приведена в исполнение. — Ты позволил себе думать, что мне необходимо твое позволение? Твой разум отравили мысли о том, что ты можешь диктовать мне условия и что-либо требовать? Твое особое положение не дает тебе никаких привилегий!

Несколько пар рук вцепились в его плечи, сдавливая до боли, но он едва заметил это на фоне приступа головокружения. Мудрая Роксана прекрасно знала, куда бить, чтобы отбить способность к сопротивлению. Сейчас тело словно онемело, в голове пульсировала боль. Он знал, что это пройдет совсем скоро, но впервые за все это время раскаялся в собственной беспечности и самонадеянности.

— Твой друг на всю жизнь останется рабом в рудниках империи или в порту, если, конечно, выживет и не тронется рассудком — в ином случае его ждет позорная смерть. То, что я запретила к тебе прикасаться, ничего не значит. Мне ничего не стоит устроить еще один пир для своей общины, только, боюсь, матриарх не примет в дар сломленного слабака!

...Савичев пришел в себя только в клетке — на несколько секунд он все же отключился. Ведикус вернулся в сознание и даже обрел способность говорить, правда, очень сбивчиво. Его раны перевязали, кроме того, оставили бурдюк с настоем из трав.

— Мы выберемся отсюда, — отрезал Савичев на любые расспросы и избитое «а я предупреждал!». — По пути во дворец правительницы охрана будет малочисленна. К тому же, ночь! — об этом он услышал от двух оцилл, когда принимал ледяной душ горного водопада.

— Во дворец? — спаркалиец судорожно дернулся и отполз в угол клетки. — Мы пропали!

— Я бы не стал так паниковать. Мы перебьем их поодиночке. Это будет просто.

— К матриарх? Тебя повезут прямо к ней?

— Судя по всему. — Голова нестерпимо болела, Дмитрий растянулся на сухой траве и

закрыв глаза, чтобы унять эту слепящую пульсацию.

— Молись своим богам, чтобы тебя не возжелала для своих утех Лучезарная.

— А это еще кто?

— Если матриарх Лаэртия — дочь солнца, эта сука — исчадие полуночной тьмы, она питает особую страсть к умудренным жизнью воинам. Тогда тебе точно не жить.

— Думаю, хоть с одной сукой я сумею договориться. Почему мне не жить?

— Слава о ней летит далеко за пределы империи. Если ты попадешь к ней в руки, постарайся жить каждой каплей масла и наслаждаться этим. Ибо это будет последним, что ты испытаешь перед смертью. Все, кто провели с ней ночь, на утро были мертвы...

Лаэртия выгнула спину, занимая более комфортабельное положение на бархатных подушках, и раздраженно стиснула зубы. Непонятно, на кого она больше злилась: на неумелые, похожие на щекотку, поцелуи юного наложника, или на свое неумение абстрагироваться от тяжелых дум тогда, когда это было необходимо. Робкие ласки сына Черных Земель уже четверть часа как должны были вызвать в ее теле отклик, погнать горячую кровь по венам, разбудить внутри первозданную мелодию страсти и вожделения, но вместо этого перед закрытыми глазами матриарх плясали строчки последней ноты протеста Кассиопеи и запугивающие требования Актия. После рождения сына, которого пророчил в правопреемники, царь несколько осмелел, ошибочно оценив политическую симпатию атлантской правительницы как бесхарактерность и слабость.

Нет, матриарх не собиралась опускаться до его варварского уровня и срывать маски дипломатии, она всегда была верна своему имиджу справедливого миротворца, который при необходимости мог вцепиться в глотку противнику и выпить его кровь до последней капли во имя интересов империи. Наказать дерзкого кассиопейца стоило во что бы то ни стало, и сейчас, возлегая на ложе золотых шелков, Лаэртия прокручивала в уме строки карательного указа.

Все просто. Налог на торговые морские пути повышается на четверть декадного объема слез пустыни, и Атланта оставляет за собой право не пояснять своего решения. Впрочем, пускаться в разъяснения прежде тоже не приходилось.

Молодой наложник старался изо всех сил, покрывал медленными, словно заученными поцелуями бархатную кожу ее голеней, постепенно поднимаясь выше; иногда он останавливался, чтобы справиться с волнением, язык заменяли подрагивающие пальцы, которым не хватало уверенного нажима, чтобы превратить робкую щекотку в ласку.

"Из круговорота в круговорот ничего не меняется. Разгону во имя Лакедона этих бездельников прочь!" — подумала матриарх, скосив глаза. Ее взгляд встретился с угольными очами раба для сладострастных утех. Молодой мужчина задрожал от ничем не прикрытого страха, и правительница великой империи уже в который раз испытала столь знакомое чувство сожаления и презрения одновременно.

— Отправляйся прочь. Достаточно.

Реакция не попавших в список фаворитов отличалась завидным разнообразием. Некоторые не испытывали никаких эмоций по этому поводу, вернее, изо всех сил пытались это продемонстрировать, и им удавалось; были те, с кого моментально слетала раблепная покорность, а из уст вырывались оскорбительные слова. С такими впоследствии расправлялись жестоко, зрители личного полиандрия матриарх никогда не славилась слабхарактерностью или милосердием. Больше всего Лаэртию раздражали те, кто начинал причитать и плакать, умолять предоставить второй шанс или же трястись от страха за собственное будущее. Похоже, сегодня ее досуг пытался скрасить как раз представитель последней категории.

Матриарх давно приелись их кукольно-чеканные женоподобные лица, одинаковый рельеф слаборазвитых мышц, которые были призваны услаждать эстетический вкус, а уж никак не придавать силу и выносливость, и тонкая душевная организация, которая превращала их в плакс. Было трудно поверить, что эти наложники когда-то были иными,

свободными и дерзкими.

К сожалению, все они попадали на ложе матриарх сломленными и запуганными, движимыми лишь одной целью — поразить госпожу своим мастерством в сфере любовных утех и возвысится над остальными. Особо отличившимся даровали свободу и щедрое вознаграждение, и среди обитателей гарема ходила практически религиозная легенда о том, что можно стать вольным спутником прекрасной Лаэртии, которая будет относиться к избраннику, как к равному, и подарит ему дочерей.

Вторая легенда запугивала вероятностью оказаться худшим, и в лучшем случае быть сосланным в шахты, а в худшем — попасть в руки Латимы Лучезарной, чей поцелуй несет в себе смерть.

Лаэртия презрительно улыбнулась. Это дрожащее племя запуганных самцов не догадывалось, что Латима не посмотрит в их сторону даже в том случае, если настанет конец времен и они останутся последними мужчинами на земле. В этом они с подругой были похожи: обе питали слабость к сильным мужчинам, тем самым, которых в гареме не оставалось по определению.

После Ария матриарх тщетно искала в каждом из новых кандидатов черты погибшего спутника жизни. Послы, правители, союзники и свободнорожденные вельможи сходили с ума при виде прекрасной королевы и даже сочетали в себе некоторые черты характера Ария, но никто из них не был готов мириться с превосходством женщины. Вступать в изматывающую конфронтацию Лаэртия не собиралась, прошли те времена, когда она находила в этом интерес.

...Плечи юного наложника поникли, когда он замер в дверях, но матриарх уже утратила к нему интерес и стерла из памяти угольно-черный умоляющий взгляд. Если спустя декаду он вновь окажется на ее ложе, Лаэр даже не вспомнит, что это второй раз. Все они практически на одно лицо, умоляющий взгляд и с одинаковым набором заученных ласк без проявления какой-либо фантазии. Молодой мужчина шагнул за дверь, так и не удостоившись взгляда правительницы, а Лаэр вышла на обширную лоджию своих покоев. Порыв ветра принес залиvistый смех малышки Ксении и стук деревянных мечей — как раз настало время тренировки принцессы с наставником. Губы матриарх тронула теплая улыбка, но тут же она вспомнила о том, что придется провести с дочерью беседу. Верховная наставница не справлялась, а маленькая Ксена шести зим от роду не поддавалась воспитанию, забавно смущалась перед мужчинами-тренерами и часто сбегала играть с детьми дворцовой челяди, среди которых не было девочек ее возраста, да и юных придворных дочерей Атланты принцесса не жаловала, проявляя практически недетскую агрессию в отношении них. Малышка взяла изысканные черты обоих родителей: светлые глаза и золотые волосы Ария и светлую кожу, а также припухлые губы матери вместе с кошачьим разрезом глаз. Уже сейчас было понятно, что она станет ошеломительной красавицей, по-иному быть и не могло — их раса всегда была самой прекрасной на земле.

Хранительница покоев замерла за спиной матриарх, отвесив перед этим ритуальный поклон. Лаэртия сразу ощутила ее присутствие, но позволила себе вдоволь насладиться далеким горизонтом и безбрежной гладью спокойного моря с лазурными парусами на рейде под палящим солнцем.

— Прибыла Атлантида Мудрейшая, моя правительница.

— Мама? — Лаэртия произвольно пригладила шелковые рукава изумительного платья цвета грозового неба и бросила внимательный взгляд в сферу отражающего полотна.

Как и стоило ожидать, подобие ласк от перепуганного наложника никак не отразилось на ее внешности. — Где она?

— В саду, моя матриарх.

— Принеси мою диадему и распорядись подать охлаждающий эликсир.

В свои сорок пять зим экс-матриарх Атлантида сохранила кожу и походку юной девушки, полную грации и изящества. Последние зимы ее правления выдались нелегкими, в зеленых глазах таял след еще не до конца сошедшей усталости, но эта тень сразу исчезла под натиском одобрения и гордости, стоило Лаэртии спуститься по сходням и направиться к матери. Молодая матриарх плыла по мощеной аллее дворца, улыбка не тронула ее губы, на чеканном лице не проявилось ни единой эмоции, а работающие в саду мужчины поспешили слиться с деревьями или убраться прочь от ее глаз. Лишь когда она поравнялась с крытой лазурным шелком беседкой, уста атлантской правительницы дрогнули в легкой улыбке, в которой мало кто мог распознать почтение и нежность.

— Мама! — никогда Лаэр еще не удавалось сохранять невозмутимый вид более десяти тени капель Теплые объятия ознаменовали их встречу, и лишь тогда матриарх присела рядом с матерью. Стол был сервирован прохладными напитками и легкими закусками, Атлантида сражалась со временем за свое выносливое стройное тело и не позволяла себе излишеств в еде.

— Моя дочь чем-то огорчена? — обеспокоенно спросила бывшая матриарх, пригубив хмельной виноградный нектар из золоченого кубка. — Тяжелые думы оставили отпечаток на твоём челе, и точно так же томится сердце.

— Тоска за Латиму снедает меня изо дня в день, как и опасение, в силу врожденной подлости Аттикуса Фланигуса и его империи самцов, возомнивших себя богами, — Лаэртия не стала говорить о том, что ее сердце истекает кровью, не в силах забыть Ария. Но Атлантида и без того все поняла.

— Воин Белых Снегов, павший смертью храбрых на поле брани презренного Черноземелья, так и не отпустил твой разум. Его голос и осязание в твоей крови и поныне, дочь. От этого ты бежишь в дела империи, подчас забывая про покой и сон, а также не можешь обрести даже временного покоя в руках обитателей своего райского сада.

На последних словах в глазах Атлантиды промелькнул азартный огонек, который не остался незамеченным для ее дочери.

— Выбери себе, кого пожелаешь, при отъезде, мама.

— Абсолютно любого?

— Абсолютно. Для меня десятки их лиц слиты в бесформенный образ.

— Так не может дальше продолжаться, Лаэр, — покачала головой Атлантида. — Твоя душа и тело жаждут чувственного возрождения, но ты намеренно хоронишь себя живьем вслед за Арием. В твоих глазах тень надежды на его возвращение, но нет его больше в мире живых. Ты сама запретила себе познать подобное вновь и так отчаянно от этого бежишь, что делаешь хуже только себе!

— Мой разум не отравлен иллюзиями того, что однажды подобный Арию муж вновь появится на моем жизненном пути и заберет мое сердце, отдав взамен свое. Антал редко ниспосылает подобную благодать дважды, тебе ли об этом не знать, мама. Лишь одному Хроносу ведомо, когда сия печаль покинет сердце.

Их разговор прервало появление дворцовой стражницы, известившей о прибытии Неви из общины Лесных Оцил. Лаэртия испытала легкий укол беспокойства, подумав о племени

арденов, которые испокон века досаждали свободолюбивым охотницам. Нелегко ей было признать бессмысленность мирных переговоров. Если ситуация не изменится в ближайшую зиму, придется навсегда изгнать арденскую орду с территории, подконтрольной Атланте, пока же она просто наблюдала за необъявленной войной племен, поддерживая во всем оцилл и снабжая их оружием для защиты. Матриарх велела провести молодую оциллу в зал для гостей, но вмешалась Атлантида.

— Невия? Дочь Роксаны? Мне не терпится ее увидеть, помню те времена, когда ее детские ручки не зная усталости сжимали меч, а отваге могла позавидовать самая выносливая из моих Пантер. Если ты не против, я жажду пригласить ее за наш стол и вести беседу, не откладывая на потом.

Лаэртия пожала плечами. Скорее всего ничего иного, кроме просьб снабдить стрелами дальнего полета и краткого описания вероятных столкновений она сегодня не услышит. Чем же, интересно, занята сама Роксана?

Юная лесная хищница выглядела взволнованной, но это могло ничего не значить: в присутствии Лаэртии она всегда робела и теряла свою высокомерную спесь. Матриарх едва кивнула на ритуальный поклон оциллы, тогда как Атлантида встретила девушку с распростертыми объятиями.

— Невия Отважная, дай же рассмотреть тебя, дитя!

Лаэр поморщилась и сделала медленный глоток из своего кубка. Она редко позволяла матери тискать себя подобным образом, словно эта нежность могла сойти за слабость, и только философски усмехнулась на стремление бывшей матриарх подарить свою ласку кому-то еще. Ей была практически неведома ревность, но сейчас вторжение Невии неумолимо воровало капли меры масла, которые можно было потратить с толком.

— Что привело тебя ко мне, дочь Роксаны? Отвечай.

Девушка от волнения снова поклонилась, на ее щеках заиграл едва заметный румянец. Любимица Атлантиды и Латимы не вызывала в душе Лаэртии никаких теплых чувств, как по ней, юной прелестнице стоило учиться управлению собственным норовом и не кидаться в бой с горячей головой, а также уделять меньше времени безумным оргиям, которые возродились в общине, стоило дочери старейшины достигнуть совершеннолетия.

— Особый дар, о моя матриарх, изысканный в своей уникальности. Матушка желает удостовериться, что вы примите его на исходе второго круговорота от сегодняшней даты.

— Жизнь диких созданий священной лесной чащи прервана полетами стрел, или чудо свершилось, послав нам рождение слез далекой пустыни? — поэтично съязвила Лаэртия. — Тигр окраса чернее ночной тьмы или перья невиданной огненной птицы?

— Хронос пророчил тебе доселе известие с юга? — лукаво осведомилась Атлантида.

— Дар небес, редкий союз единения Бога времен и Антала, почитаемого великой империей! — ответила Лаэртия, недоумевая, почему продолжает смущенно краснеть эта обычно дерзкая и непокорная Невия. Лишь на миг ее глаза вспыхнули преддверием чего-то грандиозного, но тут же затрепетали длинные ресницы, скрывая этот блеск.

— Дар лесных духов привел в наши земли двух чужаков, — Невия еще не понимала, что пытаться повторить витиеватую манеру речи матриарх удастся мало кому и не осознавала, насколько смешно выглядит использование метафор в собственной речи. — Сын презренной Спаркалии и благородный, но дерзкий воин далекой земли, неведанной нам прежде; его клинок словно выточен из камня легчайшей породы и слит воедино со сталью острия. Их искусные художники обладают печатью богов и способностью останавливать время на своих

полотнах. Колесницы его империи способны летать по небу и бить врага смертельным огнем, а их духовые трубки могут поражать осколками металла на дальних расстояниях и управляются перстами...

Вот здесь маска непримиримой матриарх наконец-то слетела с Лаэртии — молодая женщина запрокинула голову и расхохоталась, не в силах наблюдать серьезное сосредоточенное личико Невии и сопоставлять его с окоlesiцей, которая вырывалась из припухлых уст девушки.

— В его ладони горит и гаснет пламя, а его земли превосходят великую империю своей мощью! — успокоившись и смахнув слезы смеха, предположила матриарх.

— О да, моя правительница! — оживилась Невия, — возгорается от касания рычага и так же гаснет, но не обжигает жаром огня, лишь дарит свет, подобный Фебусу, но в разы ярче! Особые стекла имеют способность искажать мир, увеличивая его либо уменьшая в разы! Его одеяние неотлично от кроны листвы, что делает сего самца незаметным для врага, а такому искусному незаметному шву не обучен никто из твоих портных...

— Сядь, дитя, ты утомлена, ведь твой путь был не близок, — махнула рукой Лаэртия. — Отведай нектара и плодов цитрина, чтобы они уняли твою разгоряченную фантазию, и попробуй рассказать мне еще раз.

— Я... я могу показать, матриарх! — пальцы девушки потянулись к лентам лифа, но взгляд королевы не позволил ей бездумно обнажить грудь, и оцилла потеряла несколько масляных капель, вытаскивая из декольте небольшой прямоугольный клочок белоснежного папируса. Атлантида склонила голову набок, скрывая любопытство, а матриарх приняла из рук Невии то, что приняла за письмо, предвкушая новое веселье, и перевернула обратной стороной.

Ощущение было странным. Холод легкого испуга пробежал по позвоночнику невозмутимой правительницы, ударил рикошетом чувства нереальности происходящего в солнечное сплетение вместе с приступом легкого головокружения.

На этом рисунке, выполненном не иначе как кистью и стилосами самого Антала, замерло время, но главным было даже не это. Взгляд мужчины на глянцевоm, словно покрытым тонким слоем прозрачной слюды папирусе прожег ее насквозь. Матриарх недоуменно моргнула — на миг ей действительно показалось, что изображение движется, рисунок ожил, а мужчина с довольной улыбкой в странном одеянии, в котором, права была Невия, его невозможно было бы заметить в густых зарослях, слегка склонил голову и разглядывал матриарх с рисунка без тени опаски или смущения.

Такую прическу — коротко стриженные волосы — носили воины Кассиопей, но подобного одеяния и непонятного предмета в бугрившихся рельефными мускулами руках мужчины ей не приходилось видеть прежде. Да и сыны зарвавшейся империи выглядели иначе: в глазах изображенного на рисунке самца угадывался недюжинный разум, отчего сам взгляд показался знакомым: так смотрели ученые мужи ее тайной комнаты, которые работали над уникальным оружием, использующим энергию солнца и слез пустыни.

Но никто из них не имел столь великолепного тела легионера, готового броситься в бой при малейшей опасности. Лаэртия отметила про себя, что не смогла бы предсказать исход поединка с подобным противником, хотя обычно сомнения ее не одолевали. О том, что это не Кассиопей, говорили также не виданные прежде заросли высоких деревьев.

Когда взгляд нарисованного мужчины на миг выпустил ее из своих тисков, матриарх облизнула губы и почувствовала, как забилося сердце, разгоняя по венам подзабытое

волнение. Полуденный зной, не замеченный прежде, опалил кожу жарким дыханием, теплая волна окатила с ног до головы, разливаясь, насыщая кровь азартом и легким возбуждением. Возможно именно отрицая в себе подобные чувства, Лаэртия акцентировала внимание на двух колесницах за спиной мужчины. Одна была похожа на огромную стрекозу с четырьмя перекрещенными крыльями, а вторая... матриарх никогда еще не видела прежде ничего подобного. Слишком велика и закрыта для обычной конной колесницы, подобие осей колес перетянута по кругу широкой лентой. Обе "колесницы" были разрисованы подобно кронам деревьев в лесу с просветами, оттого не сразу бросались в глаза.

Матриарх еще не успела совладать с собой, как Невия протянула ей две круглые стеклянные полусферы, что-то лепеча при этом про "увеличение и уменьшение реальности". Линзы были знакомы Лаэртии, их использовали мудрецы в ее лаборатории, но такой глянцевой обтекаемой огранки достигали довольно редко.

— Астрономия? — все еще стараясь скрыть волнение, задумчиво произнесла матриарх. Впрочем, этому не приходилось удивляться в силу увиденного на рисунке размаха неизвестных технологий. Тот же час приятное предвкушение, смешанное с азартом, вытеснила иная эмоция. Да если неизвестная империя чужеземца решит объявить войну Атланте... Справедливая поджала губы. Скорее всего, их шансы на победу будут сведены к нулю.

— Он был один?

— Не принимая во внимание спаркалийца, да, — одобрительный взгляд Атлантиды придал Невии сил. Лаэр не сводила взгляда с девушки и лишь нервно повела плечом, услышав потрясенный вздох матери, которая сейчас разглядывала странный папирус.

— Вы его допросили? Ты уверена? Чем он был вооружен, помимо ножа?

— При нем нашли только это, а еще вот эти непонятные тающие стеклышки в папирусе, похожем на гибкий металл Фебуса — на вкус они как самая сильная мята из всех. Моя старейшина передаст все это тебе, матриарх, если ты примешь сей дар.

— Империя сего мужчины достигла мира и взаимопонимания с Хроносом, — заметила Атлантида, прерывая зависшее молчание. — Настолько, что он подарил им возможность останавливать время руками творца-художника.

— Любимица Хроноса одна, и это я! — возмущенно запротестовала матриарх. Вероятность того, что к кому-то Бог времени был настолько благосклонен, что подарил опережающее эпохи вооружение и уникальные технологии, вызвала в ней неподконтрольный разуму протест.

— Никто не спорит, Лаэр. — Мудрейшая повертела рисунок из стороны в сторону, и ее губы изогнула лукавая улыбка. — У него во взгляде воля, решимость и негибкость Ария. Но трудно утверждать наверняка, пока мы любуемся всего лишь искусным изображением.

— Ты, возможно, любишь скорую смерть империи! — не сдержалась Лаэртия. — Невия, сделайте так, чтобы этот самец уснул бесконечным сном и уничтожьте любые следы его пребывания в вашей общине. Нельзя допустить, чтобы держава, превосходящая Атланту в десятки, а то и сотни раз, узнала о том, как стереть нас с лица земли!

— Лаэр, — вмешалась Атлантида, — Ты поступаешь неразумно. Какой резон убивать того, кто может поделиться ценными сведениями? Возможно, внести весомый вклад в нашу науку? Может, для начала следует узнать, что ему известно?

— Если Хронос наградил эту империю подобными дарами, остерегаюсь, что у них есть неведомые нам доселе технологии. Что, если его вождям уже известно о том, насколько

военная мощь Атланты проигрывает... как ты сказала, Невия?

— Имя его земель созвучно со словами "у края", но мне сложно было выговорить, очень непривычное название.

— Никогда не слышала ни о чем подобном. Наверняка, к нам волею богов занесло чужака с Закеонарума, тех земель, до которых нет судоходного и пешего пути. Что, если эта "УОКраина" подбирается к нашим землям? Если они настолько сильны, боюсь, Атланту не спасет даже военный союз с Кассиопеей и Спаркалией. Даже если их намерения не столь агрессивны, что им мешает передать высшие знания тому же Фланигусу?

— Ничего. Но в твоих силах сделать все, чтобы получить их самой, разве нет? — Атлантида пристально посмотрела на дочь. — Не спеши убивать чужеземца. Возьми самые ценные сведения, для тебя ведь никогда это не составляло труда, и уже потом решишь, что с ним делать, — хитрая улыбка изогнула губы экс-императрицы на последних словах, и эта усмешка не осталась незамеченной для Лаэр.

— Довольно наивно, мама, судить о ком бы то ни было по изображению, ведь мастера кисти, как известно, грешат преувеличением достоинств. Ты помнишь подарок Актия, который изобразил меня, выходящую из пламени?

— И ты в погоне за остроумием изрекла, что сие изображение может оказаться пророческим, и позволила слухам о собственном тайном оружии просочиться за стены империи. Но чтобы добыть сведения о неизвестной нам державе, тебе стоит переговорить с чужаком с глазу на глаз. Заодно и удостовериться, есть ли истиной его сходство с Арием.

— Не смей сравнивать моего спутника жизни и этого самодовольного пришельца. Мне нет никакого плотского интереса к подобному, как и желания вести с ним сладостные беседы. Дыба и площадь Правосудия разговоят его быстрее!

— Что и требовалось доказать, — улыбка Атлантиды стала шире. — Невия, передай горячо уважаемой мною Роксане, что матриарх с благодарностью примет этот дар. И не забудь о тех предметах, что нашли при нем.

— Матриарх я, — Лаэртия произнесла это скорее для проформы. От матери трудно было что-либо скрыть. Незнакомец вызвал в ней интерес, но молодая женщина была слишком умна, чтобы полагаться на изображения. К тому же возможность узнать как можно больше о тайной империи была довольно соблазнительна. Лишь когда Невия отправилась в обратный путь, Лаэр осмелилась высказать матери свое возмущение.

— Никогда не смей сравнивать никого из подобных самцов с Арием. Он был единственным, другого не будет!..

— Как знать, дочь, — хитрая улыбка не покинула губ Атлантиды. — Просто осмелюсь предположить, что вовсе не о военной мощи для империи ты просила, когда посетила храм благосклонного Хроноса...

— У тебя не будет второй попытки!

Ведикус колебался, а Савичев был готов прибить на месте своего бестолкового приятеля. Всю ночь, скрипя зубами от сдавливающей боли в висках, он делал все возможное, чтобы вытащить спаркалийского воина из апатии, приводя самые различные доводы, в деталях описывая его незавидное будущее в горных шахтах Атланты и даже пугая именем Лучезарной. Пришлось надавать приятелю оглушительных затрещин и прессануть реверсивной психологией, описывая в деталях, как на радостях иные воины будут благодарить богов за его исчезновение, которое позволит им занять место предводителя

легиона. Не сразу, но сработало. Задолго до рассвета Ведикус растолкал спящего Дмитрия и проявил прямо таки потрясающую решительность, расспрашивая о деталях плана побега.

— Сбежит только один, — предупредил Савичев. — Поскольку мне необходимо попасть в храм Хроноса, которому под силу перенести меня домой, я поеду в столицу империи. К тому же, у тебя гораздо больше шансов сбежать, потому что я не принадлежу этому миру и буду слишком заметен. Подумай сам, их отряд будет малочисленен, а в путь отправится ночью, чтобы поспеть к открытию врат столицы. Тьма на твоей стороне, как только сможешь вырубить надзирательниц, беги что есть мочи и не оглядывайся. Вряд ли, выбирая между нами двумя, они решатся всей ордой преследовать тебя. Принеси своему императору ценные сведения о разладе между племенами и обо всем, что успел заметить, ведь ты воин и прежде всего должен думать об интересах Спаркалии!

— Что, если на время пути они закуют нас в цепи? Тогда твой план обречен на провал!

— Я сегодня днем собираюсь сделать все, чтобы этого не допустить, но ты уж, будь добр, мне подыграть. Как бы не хотелось вцепиться этим драным кошкам в глотку, не смотри им в глаза и не возражай ни в чем. Они должны думать, что сломили твой дух окончательно. Старейшина умна, тебе не удастся ее обмануть, поэтому постарайся убедить в этом всех остальных. Военная хитрость.

— Дранные кошки? Хорошее определение для этих тварей.

Эпитет Савичева развеселил Ведикуса и придал недостающего азарта. Они говорили шепотом, подозревая, что за ними наблюдают, иногда даже горестно причитали в пустоту, оплакивая загубленную свободу, а Дмитрий продемонстрировал приятелю несколько точечных ударов по болевым точкам и даже позволил испытать эту технику на себе, рискуя скончаться от удушья, если у прилежного ученика вдруг дрогнет рука. Но Ведикус, хвала его пантеону спаркалийских богов, вспомнил о том, что прирожденный воин, и жестокий шок от унижительного изнасилования на поляне сменил потрясающий боевой азарт. Археолог даже начал опасаться, что флюиды душевного подъема этого доисторического скинхэда перебудят всю общину, поэтому велел ложиться спать, чтобы набраться сил перед побегом.

Ведикус прекрасно вжился в уготовленную ему роль. Когда две оциллы с отмороженными лицами поутру принесли узникам скудный завтрак — орехи, воду и ломоть черствой лепешки — спаркалиец умудрился выдавить из себя слезы и даже кинуться на колени, просовывая руки сквозь прутья решетки и умоляя дочерей Криспиды не губить его такую недолгую жизнь в шахтах империи. Девушки презрительно хохотали и отпускали унижительные комментарии, на миг Савичеву даже показалось, что его друг действительно сломался; сам он подыграл ему, забившись в угол клетки и закрыв лицо руками, в большей степени для того, чтобы скрыть улыбку. Когда оциллы удалились, Ведикус прекратил кататься по полу и, кивнув Савичеву, набросился на скудную еду. Дмитрий отдал ему часть своей порции орехов — для побега понадобятся силы. А спустя час за ним явилась непревзойденная вождь Роксана.

Ведикус и тут оказался на высоте, смиренно склонил голову и занял коленопреклоненную позу, подергивая плечами. Роксана улыбнулась, словно ничего другого и не ожидала, перевела взгляд на Дмитрия, который, вспомнив об уготовленной самому себе роли, поспешно встал на колени рядом с приятелем, якобы нерешительно кивнув в знак приветствия.

— Неужели мой удар оказался столь силен для тебя, чужеземец? — старейшина пребывала в прекрасном настроении, в немалой степени этому поспособствовало слишком

правдоподобное смирение обоих пленников. Савичев трижды обманывал даже детектор лжи, поэтому у мудрой женщины сейчас не возникло особых сомнений в его покорности. Две сопровождающие девушки принесли также одежду — подобие домотканой туники с плетеным поясом.

— Твое одеяние приведут в надлежащий вид и вернут тебе после полудня — пояснила вождь. — Перед глазами матриарх ты предстанешь в убранстве своих земель.

Грубый холст туники был чем-то похож на вышиванку, но Савичев не стал ломать легенду о собственном послушании лишними разговорами. Переоделся под пристальным женским взглядом, стараясь якобы непроизвольно напрягать мышцы.

"Если бы не Хронос и не поиск дороги домой, я бы тебя порвал в пути, надменная сука", — ситуация не могла его не бесить своей неоднозначностью. Случись это все в его мире, он бы моментально подставил под удар вождя и ее озабоченную дочурку. Лишенные предводителя оциллы, просто не сообразили бы, что именно делать, в этом он был уверен, как и в том, что вряд ли отказал бы себе в удовольствии отыметь этих заложниц в отместку за приятеля. Это его несколько удивило, никогда доселе в горячих точках не возникало желания проявить жестокость к семьям врага — ни у него, ни у его братьев по оружию.

Главное — попасть домой, напомнил себе Савичев, не стоит позволять ненависти одержать верх над разумом.

— Ты решил умерить свою гордыню? — спросила Роксана ближе к вечеру, пригласив его за свой стол отведать изысканных яств. Дмитрий старался играть свою роль как можно правдоподобнее, избегал взгляда старейшины и не раскрывал рот без приказа.

— Да, великий вождь. Сама мысль о том, что в скором времени мне предстоит узреть прекраснейшую из правительниц этого мира, наполняет мое сердце трепетом и смирением. — Он испытывал лишь легкое любопытство, записав непревзойденную матриарх в список своих врагов. — Это великая честь для недостойных... самцов.

— Недостойный муж не удостоился бы чести предстать перед очами Лаэртии, как и восседать за моим столом подобно равному, — Роксана пригубила из кубка. — В великой империи тем, кто наделен острым разумом, всегда сопутствует почет и слава. Если матриарх сочтет тебя достойным, ты избежишь участи раба и получишь свободу передвижения. Стрелы Криспиды давно минуют ее сердце после гибели спутника жизни, но если тебе удастся пробудить в ней желание, перспективы будут самыми заманчивыми. Вольный спутник делит власть с матриарх и становится равным, отмеченным печатью Антала.

Савичев придал своему лицу выражение щенячьего восторга, но сами его мысли сейчас были не столь восторженными. "Чпокну императрицу и свалю домой. Надо обучить ее фразе "даст ист фантастиш" и другим премудростям немецкого кинематографа, просо ради прикола. Если брать от этой ситуации, то по максимуму". Вот в чем, а в собственной неотразимости он никогда не сомневался.

— Вижу, ты осознал, что тебе предстоит и как следует себя вести, — обмануть неглупую старейшину оказалось просто. — Не хотелось бы заковывать тебя в цепи, потому как при дорожной тряске наручи изотрут кожу в кровь. Лучше тебе не играть со мной, чужеземец, потому как если матриарх узрит тебя избитого — а в случае твоего неподчинения никто с тобой не станет церемониться — ты отправишься прямиком в шахту или на рабовладельческий рынок.

— Я готов тебе поклясться своими богами, — закивал Савичев.

— На собственной крови?

— Конечно, ведь капля моей крови делает уговор нерушимым. Иначе гнев богов обрушится на мою родню до десятого колена. — Главное, верить в ту чушь, которую несешь. Он даже не поморщился, когда старейшина полоснула его ножом по предплечью и, не позволив опомниться, втерла в свежие надрезы порошок, похожий на уголь. Савичев ненавидел татуировки, но стойко стерпел эту манипуляцию. Геройствовать без возможности вернуться в свой мир пока не имело особого смысла. Лучше ударить на поражение на прощание, когда временной портал будет найден.

— И ты не будешь просить за своего друга? — осторожно прощупала почву старейшина.

— Он слабоумен, — пожал плечами археолог, — к тому же сломлен окончательно. Меня терзают сомнения, был ли он воином, этот самец дрожит от собственной тени.

Его игра сработала. Во время последней трапезы в общине оцилл он буквально утопил Роксану в покорном почтении, с молчаливого позволения попросил дать ему ценные советы, как вести себя во дворце матриарх и запомнил базовые правила этикета. Дмитрия немного удивил тот факт, что Роксана собралась сопровождать его в пути вместе с (какое облегчение) всего шестью оциллами, но мужчина ничем этого не выдал, включив маску щенячьего восторга и пояснив, что безумно счастлив продолжать вести беседы с подобной женщиной, наградив ее эпитетами, которых прежде удостоивалась только Лаэртия.

Позже вернули его одежду — выстиранную и высушенную на солнце, больше всего лесных дикарок заинтересовали плавки, которые они даже не сразу хотели ему возвращать. Тупая орда, думал Савичев, продолжая улыбаться Роксане, которая больше не считала нужным скрывать своего расположения к чужаку.

Они тронулись в путь около полуночи. Ведикус продолжал изображать полубморочную сомнамбулу, и вскоре зоркие оциллы ослабили свое пристальное внимание. Старейшина ехала верхом на вороной кобыле в сопровождении двух оцилл, еще две управляли повозкой, а третья пара осталась присматривать за узниками. Процессия еще не выехала с территории обширных лесов, и когда повозка замедлила ход на каменистой дороге, Ведикус, притворившийся спящим, перехватил взгляд Савичева, а тот едва заметно скосил глаза в сторону, подавая условный знак. Тотчас же спаркалиец застонал, якобы во сне, и по его телу пошла волна крупной дрожи. Оциллы лишь на миг прервали свою беседу, презрительно усмехнувшись, тогда как Дмитрий подошел к приятелю, тряхнув его за плечи.

— Эй, что с тобой? Во имя Лакедона, ублюдок, ты перебиваешь мне сон! — сжал пальцы на шее и шепнул прямо на ухо: — Ты понимаешь, что второй попытки у тебя не будет?

Удар Ведикуса оказался сокрушительным. Кровь брызнула из рассеченной губы Савичева на деревянный настил повозки, и он вскочил на ноги, поворачиваясь к оциллам, которых происходящее только забавляло:

— Во имя ваших богов, этот слабак лишился рассудка! Я не собираюсь явиться перед очами матриарх с разбитым лицом!..

Упоминание правительницы подействовало. Одна из девушек подошла к спаркалийцу, занеся кулак для удара, другая бесцеремонно сжала подбородок Савичева пальцами, поднеся факел настолько близко, что едва не опалила ему брови и внимательно осмотрела место удара. Глухой писк подруги за спиной привлек ее внимание, но девушка не успела обернуться, когда вскочивший на ноги Ведикус, пнув под ребра поверженную оциллу, которая пыталась вдохнуть, сжимая шею руками, ткнул горящим факелом прямо в спину стоящей к нему спиной воительницы.

Лесная охотница закричала и упала на колени. Черный плащ, накинутый на ее плечи, воспламенился мгновенно, Дмитрий едва успел перехватить факел из ее рук. Треск ветвей, которые служили навесом для повозки, известил о то, что Ведикус выбрался. Вышвырнув источник огня в рваный проем вслед за Ведикусом, Савичев сдернул с соломенного ложа плотное тканное покрывало и поспешно накрыл им девушку. Огонь уже перекинулся на ее густые волосы, запахло жженым пером, а крики оциллы резанули по сердцу жалостливыми нотками. Играть с огнем изначально никто не планировал, спаркалиец просто сориентировался на месте.

— Черт тебя побери, перестань! — почти ласково велел Дмитрий девушке, которая каталась по повозке, пытаясь сбросить его руки. — Дура, получишь ожоги! Замри!

Пламя удалось сбить довольно быстро, надзирательница стонала от болевого шока, царапая ногтями днище повозки. Хрипы второй девушки привлекли внимание Савичевы, почти в темноте он кинулся к ней, отыскав на ощупь болевую точку возле сонной артерии и резко надавив на нее пальцем. Он даже не осознал, что повозка остановилась и не обратил ни малейшего внимания на Роксану с ножом, пока оцилла в его руках не сделала несколько судорожных вдохов и не обрела способность говорить.

— Спаркалийский раб бежал! — прохрипела она. Савичев непроизвольно попятился вглубь повозки. Меньше часу назад он веселил старейшину пошлыми анекдотами и даже пил местный коньяк из одной с ней фляги, а сейчас в глазах вооруженной женщины была такая сильная ненависть, что он усомнился, оставят ли его в живых.

— Что с ней? — Роксана указала на сжавшуюся на полу повозки оциллу.

— Презренный раб ударил воина неведомых земель и забрал мое дыхание одним касанием, а Сатинею просто сжег огнем... — пролепетала еще не пришедшая в себя девушка. Когда Роксана шагнула к Савичеву, он миролюбиво поднял руки вверх.

— Я не собираюсь бежать, я дал тебе клятву на крови. Не мне держать ответ за человека, лишённого рассудка!

— Преследовать? — в проеме плетеных прутьев показалась фигура боевой оциллы в кожаных доспехах. — Кальвия прочесала окрестности, но в этой чаще идет ответвление троп, а тучи скрыли Фебус, тьма может попутать знаки.

— Сейчас это лишено смысла. — Роксана грубо надавила на рассеченную губу Дмитрия. — По прибытию в Атланту мы пустим по его следу Пантер матриарх, в столице его схватят сразу. Он или сгинет в лесах, или вновь попадет в наши руки!

Миниатюрная охотница, которую вырубил Ведикус, пришла в себя и подползла к подруге, осматривая ее ожоги. Старейшина устало покачала головой.

— Хорошая стратегия, Димитрий. Признаться, я тебя недооценила.

— Ваше презрение к мужчинам подчас затмевает разум, и вы не видите дальше собственного носа, — необходимость играть в игры отпала. — Ты же была слишком надменна, чтобы заключить со мной сделку и позволить моему другу уйти, смотри, к чему это привело. Одна обожжена, другая бы отправилась к вашим богам, не поспей я вовремя. Я дал слово, что не буду противиться, но спаркалиец такого слова не давал.

— Ты так же умен, как и глуп, воин Украины. — Произнесение названия родной страны из уст древней дикарки казалось нереальным. — Твой друг не подверг бы себя риску ради тебя. Ты зря полагаешь, что работа в шахтах более ужасна, чем твоя участь.

— Я как-нибудь это переживу.

Роксана поднялась на ноги. Несколько мгновений она молчала, затем покачала головой.

— Остерегайся играть в подобные игры с Лаэртией, отчаянный храбрец, иначе ты будешь молить своих богов о смерти, как об избавлении, — тихо произнесла она, и Савичев с удивлением различил в ее голосе ноты практически дружелюбного сопереживания...

Грациозное животное цвета нектара черных зерен с молоком медленно подкралось к воде, настороженно оглядываясь назад, опасливо повело овальными ушками. Лишь убедившись в том, что никто ему не угрожает, опустило вытянутую мордочку, зачерпывая воду языком, дергая коротким хвостом.

Латима скосила глаза на Аларикса, замершего в седле, и пожалела о том, что не взяла с собой арбалет. Спаркалийские карелы пришлись ей по вкусу во время ежекруговоротных пиров. Аларикс перехватил ее оценивающий взгляд, и в его светлых глазах сосредоточенный лед сменился всполохом агрессивного пламени. От одного только взгляда Латима едва ли не теряла голову, но сейчас ничем не выдала своего смятения и возбуждения, которое в последнее время покидало ее очень редко. Время ее дипломатической миссии подходило к концу. Если поначалу Лучезарная жаждала как можно скорее уладить все острые углы касательно будущей торговли и консолидации в случае военной угрозы, чтобы вернуться в родной с детства лабиринт каменных улиц и акведуков, в роскошь дворцовых зал, к зеленым равнинам и густым лесам Атланты, то сейчас боялась признаться себе, что мысль о скором возвращении вызывает щемящую тоску.

Криспида наказала свою дочь даром высокого чувства к тому, с кем ей никогда не достигнуть абсолютного взаимопонимания. Дети разных миров, таких различных культур и жизненных укладов. Он продолжал видеть в женщине игрушку для чувственных усад, презрительно игнорируя даже военные достижения и навыки. Латима почти признала в нем равного себе. Воспитанная в матриархальной империи, жестокая и безжалостная, она готова была протянуть ему руку равноправия. Увы, Фланигусу этого было недостаточно. Он привык всегда и все получать сполна, не зная полумер. Любить — исключительно по своим правилам. Обладать — в самом прямом смысле этого слова. Наверное, любая бы другая на ее месте бежала бы сломя голову от подобного мужчины. Но Латима с детства не знала понятия «страх», его заменили осторожность и уверенность в собственных силах.

Скосив глаза, гордая амазонка наблюдала, как Аларикс, словно гибкий тигр, крадущийся к своей добыче, бесшумно выскользнул из седла, не сводя взгляда с безмятежного карела у водопоя. На миг замерло все вокруг, доли упавших капель — затем птицы возобновили свое пение, ветер пробежался невесомым поглаживанием по зарослям осоки, вызвав легкую зыбь на поверхности пруда. Латима злорадно улыбнулась. Вряд ли Алариксу удастся подкрасться к добыче незамеченным, скорее всего, он спугнет ее где-то на середине своего пути. Это она, безжалостная Лучезарная, обладала умением двигаться подобно бесшумной тени, Ночь, ветер и звуки природы были ее союзниками. Однажды она и четыре Пантеры под покровом ночи проникли в лагерь Черных работорговцев, превосходивших их численностью в десяток раз, и вырезали всех до единого. Презренные шакалы не успели даже проснуться и поднять шум. Какая ирония — у мертвого предводителя тогда обнаружился кошель спаркалийских монет. Эта патриархальная империя не жалела сокровищ, чтобы заполучить в свои руки нестигаемых атлантских красавиц лишь с одной-единственной целью — получить удовольствие от процесса приручения амазонок. Ее

религия утверждала, что спаркалийцы и атлантки возродились из одной ветви жизни. Жестокая ирония судьбы развела их по разные стороны баррикад.

Вопреки ожиданиям Латимы, Аларикс вовсе не крался и не прятался. Уверенно расправив широкие плечи, он шагнул навстречу насторожившемуся животному. Девушка не сводила глаз с его высокой фигуры истинного воина, позволяя искрящимся змейкам предвкушения опутывать ее тело невидимой сетью, такой сладкой и плотной, что она беспрепятственно проникала под кожу, ускоряя бег сердца и заволакивая глаза красноватой пеленой. На спине императора остались следы ее ногтей, самая искренняя и неоспоримая метка, печать страсти, которая давно вышла за рамки обычного плотского вожделения. Желание вновь обвить руками эту спину, ощутить тяжесть бугрящихся мускулов, жар смуглой кожи и биение сильного, выносливого сердца становилось нестерпимым, Латима непроизвольно напрягла мышцы бедер, прикусив запульсировавшие губы. Это было безумием — так желать того, с кем у нее никогда не будет совместного будущего, кто не станет мириться с ее свободолюбивой сущностью и сделает все, чтобы сломить, опустить к своим ногам, отобрать свободу, которой она, Латима, наслаждалась с рождения, до последней капли. Непомерно высокая цена за возможность любить и быть любимой подобным мужчиной... таять от страсти в его объятиях каждую ночь и однажды потерять себя насовсем. Сердце пропустило болезненный укол острой тоски и сожаления. Криспида, ты была пьяна после хмельных возлияний в высоте лазурных небес, если твои стрелы сбились с траектории и пронзили два таких непохожих сердца!

Карел вскинул голову, когда перед ним появился Аларикс, готовый обратиться в бегство, но мужчина медленно поднял руки ладонями кверху, захватив взгляд дезориентированного животного в тиски своих светлых глаз. Лесная лань оцепенела, пропустив судорожную конвульсию по всему телу, но не тронулась с места, застывшая, придавленная железной волей самого сильного хищника на земле.

Брови Латимы непроизвольно поднялись вверх, когда мужчина, что-то прошептав, протянул ладонь, опуская ее на холку дезориентированной добычи. И зачарованное властью млекопитающее не отшатнулось и не дрогнуло, глядя в глаза своего охотника и палача, но созерцая в нем друга в этот момент. Губы Аларикса шевелились, Латима не могла разобрать слов на таком расстоянии, и карел словно внимал этим словам, позволяя себя гладить, теряя остатки воли и осторожности.

Лучезарная прекрасно понимала, что сейчас должно произойти, и впервые в жизни испытала сочувствие к животному. Да, тому самому, чьим мясом так любила лакомиться на пирах, а еще больше — охотится на них, попадая в глаз с дальнего расстояния. Вздрогнула и непроизвольно зажмурилась, когда ласковые руки Фланигуса сжались на шее безропотной добычи. Карел вскинулся, пытаясь вырваться из хватки голых рук мужчины, который сейчас продолжал ласково улыбаться, но Аларикс одним движением, которое со стороны показалось легким и невесомым, свернул его гибкую шею. Животное вздрогнуло и затихло, не издав ни звука, упав к ногам охотника.

Латима наблюдала за столь привычным для нее ранее исходом беззащитной лани, не понимая, почему сердце зашло более ускоренным ритмом, а горло сжимает удушающей пленкой, словно это ее шеи сейчас коснулись ласковые руки императора Спаркалии.

Аларикс запрокинул голову, разминая шею, и встретил взгляд Латимы. Девушка только чудом успела взять себя в руки. В его глазах сейчас можно было прочитать его мысли открытым текстом.

Я победил. Никто не ускользнет из моих рук. И ты сама не станешь первой, кто этого избежит...

Она так и не поняла, что же это было. Игра расшалившегося воображения? Последствия кратковременного шока — только что наблюдала, словно замороженная, молчаливый диалог человека и животного, и этот чарующий восторг был так грубо прерван одним движением сильных рук столь желанного мужчины... Или же ментальный отголосок, предупреждение, попытка вернуть с небес на землю этой демонстрацией абсолютной силы? Тогда почему она не испытала страха и желания немедленно ускакать прочь с этого места, подальше от Фланигуса, велеть поднимать паруса на корабле и немедленно отплыть в Атланту? Нет, когда Аларикс направился к ней нарочито медленной поступью хищника, ее сердце сжалось совсем от иных эмоций. По телу пробежал сладкий ток вожделения, губы приоткрылись, готовые встретить его поцелуй. Она сама себя готова была возненавидеть за подобную слабость, особенно когда по лицу императора Спаркалии пробежала тень самодовольства и уверенности в собственных силах.

Дочь Атланты находилась на его территории. Одна в логове тигра, которому ничего не стоило расправиться с ее немногочисленной свитой и с ней самой. Даже меч в богато инкрустированных ножнах и ряд кинжалов на поясе поверх бедер Аларикса кричали о превосходстве мужчины, особенно на контрасте с тем, что сама Латима была безоружна.

Хотя это было не совсем так. Подвязанный кожаной лентой к ее бедру кинжал мог быть пущен в ход в любой момент, но мужчина пока об этом не догадывался. Смотрел на прекрасную гостью матриархальной державы, как на законную добычу, уверенный в том, что она об этом никогда не догадается, с удовольствием пил с ее лица спектр отразившихся эмоций и перебивал в прекрасном расположении духа. Даже то обстоятельство, что он заметил ее возбуждение и восхищение, но не сделал попытки накрыть жаждущие уста женщины поцелуем или прижать к себе, сейчас некоторым образом возвысило его над ней еще сильнее. Запрыгнул в седло, оставив тающий отпечаток своего тяжелого взгляда на рубиновых губах Лучезарной, натянул поводья, вынуждая следовать за ним. Латима бросила вопросительный взгляд в сторону убитого карела, но Аларикс небрежно повел плечом.

— С нами сопровождение. Осторожность нельзя исключать. Они сделают все, что необходимо, чтобы на закате солнца это блюдо стало достойным украшением пира.

Латима невольно прищипорила лошадь, когда император поскакал вперед, стараясь уровнять положение. Но это уже не представлялось возможным, как она не пыталась уверить себя в обратном. Галантность и тактичность не были сильной стороной Аларикса, скрывать эмоции все двадцать три меры масла в солнечном круговороте он не мог. Гордая амазонка ощущала каждым нервом, как тает его терпение уговорить ее остаться с ним рядом, как всепоглощающая страсть, нашедшая отклик в его ледяном прежде сердце, обрастает панцирем бескомпромиссной жестокости и решимости. Увы, она была слишком бесстрашна и отважна, чтобы воспринимать это как должное и обходить острые углы. В политике в этом умении ей не было равных, но на поле боя Криспиды она столкнулась с подобным впервые. Иные правила, иные чувства, и разум, как и полагается при отравлении стрелами Богини любви, перестал играть решающую роль.

Галоп по бескрайней равнине и протоптанным тропам леса немного успокоил бешено колотящееся сердце Латимы, сгладил тревожные удары шестого чувства. Но все равно она не могла до конца избавиться от этого настойчивого шепота интуиции.

— О чем ты думаешь, Великолепная?

Аларикс всегда негласно протестовал против действительности, награждая ее красноречивыми именами. Иногда это были искренние восторженные эпитеты, как сейчас, выдающие его не лишенную романтики натуру. Когда страсть пела свою арию, он не был столь поэтически возвышен в собственных высказываниях. «Сука», «рабыня», «сладострастная блудница» — эти слова могли показаться оскорбительными, но вместо этого прожигали кровь пламенем бесконтрольного вожделения, поднимая выше и выше, к кромке небес под пологом мерцающих звезд. Ночь становилась их союзником и благосклонно представляла свои черные объятия.

Они как раз спешили на небольшой поляне перед обрывом. Лесной ручей с шумом сбрасывал свои воды вниз, проделав русло в скальной породе, впадал в стремительную реку на дне обрыва, обретая силу в превосходящей численности. От красоты первозданной природы тревога улеглась, и Латима лукаво улыбнулась императору, непроизвольно облизав губы кончиком языка.

— О том, что ты поистине великий воин, и боги наградили тебя щедро, подарив силу и разум в равных долях. Только отмеченный печатью богов может беспрепятственно говорить с животным и очаровать его настолько, что оно добровольно шагнет в силки ловца, не ведая страха и осторожности. О том, что даже запреты высших сил тебе не преграда, тернист и нелегок твой путь, но ты не собьешься со следа. — Она сама не поняла, что перешла на язык родной поэзии, подобно матриарх, и в ее словах не было ни капли фальши, только искреннее восхищение. Впрочем, она никогда не отрицала своих чувств к этому человеку. Мысль о скором расставании больно уколола в сердце, и Лучезарная поспешила скрыть грусть за теплой улыбкой. Увы, теплота в ее понимании означала лишь то, что сейчас улыбка не напоминала оскал пантеры, но и дружелюбия в ней не было; Аларикс напрягся в седле. Его светлые глаза заволокла тьма, потому как от этой улыбки своей гостью он и потерял голову впервые.

— Зверь, даже силой своей превзошедший поставленных воинов, не в состоянии биться на смерть с человеком спаркалийской крови; и лишь безумец поднимет свой меч, обрекая себя на гибель перед лицом неумолимого рока! — Потаенный смысл был в его словах, слишком очевидный, чтобы надеяться на то, что ей все это показалось, и интуиция запуталась в золотых сетях любви. Нет, Латима по-прежнему не боялась и даже не сомневалась, что пустит свой нож в ход, если Аларикс нарушит негласно установленные между ними границы в исконной манере спаркалийских варваров. Криспида наказала ее за хладнокровие и жестокость, но Антал был милосерден, сохранив рассудок в полном здравии.

— Я бы дорого отдала за подобное умение; зверь бежит от сильнейшего, но мудрым исконно всегда покорятся стихии, что говорить о лишенных разума тварях?

Латима балансировала на острие ножа, но даже собственные слова волновали кровь неведомым ранее эротизмом. К тому же это был завуалированный призыв подтолкнуть императора Спаркалии к ответу на вопрос, который так и остался невысказанным. И Фланигус попался в расставленную ловушку, а возможно, просто проявил великодушие и сделал вид, что не заметил лукавого управления атланти.

— Останься со мной, и тебе откроются тайны мироздания, о которых ты не знала доселе. Будь подле меня императрицей, желанной наложницей и верным другом, и я подарю тебе власть править моей державой. Останься императрицей в Спаркалии, а не яркой, но все же тенью матриарх Справедливой в Атланте, и я подарю тебе весь мир!

Молодая женщина внутренне содрогнулась от запредельной горячности и отчаяния в

словах этого жестокого, сильного, властного и теперь любимого мужчины. Его глаза потемнели от нахлынувших чувств, грудь вздымалась от тяжелого взволнованного дыхания; наверное, впервые за все время, прошедшее с тех пор, как они обрели друг друга, Аларикс не искал красивых слов и эпитетов, резал правдой прямо в глаза... и, похоже, не рассматривал варианта, что ему могут отказать, ни в каком проявлении.

— Ты сам знаешь, что это невозможно. Боги подарили нам круговороты, наполненные страстью и наслаждением, но с самого начала предупредили о том, что это не продлится дольше, чем необходимо.

— Боги не вправе диктовать свои условия двум любящим сердцам! — Фланигус потерял самообладание. — Только мы пишем собственные судьбы и вольны делать выбор. Твоя Криспида сделала достаточно, чтобы мы обрели друг друга, но она не вправе ставить рамки своей дочери, которую сама отравила стрелой высокого чувства!

— Воля Криспиды не довлеет надо мной, Аларикс. Есть долг гораздо важнее, чем песни плоти и огонь в сердце!

— Справедливая! — в голосе мужчины проскользнуло презрение. — Самовлюбленная матриарх, которой вас приучали молиться с младых зим! Слава о ее любви к ныне павшему воину летит дальними просторами. Не ей, познавшей любовь, запрещать тебе следовать зову своего сердца, Латимея!

— Это не мое имя, — ласково напомнила Латима. — И будь добр проявить почтение к моей королеве, как это сделала она, отправив в столь дальний путь морем не раболепную прислужницу, а ближайшую подругу и советницу. Ты пишешь неразрывную нить наших судеб, забыв принять во внимание мое решение и мнение. И как посол державы, чей уклад в корне отличен от вашего, я могу тебя понять, но наступить себе же на горло — никогда!

— Останься. — Глаза воина потемнели, и тревога в сердце девушки усилилась. Она непроизвольно напрягла мышцы ног, чтобы ощутить прикосновение нагретого теплом ее тела кинжала к обнаженной плоти. Даже отравленная чувством, неподконтрольным разуму, она знала, что за свою жизнь и свободу будет стоять не на жизнь, а на смерть до последнего. И в то же время, как посол мира она понимала, насколько глупым и неправильным будет позволить своим эмоциям одержать верх над ситуацией.

— Я не могу, Аларикс. И ты не последуешь за мной в мой мир, даже если я протяну тебе ладонь и назову вольным спутником с равными правами...

— Я никогда не стану добровольно рабом презренной...

— Ты сам ответил на свой вопрос, император. Я, в свою очередь, никогда не стану твоей рабыней. Я не стану жить в империи, даже если буду делить с тобой трон, лишь потому, что женщина для вас значит не более, чем трепетная лань, которую ты не столь давно прикончил собственными руками!

Тьма в глазах Фланигуса, достигшая своего абсолюта, медленно сходила на нет. И это насторожило амазонку еще сильнее, чем осязаемый узел чужой одержимости на грани потери рассудка. Человек, который может совладать с собой в самый решительный момент, но в то же время никогда не откажется от своей цели, априори опаснее разъяренного зверя, в котором кричат исключительно инстинкты. Нет, он не отказался от намеченного им для них двоих плана, она не сомневалась. Но все равно испытала облегчение с примесью удовольствия, когда император жестокой Спаркалии приложил ладонь к сердцу, поклонившись ей, как королеве.

— Прости меня, Воспламеняющая Страсть. Стрелы Богини любви рвут мое сердце на

части, но счастье во мне, истекать этой кровью во имя тебя!

Лучезарная встретила его взгляд, вновь обретший прозрачность горных озер и холод льда земель Белого Безмолвия. Тревога так и не унялась. «Велю Пантерам быть наготове, а корабельной команде — держать паруса поднятыми и отплыть по первому велению», — подумала она, втайне надеясь, что ее улыбка Фланигусу выглядит безмятежной и естественной.

— Но солнце клонится к закату. Не пора ли нам возвращаться?

Долгий взгляд — Латима ласково улыбалась, не позволяя своему спутнику ни на миг допустить мысли о том, что почти разгадала его намерения. Впрочем, Алариксу самому не терпелось вернуться во дворец, вернее, в собственные покои после пира с драгоценной гостьей на руках. Это желание очень хорошо читалось на его волевом, мужественном лице. Улыбка молодой женщины обрела оттенки скрытого вызова, и, не дожидаясь, она поскакала прочь с поляны, оставив таким образом последнее слово за собой.

Огромный диск пурпурного солнца уже погружался в лазурные воды океана, когда они въехали в столицу. Латима так и не смогла привыкнуть за это время к тому, что на улице по-прежнему нельзя было встретить ни одной женщины. Горожане, приветствующие Аларикса, награждали ее взглядами — кто-то полными вожделения, кто-то презрения и даже ненависти, кто-то просто откровенно шокированными. То, что женщина может ехать в седле подле императора как равная и не прятать глаза, было за пределами понимания жителей страны, в которой испокон веков царил культ мужчины.

Когда Лучезарная перешагнула порог собственных покоев, у нее было единственное желание: отмыться от этих липких взглядов самцов недалекого ума. Но она лишь убедилась в том, что все ее оружие лежит нетронутым и никто к нему не прикасался в ее отсутствие, велела молчаливой и забитой прислужнице готовить ванну, после чего отправилась в гостевые покои своих Пантер.

Девушки личной армии и охраны посла Атланты совсем не изнывали от скуки в ее отсутствие. Она нашла их в дворцовых садах у огромного водоема. Сейчас все три красавицы с наслаждением плескались в озере, сбросив одежду и не замечая широко раскрытых глаз дворцовых стражей. Красивых атланток издали можно было принять за наложниц императора, невзирая на следы от ранений на гибких телах.

При появлении своей госпожи они прекратили свои праздные удовольствия и выбрались на берег. Конечно же, им предоставили национальные платья Спаркалии, и Латиму укололо в который раз за день нехорошее предчувствие. Она никогда не задумывалась, насколько сильно подобные одеяния сигнализируют о незащищенности и желании возрадовать мужской взор. Оглянувшись по сторонам и убедившись, что дворцовая стража потеряла интерес к девушкам в одежде, Латима заговорила — быстро, четко, стараясь вложить в свой голос как можно больше серьезности.

— Боги дали мне знак о возможной грядущей опасности, гордые девы. Остерегаюсь, не далек тот миг, когда нам придется отплывать из Спаркалии ранее намеченного срока; Виталия, верный друг, отправляйся в порт под предлогом, что забыла на корабле одеяние для сегодняшнего пира и вели команде быть наготове... пусть зарядят стенобитные орудия и держат лук у сердца. Скорее всего, нам не позволят покинуть эту гостеприимную страну в назначенный срок...

Пантеры не задавали излишних вопросов, как, впрочем, и не осуждали поведение Лучезарной. Они и сами с удовольствием позволяли спаркалийским воинам по ночам

улаживать себя, зная, что те будут молчать под угрозой позора, если кто узнает, с какой страстью те одаривали амазонок «лаской рабов». Мимо них прошел дворцовый страж, внешне невозмутимый, но тело выдало его — он непроизвольно вытянул шею, чтобы расслышать, о чем шепчутся гости империи. Виталия бросила на него соблазнительный взгляд из-под длинных ресниц и непроизвольно провела ладонью по холмику высокой груди, отчего мужчина споткнулся на ровном месте и едва не упал. Стоило ему, воодушевленному вниманием атлантки, отвернуться, в глазах Пантеры промелькнула нескрываемая ненависть, помноженная на безгливость.

До начала пира Латима с трудом справлялась с нахлынувшей тревогой, и лишь увидев Виталию в одеянии родной империи, успокоилась. Этим платьем Пантера дала знак, что ей удалось беспрепятственно вернуться на корабль и предупредить команду. Тревога схлынула, но на ее место пришла щемящая тоска. О, как Латима Лучезарная хотела ошибиться в своих выводах относительно Аларикса Фланигуса! Как ни старалась она прогнать этот крик шестого чувства, он был предельно настойчив. Несмотря ни на что, гордая красавица облачилась в платье, черное великолепие лассирийского шелка с россыпью пластин солнечного металла по вырезу и подолу, застегнула на шее кольцо, которое представляло собой несколько маленьких кинжалов и могло при необходимости превратиться в оружие, позволила прислужнице уложить свои великолепные темные волосы в высокую прическу — Аларикс понятия не имел, что высоко собранные волосы позволяли вести бой без помех, и гордо появилась в пиршественной зале, занимая место рядом с императором. Когда Аларикс протянул ей наполненный кубок, девушка с очаровательной улыбкой покачала головой и разжала его пальцы на ножке кубка:

— Не гневись, правитель! Я всего лишь хочу разделить с тобой момент твоего величия и нашей дружбы! — Фланигус не стал возражать, скорее, выглядел польщенным. Значит, вино не отравлено настоящим опия или каплей страсти. Латима наблюдала за танцами девушек, поединком воинов на мечах до первой крови, фокусами факира, который, казалось, подчинил себе пламя, и продолжала бросать на Аларикса нежные взгляды, чтобы он не догадался о ее тревоге и принятых мерах. Далеко за полночь они удалились в покои, оставив народ пировать до рассвета.

Сотни свечей мерцали в полумраке залы, как и прежде, отбрасывая причудливые тени на стены и потолок; Латима позволила себе унять тревогу, когда сильные пальцы Аларикса медленно, лаская, возбуждая желание, развязывали пояс ее платья, скользили по гладкой коже, разжигая очаги неистовых костров на месте прикосновений. Пальцы сменялись губами мужчины, которые сегодня не знали усталости и пощады, стремились зацеловать каждую клеточку ее тела, оставив метки-следы на ее груди, плоском животе, икрах и внутренней стороне бедер.

В эту ночь он даже не стал скрывать своего восхищения и не боялся, в буквальном смысле, молиться ей на коленях, слизывая с распахнутых створок врат Криспиды сладкий сок ее желания, проникая языком в плотно сжатые створки, доводя до неистовства, лаская, поглощая владея, удерживая ее желание на кончиках своих пальцев, губ, языка, окаменевшего фаллоса. Он любил ее в эту ночь с таким жаром, словно этот раз был и вправду последний. Латима старалась не замечать, как сжимается ее сердце от ощущения грядущей потери. Желание правило бал, и осознание того, что этот мужчина уже приговорил ее на смерть или неволю, вопреки всему усиливало страсть во множество раз.

Не сейчас. Еще не сейчас. До воплощения приговора в действие у них оставалась ночь, и

Лучезарная не хотела терять столь сладкие моменты их последнего соития. Маски слетели окончательно, и она смогла раскрыться в своей новой роли покорной наложницы, позволяя губам, пальцам и члену императора Спаркалии терзать ее плоть, не зная усталости.

Она отдавалась ему неистово, жарко, без остатка, понимая, что это в последний раз, чувствуя кожей приближающуюся пропасть. Выгибалась на его великолепном теле, задыхаясь от кратковременного счастья, ласкала языком напряженный фаллос, забыв напрочь, что дарить подобные ласки могут лишь рабыни для утех, втягивая его в свой рот на полную длину, чтобы навсегда запомнить вкус мужчины, которого ей столь недолго довелось любить.

На исходе ночи у Латимы болело все тело и даже те мышцы, о которых она раньше не имела представления. До рассвета еще оставалось не менее меры масла, когда Аларикс уснул безмятежным сном подле нее. Прележав некоторое время без сна, Латима все же задремала, потеряв связь с действительностью. Когда она открыла глаза, постель императора пустовала. Молодая женщина наполнила кубок вином, поморщилась от приятной саднящей боли между бедер. Отсутствие Аларикса ее не удивило: очень часто он просыпался еще затемно, чтобы уделить время государственным делам — пик его работоспособности и энергии всегда приходился на раннее время начала круговорота, в немалой степени этому способствовала жаркая ночь, полная сладострастных утех. Но в глубине души Лучезарная недоумевала. Она ожидала нападения в разгар их единения, во сне, но не сейчас.

На всякий случай затворив двери изнутри, атлантка положила свое ожерелье на шелк покрывала. В покоях Аларикса не было оружия, и это сейчас остро подчеркнуло уязвимость. Но ничего не менялось, за окном начало сереть, большинство свечей догорели и оплыли. Жаркая ночь, полная страсти, напомнила о себе усталостью, и осторожная амазонка все-таки погрузилась в состояние между сном и явью.

Не прошло и пятнадцати масляных капель, как воительница резко села на постели, рванув в сторону ожерелье за миг до того, как почувствовала опасность. Темная фигура, замотанная в плащ и маску из черной ткани метнулась к ее ложу, воздев кверху ладонь с кинжалом. Маленькие ножи-бусины рассыпались в руках девушки, миг, и нападающий захрипел, роняя кинжал и оседая на пол, так и не поняв, откуда пришла его смерть. Латима не раздумывала ни минуты. Стянула шелк покрывала, когда на нее кинулась вторая фигура, кинула ему в лицо, продолжая удерживать в руках.

Смачно выругавшись, мужчина рухнул, запутавшись в фалдах шелка, но тут же распорол ткань тонким мечом, намереваясь кинуться в атаку снова. Латиме хватило этих секунд, чтобы найти на ощупь в сером полумраке кинжал убитого и в прыжке опуститься на грудь напавшего, чтобы вонзить его в сердце по самую рукоять.

— Смерть Фланигусу, отцеубийце! — прокричал неизвестный.

На последних аккордах его крик перешел в сдавленный хрип, изо рта потекла тонкая струйка крови. Он дернулся и затих, оставив Латиму в состоянии легкого шока с окровавленным кинжалом в руках.

— Аларикс... — прошептала она, уверенная, что верно истолковала слова погибшего. Сдернула маску с бездыханного тела и поняла, что еще не встречала этого мужчину в дворцовых коридорах. Нападение? Два наемных убийцы, один для Фланигуса... другой для нее?

Вся кровь ударила ей в виски. Во дворце царила неестественная тишина, и Латима поспешно натянула платье, разжала пальцы, сжимающие меч. При мысли, что начался

дворцовый переворот и Аларикс в опасности, ее прошиб холодный пот. Не отдавая себе отчета, сжимая рукоять меча, Лучезарная распахнула двери, следуя в тронный зал. Замерла в дверях, обескураженная отсутствием охраны, ворвалась в комнату, готовая изрубить насмерть любого, кто на нее нападет... и замерла на пороге, не в силах поверить увиденному. Аларикс вальяжно развалился на троне, потягивая вино из богато инкрустированного кубка. Четыре ночные тени, в черном с головы до ног, как по команде обнажили мечи, поворачиваясь в сторону растерявшейся воительницы.

Аларикс смерил девушку долгим взглядом. В его глазах не таял лед, а губы сейчас были насмешливо сжаты.

— Даже смерть бежит от тебя, Латимея, — с неуместной грустью протянул он. — Придется, стало быть, попрощаться с твоей свободой...

В тот день, когда Дмитрий Савичев впервые увидел Лаэртию Справедливую, он не мог сказать сам себе, какие именно эмоции в нем вызвала эта надменная девчонка, которая из всех сил пыталась казаться взрослой и, надо признать, в этом преуспела. Красивая? Несомненно. Эта раса обладала просто уникальной красотой. Как мало времени понадобилось, чтобы начать воспринимать вещи, как должное — всего лишь несколько дней в лагере Оцилл, среди этих циничных красавиц с холодными сердцами и жаждой мужской крови. По завершению своего частично увеселительного времяпрепровождения в лесной общине он уже перестал удивляться экзотической внешности амазонок, мог даже позволить себе со скрытым злорадством делить их на «ничего» и «так себе».

Его утомила дорога, но он старался этого не показывать. Серые предрассветные сумерки сделали очертания деревьев более четкими, яркие звезды постепенно тускнели, утренняя прохлада проникала под кожу. В попытке согреться Савичев сделал несколько отжиманий от дощатого пола повозки, но эта упрощенная тренировка была прервана нацеленными в лоб копьями оставшихся в повозке воительниц. После ночного происшествия с него не спускали глаз, и градус дружелюбия значительно понизился. Проницательные девы лесов просчитали их с Ведикусом махинацию в два счета. Роксана больше не появлялась, демонстрируя этим свое презрение, но Дмитрий уже и думать о ней забыл. «Пора выбираться из этого древневековья, — думал он, наблюдая сквозь прореху в куполе повозки занимающийся рассвет, — надеюсь, эта воспетая всеми подряд матриарх будет сговорчивее, и я попаду в храм Бога времени»...

Лесной массив закончился неожиданно резко, и теперь их путь пролегал по травянистой равнине. Сумерки замерли в одной точке, не позволяя рассмотреть больше, да и узкий периметр прорехи скрывал видимость. Кажется, ему все же удалось задремать под мерное покачивание повозки, а когда он открыл глаза, первые солнечные лучи озарили притихший пробуждающийся мир. Как оказалось, здесь присутствовали аналоги окон, и когда одна из девушек потянула за резные шнуры, повозку залило призрачным светом яркого солнца. Савичев буквально подскочил на месте, прогоняя остатки полусна, замороженный открывшейся взору картиной.

Вдалеке виднелась ласковая гладь океана, лучи занимающейся зари превратили его в расплавленное золото. Высокие опоры акведуков расходились стрелами в стороны, крыши и дворцовые купола города еще тонули в утреннем тумане — его трудно было рассмотреть издалека. Гряда невысоких гор тянулась дугой к подножию Атланты. «Полуостров», — отметил Савичев, не в состоянии оторвать глаз от этого первозданного великолепия. Больше всего на свете он сейчас жалел о том, что при нем не оказалось хотя бы старого мобильного телефона с самой простейшей камерой. Если бы ему удалось запечатлеть это великолепие!

Со злости он ударил кулаком по дощатому полу. Ему даже не пришло в голову, что этот телефон у него бы отобрали в первую очередь. Пока же Савичев подавил вспышку негодования и жадно вглядывался в древнюю архитектуру. Аналогия с Дубаем и отелом «Парус» уколола воспоминанием. Он непроизвольно успел разделить свою жизнь на «до» и «после», и сейчас его цивилизованный мир, такой далекий и недостижимый, казался практически сном. Даже мысль о том, зачем он со скрупулезностью ученого отмечает детали архитектуры и природного ландшафта, вызвала недоумение. Что, если он никогда не

сможет вернуться?

Колеса повозки коснулись крупной брусчатки ближайшего акведука, стук копыт смешался с шелестом волн и криком чаек. Океанская свежесть бодрила, оседая солью и запахом водорослей на губах. Возможно, ему стоило переживать о предстоящей встрече, или хотя бы предвкушать встречу с героиней найденных летописей, но пейзаж за окном не оставлял шанса иным размышлениям. Дмитрий даже разочарованно вздохнул, когда городские ворота распахнулись, и повозка въехала в пробуждающийся город древнейшей империи. Океанская панорама оказалась скрыта за светлыми стенами строений.

Меньше всего Савичев переживал о том, чем в итоге обернется для него это знакомство с матриарх великой империи. Настолько, что цинично улыбался внутренне на слова Роксаны о том, что попадет в гарем этой варварской королевы в качестве экзотического подарка. Заочно относился к этой невообразимо возвышенной и прекрасной красавице как к очередному объекту своих исследований и источнику важной информации.

Сейчас его пытливый ум ученого анализировал увиденное, фотографировал в памяти для дальнейшего описания на страницах научной работы, а куда сильнее он переживал за отсутствие фотоаппарата, чем за новый виток в собственной судьбе.

Он знал, что нравы империи отличались повышенной жестокостью, что в мужчинах, если они не были рождены в аристократических кланах, древние феминистки видели исключительно безмозглый скот и источник плотского удовольствия (притом, если повезет), но сейчас, вглядываясь в надменные лица горожанок, которые уже заполнили обширную площадь в столь ранний час, отказывался в это верить. Казалось, отбрось античные декорации высоких зданий, отсутствие технического прогресса и непривычный уму мелодичный язык, — и окажешься на театрализованном шоу показа мод. Разных возрастов, разного цвета волос и телосложения девы империи выглядели подобно ангелам. Красота этой расы поражала воображение. Их законы не признавали кровосмешения. Браки здесь именовались "вольными союзами", и избранниками прекрасных амазонок становились достойные воины отдаленных земель. Самые красивые дети всегда рождаются в союзах разных национальностей.

Некоторые женщины были в кожаных латах-ремнях с оружием. Другие — в тяжелых шелках и драгоценных украшениях. Изредка в толпе встречались мужчины, но лишь немногие из них вышагивали рядом с горожанками, как равные — большая часть их жалась к стенам домов, уступая дорогу женщинам, склонившись в подобострастных поклонах.

Рядом с ними поравнялась колесница. Совсем юная белокурая девушка в темно-синем одеянии из мерцающего шелка грациозно возлежала на богато расшитых подушках, с умилением наблюдая за спутником — белокожем мужчиной в богатом одеянии, который стоял, удерживая одной рукой поручень колесницы, а другой прижимая к себе белокурую девчушку трех зим отроду, и что-то нашептывал ей на ушко. На его лице играла улыбка счастливого семьянина. Светловолосая красавица скользнула незаинтересованным взглядом по повозке и поймала взгляд Савичева. Дмитрий успел заметить, как на ее безмятежном личике дрогнула тень недоумения и возмущения.

Скучающая в углу повозки Оцилла, проследив за направлением взгляда пленника, презрительно улыбнулась.

— Рабам, осмелившимся воздеть очи на деву аристократической крови, грозит ослепление раскаленным острием меча.

— Почему мужчина едет с ней в колеснице подобно ровне? — Дмитрий непроизвольно

обрадовался возможности завязать разговор с девушкой, на подругу которой накинул плащ этой ночью. — В нем течет кровь ваших основателей?

— Это вольный спутник девы почитаемого рода. На нем печать богов, потому как он был избран ею. Антал даровал таким свою благодать, подарив дочь.

— Стало быть, ваше презрение к мужскому роду избирательно? — он не планировал дразнить лесную воительницу, но жажда знания сейчас отодвинула все остальное на второй план.

— Вольный избранник достоин уважения и восхищения. Криспида не поражает своими стрелами недостойного атлантской дочери.

Савичев задумчиво проводил взглядом удаляющуюся колесницу. Повозка двигалась медленно, потому как площадь уже заполнялась людьми. Видимо, здесь привыкли вставать очень рано. Женщины вели себя практически так же, как и в его времени: обменивались объятиями, смеялись, разговаривали, заполняли открытые террасы и пили напитки из кубков. Тонкий аромат кофе висел в воздухе, смешиваясь со слабым шлейфом цветов.

К тому времени, как повозка подъехала к резным воротам дворца матриарх, Савичев перебивал в состоянии легкого эстетического шока и чувствовал себя практически подростком, которого случайно закрыли в раздевалке черлидерш. Давление подскочило, сердце отбивало рок-н-ролл, разгоняя по телу волну зарождающейся эйфории. Умом он понимал, насколько обманчиво это восхищение, но сейчас ему было наплевать абсолютно на все, кроме этого желания закрыть глаза и представить увиденных красавиц без одежды. Даже огромный столб и колодки на помосте дворцовой площади не прогнали этого упоения. Может, часть сознания поставила галочку в очередной главе будущего научного трактата напротив пункта "дисциплинарные взыскания", клятвенно пообещав себе осмыслить этот факт немногим позже. Если бы Дмитрий сел за работу в подобном состоянии, это получился бы самый красивый любовный роман с пикантными подробностями, а уж никак не диссертация. Хотя не исключено, что он бы по подобию своих энергичных студентов написал бы ее за одну ночь на подобном подрыве.

Огромные золоченые ворота дворца захлопнулись за его спиной, отрезая гул толпы и любопытные взгляды. Взору открылась огромная аллея. Как оказалось, дворцовых зданий здесь было двое: одно выходил витражными окнами на площадь, другое располагалось среди зелени садов, журчания фонтанов и пения птиц, с другой же стороны к нему подступали воды моря. Это было некое подобие полуострова, напомнившее ему Дубай и его отель "Парус".

Дмитрий полагал, что они сразу направятся во второй дворец, но облаченные в доспехи стражницы окружили повозку, заставив свернуть с садовой аллеи вглубь высоких насаждений к рабочим постройкам. Яркий свет утреннего солнца ударил в глаза, стоило Савичеву спрыгнуть на землю. Он непроизвольно поднес ладонь ко лбу. Три женщины из дворцовой охраны моментально окружили его, направив острия мечей ему в грудь.

— Приветствую тебя, Малистратия, и вас, благородные Пантеры, — поклонилась Роксана. — Наш дар прекрасной Лаэртии умаялся в дороге. Прошу простить невежество иноземного варвара.

— Его одежда... несколько странная, — язвительно заметила самая молодая из амазонок, девушка с белокурыми волосами, уложенными в косы вокруг головы. В ее светлых глазах горела решительность и непримиримый огонь.

Савичев догадался, что, сделай он резкое движение, она, не задумываясь, проткнет его

мечом.

— А его взгляд настолько дерзок, что гнев Справедливой будет неминуем. Но полно об этом. Стремительная Старейшина, нам велено испить с тобой кубок темного эликсира и получить необходимые познания относительно этого самца, прежде чем мы сможем представить его матриарх, будучи уверенными, что он не представляет опасности.

— Дмитрий не доставит хлопот и проявит подобающее уважение к нашей великой правительнице, верно? — хитро улыбнулась Роксана, обращаясь к Савичеву.

Несмотря на ее приятную улыбку, в глазах застыло предупреждение. Дмитрий не горел желанием бесить эту мудрую женщину и усугублять свое нынешнее положение, поэтому опустил глаза и поклонился, едва не коснувшись грудью острий направленных на него мечей. Старшая из Пантер заливисто рассмеялась.

— Превосходно. Настоящий дикарь. Верховная наставница отдала бы свою жизнь Анталу без промедления, если бы увидела подобный поклон. Роксана, у него тело воина. Позволь мне потешить свой взор и лицезреть его без этих нелепых одеяний!

— Малистратия, сестра, Справедливая будет крайне недовольна, если ты узришь мой дар ранее нее в первородной наготе, — Роксана все так же улыбалась, но в ее голосе звенели стальные нотки.

— Но поскольку раб не отмечен печатью стального пламени именем матриарх... — неуклюже возразила блондинка. Старейшина сделала вид, что не расслышала, по-прежнему обращаясь исключительно к главной Пантере.

— Он не раб. Справедливая оставила решение за собой, кем она захочет видеть иноземного воина подле себя — как равного на троне или же как презренного невольника у своих ног. Нам неизвестно, какая участь уготована моему трофею, а посему нам стоит проявить осторожность. И напоить нас обоих эликсиром темных зерен, поскольку выдалась бессонная ночь, и мы крайне утомлены дорогой.

Девушки переглянулись, прежде чем стражница убрала меч в ножны. Ее примеру незамедлительно последовали остальные. Роксана сделала приглашающий жест, довольная тем, что Савичев принял негласные правила игры и не собирается делать глупостей. Ее тонкие пальцы опустились на его плечо, и хотя она продолжала улыбаться, Дмитрий чувствовал, что, соверши он хоть малейшую ошибку, последствия будут малоприятными.

— Не поднимай глаз на благородных Пантер и не произноси ни слова, пока с тобой не заговорят. Займешь место на полу. Постарайся не злить этих дев. Справедливая наверняка их расспросит, как ты повел себя, и если они останутся недовольны, ее отношение будет соответствующим.

Савичев вошел вслед за воительницами в небольшое помещение, устланное тканными коврами. Послушно опустился на пол в расслабленной позе отдыхающего, чем вызвал беззлобную ухмылку Роксаны. Малистратия попыталась что-то сказать по поводу его вольготной позы, но Савичев бесхитростно улыбнулся в это миловидное, но свирепое лицо.

— Лаэр будет довольна, — протянула она, вложив в ладонь Савичева стальной кубок. Аромат кофе ударил в ноздри, и сама атмосфера вдруг сменилась, словно он вернулся домой в теплый уют. — Он не похож на остальных. Роксана, но мудро ли, если он предстанет перед ее очами в подобном виде?

— Никаких умащений и золотой пыли для тела. Тем более Справедливая должна увидеть мой дар в одеянии его земель. Что с ним делать дальше, сама решит.

Старейшина пила кофе и переговаривалась с девушками. Через несколько минут они

забыли о Савичеве и затеяли между собой разговор о делах империи, о возможной военной угрозе со стороны Кассиопеи и о том, что Лассирия, скорее всего, не выстоит, но угроза Спаркалии сейчас куда более опасна. Одобряли политику матриарх, которая все силы направила на защиту империи от династии Фланигусов, пели хвалебные оды Лучезарной, которая, они верили, поставит спаркалийского выскочку на место и заставит подписать необходимые соглашения.

Поразительно, но Дмитрий не нервничал и не думал о том, что же его ждет впереди. Вслушивался в разговоры атлантских воительниц, разве что сожалел о том, что не расспросил Роксану или оциллу из повозки о храме Бога времени. Оставалось надеяться на матриарх, о красноречии которой ходили легенды. Пока что он наслаждался горьким кофе, втайне радуясь, что хоть что-то из привычных и любимых вещей здесь осталось, и пытался за неимением записной книжки запомнить ценные крупы истории древнего мира.

— Его земли лежат за Спаркалией? Это имя сынов Грекии, откуда родом мой отец. Его имя носит их Богиня плодородия, — третья девушка, доселе молчавшая, скосила глаза.

— Уйми любопытство, Никасия, — старшая Пантера отставила кубок. — Мера масла на исходе, и заседание совета девяти достигло своего конца. Не гневи Антала и не заставляй матриарх томиться ожиданием. Мудрая Роксана, мне стоит прислать Ангерона?

— Нет, цепи нам не понадобятся. Мой подарок сиятельной Лаэртии проявляет чудеса благоразумия. Думаю, так же продолжит его проявлять, когда увидит количество дворцовой стражи, которые приучены долго не раздумывать.

Роксана одернула тунику и поднялась, пропуская впереди себя Малистратию. Предупреждающе кивнула Савичеву.

— Я все понял.

Они шли по тенистому саду, удаляясь от служебных построек. Савичев поймал себя на мысли, что, возможно, больше не увидит эту мудрую женщину с обаятельной улыбкой и пронизательным взглядом, которая при всем своем обращении с ним все же видела в нем равного, не позволяя свойственному атланткам шовинизму отравить свой разум. Он испытывал к ней почти дружеское расположение и сейчас понял, как же ему будет не хватать их бесед.

— И я рад, что ваши боги свели наши дороги вместе на короткий миг.

— Пора прощаться наступила, — тихо констатировала Роксана. — Но от моего отца мне достался дар видеть впереди. Возможно, в грядущем мы не раз еще разделим с тобой трапезу и уже как с равным, отмеченным любовью матриарх и печатью Антала. Но иногда образы играют со мной, а посему прими мой добрый совет: умерь свою гордыню, которая граничит с глупостью, и сделай все, чтобы найти отклик и сердце Лаэртии. Твоя судьба лишь в твоих руках, не позволяй излишнему тщеславию сделать тебя безынтересным и обречь на праздное существование в гаремах правительницы. У тебя путь воина и мудрого ученого, но как часто одна ошибка способна навсегда похоронить подобные таланты.

— Я попробую, — Савичев не сомневался, что у него это получится.

— Тебе не надо быть тем, кем ты не есть. Просто помни об этом, когда предстанешь перед глазами Лаэртии. Ее сердце истекает слезами по павшему смертью храбрых вольному спутнику. Молва гласит, что возродить в ее сердце пламя никому не под силу, но мне ведомо лишь то, что никто и никогда не пытался этого сделать, ибо все они были слабы духом. Остерегайся Атлантиды — свергнутая матриарх умна и коварна. Если сможешь расположить ее к себе, твоя жизнь будет легка и беззаботна. Она единственная, к кому Лаэртия способна

прислушаться. Не считая Латимы Лучезарной.

Савичев кивнул в знак согласия и решился задать интересующий его вопрос:

— Храм Бога времени в столице?

Роксана ответила не сразу. Они как раз подошли к мраморным дворцовым ступеням, и два темнокожих стража распахнули перед ними двери с резной позолотой.

— Нет, и тебе никогда не преклонить колени пред жертвенным кольцом колеблющихся вод. Мужи не могут переступить порог храма Хроноса.

Уверенность пошатнулась сразу. Савичев едва успел скрыть свое разочарование, но он не привык сдаваться. Если понадобится, то убьет, не задумываясь, каждого, кто помешает ему попасть домой. Но пока что оставалось только играть в обманчивую покорность. До тех пор, пока он не выяснит расположение этого храма.

"Кольцо колеблющихся вод". Скорее всего, это именно то, что ему нужно: временной портал, где искажается время и пространство, а колебания "кротовой норы" действительно выглядят как легкая рябь на воде. Что ж, половое неравенство — серьезная преграда на пути к заветной цели, но недостаточное препятствие для того, чтобы он отказался от своих намерений.

Высокие своды дворца сомкнулись над головой золоченым куполом. Солнечный свет лился сквозь прозрачную сферу, освещая живописные фрески под этим сводом. Цвет империи, нежно лазурный и приятный глазу, преобладал в интерьере. Золоченые ступени убегали вверх, упираясь в створки резных ниш. Колонны голубоватого мрамора были увиты белыми и красными цветами — символами империи. Такими любили украшать свои волосы Оциллы. Здесь царил не просто достаток, это была самая потрясающая роскошь из всех, что Дмитрию приходилось прежде видеть. Отель "Парус" и резиденция Абу-Гасана казались бюджетными хостелами рядом с этим великолепием даже притом, что сюда технологический прогресс не мог добраться по определению.

Пантер, встретивших их на садовой аллее, сменили другие. В их облачении присутствовали золотые украшения, а вместо кожи тела облегали одеяния из тяжелого черного шелка. Эти амазонки не таращились на необычного гостя, открыв рот — их лица казались высеченными из мрамора, они невозмутимо образовали квадрат, взяв его с Роксаной в подобие оцепления. Одна из них велела следовать за собой и держаться на почтительном расстоянии, обратившись исключительно к вождю Оцилл. Мраморные сходни вели в огромный зал верхнего яруса. Поразительная тишина вестибюля канула в Лету, стоило только молчаливым чернокожим мужчинам распахнуть украшенные голубой эмалью и серебряными решетками двери.

Огромное помещение в форме круга было заполнено людьми. Если на городской площади преобладали женщины, здесь присутствовали также и мужчины, судя по одежде и уверенному, не раболепному поведению — представители аристократической знати или же вольные спутники прекрасных дев Атланты. Изумленный рокот прокатился по толпе, когда присутствующие поспешно отступили в стороны, образовав коридор, чтобы Пантеры и гости матриарх могли беспрепятственно пройти.

— Не поднимай глаз! — шепнула Роксана.

Но в этот раз Савичев ее не послушался. Если придворные мало отличались от тех, кого он видел в богато украшенных колесницах по пути к дворцу, то две женщины, восседающие в высоких золотых креслах прямо по центру зала — на подобии подиума, возвышения, обрамленного ступенями, не могли остаться без пристального внимания.

Молодая и пожилая. Мать и дочь.

Если бы Роксана не предупредила о том, что во дворце гостит бывшая матриарх Атлантида, он бы догадался об этом сам из-за сходства двух женщин. Немаловажную роль сыграл и тот факт, что обе восседали на троне. Молодая — на высоком и богато инструктированном камнями и золотом, зрелая — на более сдержанном, не таком кричащем.

Нет, мир Савичева не встал вверх тормашками, когда его глаза встретились с голубыми озерами глаз Лаэртии Справедливой, хотя отрицать жаркую волну по позвоночнику он тоже не смог. Безусловно, она была невообразимо красива и утонченна, в ее взгляде читался интеллект и тщательно скрытый темперамент.

Длинные ноги в разрезе платья, ниспадающего складками к серебристым сандалиям, высокая грудь, стесненная корсажем из голубой шелковой парчи, роскошные волосы цвета бликующей платины с вкраплениями солнца, забранные в высокую прическу с мерцанием бриллиантов в тонкой диадеме. Смуглая кожа, отличительная черта этой невообразимо красивой расы, высокие, элегантно очерченные скулы и чувственный абрис губ, напоминающий изгиб лука. Возможно, Дмитрий на сегодняшний день вдоволь насытился прелестями атлантских красавиц, и только поэтому не воспылил моментальной страстью к царской особе, может, специально дал себе установку не расклеиваться раньше времени, памятуя о словах Ведикуса. Или же просто лимит потрясений на сегодняшний день был исчерпан.

Взгляд женщины медленно сканировал его, изучая, словно артефакт — без излишнего восхищения и пиетета, словно явление гостей из будущего было вполне привычной вещью в их обществе. Но стоило перевести взгляд на мать этой красавицы, как мужчина ощутил приятный, почти сладостный удар в затылок лишь от понимания того, что матриарх Лаэртия продолжает смотреть на него.

Атлантида, в отличие от дочери, загадочно улыбалась. Ей могло быть сколько угодно зим, но годы, казалось, не были над ней властны. Только едва заметная с такого расстояния сеточка морщин мудрости вокруг ее ясных, обманчиво теплых глаз, выдавала возраст. Со спины их с матриарх наверняка можно было принять за ровесниц — тело бывшей правительницы, скрытое алыми шелками, было подтянутым и стройным. Несмотря на улыбку, которая, на первый взгляд, казалась почти ласковой, от нее исходили волны едва уловимой опасности. Взгляд Лаэр продолжал изучать Савичева, и он дерзко вскинув голову, напрочь забыв о предупреждениях Роксаны. Но Старейшина не позволила ему этого сделать, просто вышла вперед, якобы случайно закрыв его собой, и неспешно приблизилась к ступеням подиума.

— Матриарх Справедливая, да ниспошлет тебе Антал всемогущий долгих зим и процветания!

— Роксана, хранитель зеленых лесов, пусть твой путь озаряет сияние Фебуса, щедро воздав тебе силы, — проворковала матриарх.

От звука ее ровного мелодичного голоса Дмитрий непроизвольно вздрогнул. Образ, который он из последних сил собирался воссоздать в своем сознании — заносчивость совсем еще молодой девчонки, которая нацепила корону и сочла себя выше всех богов, дрогнул, рассыпавшись на мелкие осколки. Ее речь лилась, подобно горной реке, лаская слух мягкими переливами и изысканной красотой речи. Наверное, легенда о сиренах имела под собой вполне приземленную почву. Он даже не понял, что непроизвольно шагнул навстречу,

лишь движение руки дворцовой Пантеры заставило его остаться на месте.

— Невия в день не столь отдаленный мне весть принесла, что смутила мой разум, и пламя познания и ожидания сразу ускорило бег моего беспокойного сердца, — при всей своей начитанности и образованности Савичев едва ли смог бы говорить так красиво и без заминок, как это получалось у матриарх древнего мира. — Я принимаю твой дар, и возьми же в ответ то, что снимет смятение твоей души и откроет пути для успеха. Моя любознательность спутницей мне была эти долгие круговороты. Подойди, чужеземец.

Савичев не сразу понял, что она обращается к нему. Обманчиво опустил глаза, не забыв о приеме бокового зрения, и сделал несколько уверенных, даже расслабленных шагов к подножию трона. Лишь когда убедился, что Роксана, Пантеры и притихшая толпа придворных остались за спиной, спокойно поднял взгляд, словно вонзая ледоступы в ледяные покровы этих серо-лазурных озер.

Пусть он был очарован сладкими речами этой титулованной красавицы, играть роль раба или слабака под каблуком существующей здесь системы не собирался. Надо показать этой девочке, какой троянский дар она только что получила в свое распоряжение.

В другое время он бы улыбнулся ей своей фирменной обаятельной улыбкой, от которой мастера пикапа всех времен и народов массово сожгли бы свои лицензии. Но давать этой модели плейбоя древнего мира обманчивые надежды не собирался. Сколько он ни говорил себе во время пути, что готов ради достижения своих целей притвориться из хищника в ласкового котенка, столкновение с матриарх лицом к лицу лишило их обоих какой-либо фальши.

Если его взгляд, призванный расставить все точки над *i*, как-то задел или смутил матриарх, она не выдала этого ни словом, ни жестом. Хотя он готов был поклясться, что эта девчонка в короне видит подобные взгляды не так уж часто.

— Назови свое имя, неведомый странник, — в ее голосе плескались мед и молоко.

На миг Савичеву показалось, что, последуй он первоначальному плану с опущенными в пол глазами, обращение было бы иным. «Раб» или, на худой конец, «варвар».

— Дмитрий, — сделал ей одолжение Савичев, намеренно задержавшись взглядом на высокой груди правительницы.

Толпа изумленно притихла. Но напрасно он пытался смутить этим гордую и прекрасную королеву. Казалось, вызов восхитил эту потрясающую женщину — и отчего-то ему показалось, что она прочитала его мысли в тот же момент.

— Меня известили, ты прибыл из неведомых земель. Поведай нам, какое же имя носит твоя страна, земля невиданной силы, вступившей в союз с высоким разумом.

Сердце сделало кульбит от бархатных ноток в ее голосе. Эта женщина могла вести за собой толпы одним лишь тембром, похожим на перезвон хрусталя и плеск воды. Изначальное желание посмеяться над матриарх исчезло тут же. Ее не просто хотелось слушать. С ней хотелось говорить. Долго, обстоятельно, наслаждаясь беседой и забывая обо всем.

— Моя страна — Украина. Она лежит за чертой окончания вашего мира.

— Я не слышала упоминаний о сей земле даже в летописях, — заметила Атлантида. В ее голосе было предупреждение. Лаэртия внимательно посмотрела на мать и улыбнулась, продемонстрировав ряд ровных белых зубов.

— Дмитрий устал с дороги.

Произношение его имени в устах этой сладкоголосой сирены было необычным. Она

единственная произнесла его правильно, без добавления излишних гласных.

— Мы продолжим нашу беседу на закате. Отдыхай, путник, чтобы силы вернулись к тебе. У меня осталось много невысказанных вопросов.

«Это все?» — разочарованно подумал Савичев, когда Пантеры, выпустив из кольца Роксану, окружили его, опустив руки на плечи и развернув к двери. То, что Лаэртия не стала вести ласковый допрос при большом скоплении народа, не пришло ему в голову. Они покинули зал под шепот изумленной толпы, а взгляд королевы ощущался спиной. Савичев решительно вскинул голову, не позволяя ментальным отголоскам смутить свой разум.

— Это и есть дар Роксаны?

Дмитрий только сейчас понял, что за все время нахождения за воротами города не слышал мужского голоса. Высокий мужчина с гладко выбритым черепом в белых одеяниях, напоминающих богато отделанную вышиванку, шагнул навстречу, и Пантеры расступились.

— Привет, — пожал плечами. Роксана настаивала на правилах этикета в зале приема матриарх, но здесь это было лишено смысла.

— Это твое имя? — мужчина протянул руку, чтобы ухватить его за бицепс. Савичев отреагировал моментально, перехватив кисть лысого на излом.

— Полегче, братан.

У Пантер отвисла челюсть. Но довольно скоро их изумление сменилось любопытством и весельем. При всей своей серьезности они оставались обычными женщинами — сбились в стайку, не выпуская Дмитрия и лысого из поля зрения, и зашептались. До слуха Савичева долетела фраза «распорядитель гарема» и «варвар с норовом».

— Мое имя Критий. Я должен проводить тебя в покои, где ты отдохнешь с дороги. — Несмотря на боль и согнутые плечи, голос лысого звучал ровно. Даже привычно. — Прекрати же причинять мне боль, ибо нет угрозы, и проследуй за мной. Гостевые покои — небывалая честь и редкостное предложение...

Похоже, красноречие матриарх было «маст хэв» в этом дворце. Как и агрессия таких вот «подарков», или же просто напосто Савичев находился в более привилегированном положении по отношению к другим обитателям гарема белокурой красавицы.

— Кофе организуй и лист пергамента, — холодно распорядился Савичев, отпуская его кисть.

— Пергамент?

— Эликсир темных зерен, и на чем вы там пишете свои трактаты, — махнул рукой Дмитрий. Ему хотелось записать все увиденное, чтобы не растерять впечатлений. И заодно хотя бы на время прогнать образ Лаэртии, который не желал покидать его мысли...

— Сей божественный нектар добыт из ягод дикой лозы, которая растет на вершине горы Кратия. Ты спросишь, почему никогда доселе не вкушала ничего подобного? Как так случилось, что изумительный вкус сего сока плодов страсти остался неопознан атлантской империей?

Аларикс поднял кубок, словно пытаясь рассмотреть его содержимое сквозь богатую инкрустацию лунного металла.

А Латима не чувствовала вкуса. С таким же успехом он мог налить ей уксус или безвкусную ключевую воду. Да и пила только потому, что безмолвный страж покоев наливал из одной амфоры и ей, и Фланигусу.

— Потому что мы бережем этот дар богов для себя, Латимея. Есть вещи, которыми мы не привыкли делиться. Изумительные вина. Спаркалийские прелестницы. Безграничная власть.

Лучезарная бросила осторожный взгляд на четверо клинков, нацеленных на нее. Пламя свечей играло на их глянцевой поверхности, буквально завораживая и гипнотизируя. Так же точно этот танец огня отражался в непроницаемых темных глазах четырех воинов то ли личной гвардии императора, то ли клана беспощадных убийц, которым тут любили устрашать местных жителей. Им было невдомек, что этот клан — теневая армия правителя.

— На наших пирах, Аларикс, льются реки нектара столь изумительного вкуса, что ты забудешь свое имя от наслаждения. Ваши прелестницы годны лишь на то, чтобы подавать кубки во время пиров. А что касается безграничной власти... — Латима излишне резко стянула на груди отвороты плаща.

Тотчас же наемники со скрытыми лицами крепче сжали мечи, готовые напасть в любой момент. Амазонка презрительно улыбнулась.

— Что касается безграничной власти, я узрела ее проявление. Не далее как несколько мер масла назад. В гостевых покоях у своих ног, где ты с покорностью безумца услаждал мои врата Криспиды своим языком.

Надо отдать должное деспотичному императору. Ни один мускул не дрогнул в его волевом лице. Отсветы пламени играли на бронзовой коже мужчины, создавалось впечатление, что они ласкают его совершенное тело. Почти так же, как это делала сама Латима не столь давно. Аларикс умел держать любые удары. К сожалению, ее слова, нацеленные больше на стражей, ни на кого не произвели должного впечатления.

— А как часто ради достижения цели мы готовы стать теми, кем не являемся и никогда не будем, Латимея? Ваши женские войны намного коварнее и изощреннее. Но имеет ли значение, какими тропами мы шли к желаемому?

Атлантская воительница остерегалась утратить бдительность. События развивались совсем не так, как она предполагала. Меньше всего гордая атлантка ожидала такого величественного спокойствия Аларикса, который с легкостью признался в том, что именно он пытался ее убить. Чужими пуками под покровом ночи, разыграв блестящий спектакль с фальшивым покушением на свою жизнь.

Латима потеряла дар речи на миг, с горечью осознавая всю глубину подлости и малодушия того, с кем не столь давно делила ложе, кого одаривала горячими ласками и даже не попыталась укрыться от стрел Криспиды.

Скорее всего, Фланигус запретил к ней прикасаться. Но это не помешало темным стражам окружить кольцом гостью дворца, направив острия кинжалов ей в горло.

Лучезарная сбилась со счета, сколько же раз ей приходилось проходить в шаге от врат Лакедона. Смотреть в глаза самой смерти, которая ступала по ее следу, но опасно держалась в тени. Помнить, что каждая капля масла может стать последней, а оттого быть готовой ко всему.

Как она могла так ошибиться? Как ее богиня-покровительница превратила свою любимицу в глупую, восторженную девчонку? Латима считала, что сможет быть наготове даже во сне. Выстоит в любой схватке. Увы, стрелы любви оказались щедро смочены ядом, который превратил рассудок в абсолютную пустоту.

Но Латима не собиралась сдаваться. Даже сейчас. Смерила воинов, прячущих лица под черными отрезами ткани, надменным взглядом, вытянула ладонь, не боясь пораниться об эти отточенные клинки, и сделала шаг вперед.

Она не опасалась в тот момент за свою жизнь. Если бы ее действительно хотели убить, то не выпустили бы из покоев. Вряд ли Фланигус так ее недооценивал, что решил, будто двух убийц будет достаточно. А поражаться такому жестокому цинизму других людей девушка давно отвыкла. Особенно если это касалось тех, кто был столь похож на нее крутым нравом и бескомпромиссной отвагой.

Воины растерялись, но все же убрали кинжалы от ее шеи. Ровно настолько, чтобы позволить двигаться. И как не старалась Латима держать себя в руках, в ее голосе все же прозвучал упрек, который Аларикс не мог не расслышать.

— Стоит ли вести эти речи, Латимея? Ты дала отпор владыке смерти. И если ты сейчас стоишь передо мной, стоит ли говорить о прошлом? Даже столь недавнем?

Аларикс не стал отрицать, что смерть могла стать для нее одним из исходов. И, как бы жестоко это не было, он проявил благородство. Латима только сейчас начала понимать весь смысл произошедшего.

Атлантки не становятся рабынями мужчин иных держав. Письмена Антала запрещают лишать себя жизни самостоятельно. Либо смерть в бою, либо последующая смерть того, кто осмелился заполучить тебя в рабыни.

Все благородство этого мужчины рушил один незначительный, казалось бы, факт: он не поставил ее в известность относительно своих неблагочестивых намерений.

"Даже смерть бежит от тебя, Латимея. Стало быть, пора попрощаться со свободой".

Всего лишь предложение, предложение, озвученное спокойным тоном, от которого ее сердце должно было перестать биться от негодования и возмущения. Но, похоже, сама Криспида испугалась проклятья своей дочери, еще не озвученного, но уже вполне созревшего. Богиня подарила ей, помимо бесстрашия, уверенность в том, что даже из этой ситуации можно найти выход. Главное не поддаваться панике, а взвесить слабые стороны своего противника. Не может быть, что он неуязвим. Нужно просто найти этот ключик.

«Увы, — подумала Латима, опустившись на высокую скамью, которую имели право занимать лишь особые гости, — слабость Аларикса — я сама. Замкнутый круг.»

Император перебивал в прекрасном расположении духа. Не будь молодая воительница так сильно ошеломлена тщательно разработанной стратегией предательства (никакими другими словами нельзя было назвать произошедшее), возможно, испытала бы нечто сродни восхищению. Восхищению его спокойствием, умом или умением любой ценой добиваться желаемого, она и сама не могла понять.

Хотелось поддаться этому ложному спокойствию и расслабиться — Латима не привыкла действовать сгоряча, а изменить что-либо прямо сейчас она не могла. Да и острия клинков, нацеленные на нее, мало способствовали расслаблению. Сейчас на ее стороне играло время. Время осмыслить произошедшее и понять, как выйти из этого с минимальными потерями.

Она так и не распробовала тот самый изумительный вкус хмельного сока лозы, о котором вещал Аларикс. Ей, как загнанной хищнице, требовалось отключить все чувства и позволить разуму найти решение самостоятельно. Не время стогать от обиды, возмущаться от предательства, смаковать изысканные яства. Только выжидать. По возможности, убедив противника в том, что он уже победил...

— Что будет с моими Пантерами?

Фланигус закатил глаза, всем своим видом выражая досаду — его пламенную речь прервали бестактным вопросом. Да может ли быть что-то важнее, чем отрасль виноделия в великой Спаркалии?

— Ну не все ли равно тебе, Лучезарная?

Латима отставила кубок, отметив, что один из нацеленных на нее кинжалов дрожит в руке его обладателя. Презрительно улыбнулась. В поединке столь слабому воину против нее не выстоять.

— Твои наемные бойцы устали. Может, заставишь их опустить оружие? Как видишь, мне не все равно. И это касается не только воителей.

Аларикс ехидно улыбнулся и сделал небрежный жест рукой. Воины опустили клинки, но не расслабились, готовые отреагировать на любое неосторожное движение гостя их императора.

— Ты потрясающе держишься, Латимея. Я восхищен.

— Великий император ожидал иного поведения?

Как она ни старалась, а скрыть ноты сарказма в голосе не удалось. Но Аларикс выглядел абсолютно неуязвимым.

— Женщины предсказуемы. Им свойственна необдуманная дерзость. У тех, кто не настолько силен, в ход идут слезы. До угроз опускаются особы недалекого ума. Но никто еще не принимал неизбежность подобно тебе. С гордо поднятой головой и таким величественным спокойствием.

— Но ведь мне и не угрожает ничего в покоях великого повелителя гостеприимной Спаркалии, разве нет? Ничего из того, с чем бы я не смогла справиться подобно событиям истекших мер масла. Я права, Аларикс?

Фланигус принял эту игру. А Латима сдавила кулаки, ощутив приближение потери контроля. Как бы она не осторожничала, этот самоуверенный варвар ослепил ей глаза страстью, чтобы взять свое любой ценой.

— Если ты будешь столь же благоразумна оставшееся время, тебе не нужно будет ни о чем переживать.

От его насмешливых интонаций по позвоночнику Латимы пробежались холодные мурашки. То, что мужчина пытался скрыть за своим скучающим спокойствием, было одержимым желанием. Страстью за гранью. Тем, с чем прежде ей сталкиваться не приходилось, и что грозило перерасти в противостояние со смертельным исходом. Ибо такие чувства не признают никаких законов.

Кто опаснее? Одержимый безумец или умудренный жизнью бескомпромиссный

стратег? Только сейчас Латима поняла, что не может дать однозначного ответа на этот вопрос. Хитрый разум Аларикса сам по себе был угрозой. А одержимость не лишила его ума, она сделала его способным на все.

— Император, отпусти моих воительниц. Я готова дать тебе клятву, что произошедшее не станет причиной военного конфликта между нашими государствами.

— Латимея, я полагал, ты более высокого мнения о моих умственных способностях.

— Загребь тебя Лакедон, Аларикс. Прерывать мои речи, не выслушав до середины. Лишь та правда достигнет ушей Лаэртии, которую я сама поведаю своим девам. А что касается меня, я буду рада остаться гостьей в твоём дворце ещё четверть декады. Таким образом, ни одно из наших торговых соглашений не пострадает, а военная поддержка не будет омрачена конфликтом, который, согласишься, не стоит выпускать дальше стен твоих покоев.

Что-то дрогнуло в лице императора. Короткий миг, едва уловимая тень сомнения — но этого оказалось достаточно для того, чтобы Латима ощутила кожей некий переломный момент. Даже пламя свечей колыхалось, а темнота сгустилась, несмотря на приближающуюся за окнами зарю.

Мужчина поднялся с кресла, выпрямившись во весь рост. Советница матриарх сглотнула ком в горле. Он был невероятно силен и одним своим видом внушал трепет и опасение. Лихорадочный блеск в его глазах наверняка бы напугал Латиму... если бы она умела бояться.

— Твои речи несут оскорбление моим чувствам. Ваш народ прозвал тебя Лучезарной, но никто ещё так не обманывался, подобно им. Твое имя должно быть созвучно с царством вечной ночи без звезд и Фебуса, потому как красота равна твоему коварству и злобной насмешке.

Ты, чей разум восхитил меня, потому как подобного мне доселе встречать не приходилось, чьи сладкие речи и безудержная страсть лишили меня покоя, взяла на себя право говорить со мной, подобно матери с глупым чадом? Или ты утратила рассудок после боя, раз полагаешь, что торговые и военные соглашения — весомая причина, чтобы отказаться от высшего дара богов?

Дара обладать опасной красотой и дарить ей взамен счастье? Ты всерьёз думаешь, что я способен добровольно отказаться от этого?

Глядя на сжатые в кулаки ладони Аларикса, росу испарины на его загорелой коже, блеск меди в глубине темных глаз, который не смог перекрыть даже отсвет огня, Латима мысленно прокляла себя за неосторожность. Она сама пробудила в этом мужчине безумца. Изначально повела свою игру неправильно, сделав ставку на свой тонкий разум и красоту. Отравила рассудок опасного и горделивого императора сладкими, как мед, речами, и не учла одного: доселе ей не приходилось общаться с подобными ему.

Все мужчины, которым перепала капелька ее внимания, были изначально слабее и не отличались глубоким разумом. Впрочем, редко кто остался жив после ночи с Лучезарной. Была ли ее вина в том, что произошло с Фланигусом?

Конечно. Косвенно. Но гордая амазонка боялась признаваться самой себе, что, не пробудив он в ее сердце такое пламя, ничего бы подобного не случилось. Новые для нее чувства стали смертельной ловушкой. Воспитанная в империи, где издревле господствовала власть женщины, да еще и подле будущей правительницы, Латима свято уверовала в то, что ни один мужчина не может считаться сильным и опасным. Любого достойного воина можно

победить на поле боя, можно признать в нем равного — но только по собственному усмотрению и не ценой капитуляции.

Если бы советница матриарх умела смотреть шире, она бы изначально поняла: опасность заключена также в том, что подобные мужчины способны навсегда забрать себе твое сердце. И ты не только не воспротивишься этому. В глубине души ты испытываешь нечто похожее на счастье от того, что подобный мужчина вознамерился заявить на тебя свои права.

Это открытие повергло воительницу в ступор. Чтобы скрыть смятение и нечто, похожее на сладкий испуг, она сделала глоток из кубка. Хвала Анталу, руки при этом не дрожали.

Аларикс прервал свою речь. Его рельефная грудь вздымалась от учащенного дыхания, а огонь в глазах разгорался все ярче, переплетаясь с отражением мерцающих свечей.

Латима наблюдала за ним, словно замороженная. Отчасти это созерцание сейчас спасло ее от принятия необдуманных решений.

— Аларикс, уже заря играет на небосводе, а мы едва сомкнули глаза истекшей ночью. Не проще ли возобновить наш разговор, когда мы снова наберемся сил и будем внимательны к речам друг друга?

Некогда импульсивная и агрессивная, Лучезарная много чему научилась в совете Десяти. Прежде всего, тонкой дипломатии и сдержанности. Это позволяло выиграть куда больше времени. Лаэр бы ею гордилась... Хотя, не исключено, сначала разозлилась бы на недалекость подруги, поставившей плотские утехи выше миссии империи.

— Увы, мне хватило этих мер сна. И впредь ты тоже привыкнешь не тратить время на сновидения подле меня.

Он не собирался отступать. А Латима с болью в сердце приняла тот факт, что теперь ей придется убить императора Спаркалии. Лишить жизни мужчину, который вознес ее к чертогам Криспиды. Того, кто сам вложил в тонкие персты Богини любви свои острые стрелы, и на немой вопрос лишь кивнул, соглашаясь проткнуть ими также и свое собственное.

Криспида не предала свою дочь. Она просто сдалась, капитулировала под натиском столь сильных чувств. Ей на тот момент было все равно, что она подчинилась воле самца. А может, была настолько ошеломлена его силой воли, что сама протянула руку помощи.

Не зря ведь давнее предание гласит, что спаркалийцы и атланты рождены из одной ветви...

— Отпусти Пантер. Они не одалиски по сути своей. Это девы сражения и опасности. И поверь, твои смельчаки, решившие взять их силой от вседозволенности, не узрят сегодняшнего заката. Наша традиция лишать жизни обидчика известна всем.

— Я восхищаюсь этой традицией. От осознания опасности моя кровь кипит. Но этого не случится. Сойдя впервые на пристань Алессии, вы потеряли право вернуться к себе домой. Не проще ли принять это как данность и прямо сейчас вновь ощутить себя гостьей, а не пленницей в моих покоях?

Рассчитывала ли Латима на другой ответ? Возможно, в первые масляные капли осознания того, в каком плачевном положении оказалась. Но чем дальше разгоралась заря за высокими сводчатыми окнами императорских покоев, тем сильнее крепла в ней уверенность, а в голове зрели планы, как вырваться из этого капкана.

Что ж. Отказавшись отпустить ее свиту, Фланигус и сам не догадывался, как упростил жизнь своей гостье-пленнице.

Ее верные воительницы будут рядом. Остается только ублажить Аларикса так, чтобы он позволил ей с ними поговорить. Играть ненавистную роль покорившейся воину женщины, чтобы иметь возможность беспрепятственного передвижения по дворцу, а также улицам столицы. В частности — портовой площади.

Что с их кораблем? Он находится под зорким наблюдением спаркалийских ублюдков, или же уверенность Фланигуса сочла сию меру предосторожности излишней? Ей предстоит это выяснить. И сделать так, чтобы уверенность такого желанного и любимого врага крепла круговорот от круговорота. Придется дать подобные наставления Пантерам. Это ненадолго. И даже если у них не будет возможности свершить месть незамедлительно, она, Латима Лучезарная, позаботится о том, чтобы посмевшие обидеть девушек спаркалийцы почили долгим сном после мучительной смерти.

А сейчас, как бы ей ни было ненавистно думать об этом, придется покориться Алариксу. Именно эту иллюзию она воссоздаст с поразительной правдоподобностью.

Девушка отставила кубок и посильнее закуталась в плащ, подтянув ноги к груди. Легкий намек на растерянность и смирение, больше не нужно пока что.

Аларикс вернулся к своим речам. Похоже, он рано начал торжествовать победу и говорить о том, что раса спаркалийцев рано или поздно завоюет мир и превратит атлантов в рабов. И только от поведения советницы королевы будет зависеть, как именно они это сделают: не оставят камня на камне от великой державы или же пойдут путем переговоров и, не исключено, милосердия.

— Ты замерзла? Чего ты дрожишь?

Латима ждала этого вопроса. Уже больше четверти меры масла. Отметила, как изменилась интонация императора. Теперь он говорил, как завоеватель, требующий беспрекословного подчинения.

— Или это страх? Поверь, в нем нет ничего постыдного. Не надо его скрывать. Лучше встань и подойди ко мне. Хочу закрепить наше соглашение по обычаю скрестившихся кубков.

С каким бы удовольствием Латима сейчас выплеснула остатки хмельного сока в самодовольное лицо Аларикса! С каким наслаждением рассмеялась бы, демонстрируя свой несломленный нрав и уверенность в собственных силах! Но нет, сейчас, чтобы выждать и вырваться из этой империи, пришлось притвориться тем, кем она не являлась и никогда не будет. Дух атлантских воительниц не дано сломить никому.

— Вели им уйти. Я без оружия и мне все равно не сбежать. — Кивок на замерших воинов с лицами, закрытыми отрезами черной ткани.

— Подойди!

Ей пришлось смириться и выполнить уже не просьбу, циничный приказ. Выдержать унижительную хватку палачев мужчины на своем подбородке. Он долго изучал ее лицо, запрокинув его назад, словно искал подтверждение собственным сомнениям, а именно, следы непокорности и дерзости. И Латима с горечью осознала, что не смогли эти составляющие ее нрава уйти бесследно за столь короткое время.

— Оставьте нас, — скользнув взглядом по линии полуоткрытых губ Латимы, велел Аларикс.

Девушка опустила глаза, чтобы император не заметил ее скрытого торжества. Звон клинков, шелест одежд, грохот массивных дверей — стражи покинули покои Фланигуса. А Латима проклиная себя осознала, что, несмотря на произошедшее, дрожит вовсе не от страха

или негодования.

Пальцы Аларикса гладили ее подбородок. Обманчиво нежно, но не разжимая твердую хватку. Зрачки мужчины потемнели от желания. Неизвестно, на что он среагировал — на ее близость или проявление обманчивой покорности.

— Атлантская дева знает, что значит восседать на троне спаркалийского вождя? — свободная рука Аларикса с силой дернула долой плащ с ее плеч. — Мой престол свободен для императрицы. Но мы, спаркалийцы, вкладываем в сие понятие совсем иной смысл.

Лучезарная с трудом сдержалась, чтобы не ударить Фланигуса коленом в лицо, когда тот отпустил ее подбородок и наклонился. Послышался треск рвущейся ткани. Лассирийский шелк платья не выдержал грубости мужских рук.

Латима не поняла, как очутилась на троне. Спина отреагировала болью, соприкоснувшись с его жесткой поверхностью. Но главным было не это. Когда Фланигус, утробно рыча, разорвал ее платье, обнажая тело, силой развел ее ноги в стороны, заставив закинуть на подлокотники, украшенные фигурной резьбой, Латима забыла напрочь о недавних событиях и нависшей над ней опасности. Желание ворвалось в ее сознание, подобно ураганному ветру, закрутило в золотых с красными проблесками спиральях. Она со стоном подала бедра навстречу неистовому вторжению того, кто считал себя отныне ее полноправным обладателем.

"Я все равно убью тебя, Фланигус. Даже если мне для этого понадобятся тысячи зим. Даже если Хронос подарит нам их несчетное количество, я доберусь до тебя. И каждый мой стон станет надрезом на твоей плоти до тех пор, пока ты не истечешь алой кровью, проклиная тот миг, когда решил сделать меня своей"...

Никогда прежде Дмитрий Савичев, привыкший к благам цивилизации и ее научно-техническому прогрессу, не испытывал такой тоски по электронным гаджетам.

Уже пятый по счету стилос раскрошился от сильного нажима. Ему хватило бы если не авторучки, то обычного грифеля, чтобы успеть запечатлеть на грубом полотне чего-то, что напоминало пергамент, ломаные наброски пейзажа столицы. Успеть, пока память не сотрет эти четкие картинки, не смажет их до неузнаваемости. Благо, все предпосылки имелись.

Дмитрий сделал глоток остывшего кофе, который тут называли «эликсиром черных зерен» или «слезами стихии» по аналогии с обсидианом. Привыкнуть к довольно большому и богато инкрустированному кубку было сложно. Ну, это понятно, откуда древней цивилизации знать об «эсперссо» и маленьких чашках? Даже вкус напитка был иным. Скорее всего, потому, что здесь не научились добавлять в кофе химию ради улучшения вкуса.

Он запретил себе ближайшие несколько часов вспоминать о той, которую увидел в роскошном зале дворца. Гасил легкую дрожь усилием воли, стоило вспомнить ее глаза и ту самую ауру силы и женственности, которую не стереть из памяти никакими ластиками. Не хотел себе признаваться, что таких женщин, как правительница Лаэр, невозможно не заметить. Их невозможно забыть и вычеркнуть из сознания. Можно попытаться воспротивиться этим чарам, но именно с таким волшебством, иначе назвать язык не поворачивался, Савичев столкнулся впервые.

«Первым делом самолеты, ну а девушки потом» — так он сказал себе, через силу визуализировав в голове иную картину: диссертация, по меньшей мере, на триста страниц. Захватывающие иллюстрации. Мировое признание. Если бы еще был фотоаппарат... да хотя бы пленочный, мир шокировало бы подобное открытие.

Конечно, если он отсюда выберется. Ключом к portalу по-прежнему оставалась матриарх. И главное — не позволить себе расслабляться раньше времени, не дать этому очарованию царственной особы спутать все карты. Все будет справедливо: эта девчонка привыкла использовать мужчин ради собственного удовольствия. Он сделает то же самое, но, помимо наслаждения, с целью получить выгоду.

Портал. По теории, «кротовые туннели» не могут быть замкнутыми. Культ Бога времени, который процветал на этой земле, только подтвердил догадки Савичева. Об этом говорили неохотно, но то, что матриарх имеет дар напрямую говорить с Хроносом и иметь с этого выгоду, было понятно из обрывков речи.

Час назад Дмитрий с трудом удержался, чтобы не сделать удушающий захват отмороженному Критию и не выудить из него максимум информации. Отчего-то, несмотря на теплый прием, сразу понял, что ничем хорошим подобное не закончится. Цивилизованность этого общества уже имел удовольствие наблюдать в лагере Оцилл. Куда она делась, когда его собрата по несчастью распинали на поляне под ритуальные пляски? Во дворце, несмотря на роскошь, ангелоподобный вид королевы и отношение к нему, как к равному, наверняка действуют куда более жестокие законы. Хотя бы из соображений сохранения авторитета. Проверять эту теорию на себе не хотелось. Савичев не воевал с женщинами, по крайней мере, в прямом смысле этого слова. Здесь куда проще (и приятнее) добиться поставленной цели хитростью.

Сейчас, расчерчивая грубое полотно стилосом, который не оставлял достаточно четкого следа, скорее, напоминал вдавленные линии, Дмитрий даже не задумывался о том, что уже по привычке отметил ключевые стратегические точки столицы древней империи. В науке, как и на войне, этот подход пользовался одинаковой популярностью. Если бы у него имелась в распоряжении армия, готовая напасть на город, сразу получила бы хорошее преимущество.

Но воин в Савичеве временно отдыхал. Это был звездный час исследователя, профессора с мировым именем, который ради открытий мог мириться со многими неудобствами. Не использовать столь уникальный шанс на максимум было равносильно профессиональному суициду.

Допив наконец-то остывший кофе, Дмитрий отошел к окну и окинул свой набросок критическим взглядом. Даже немного покорило от чувства вины. Сколько раз он чертил схему погибшей столицы Атлантиды и даже не подозревал, насколько сильно ошибался в реконструкции архитектурных строений. Атланты знали толк в военной хитрости, что казалось почти невероятным. Особенно учитывая тот факт, что этим миром правили женщины. Планировка акведуков, оборонительной стены и само расположение дворца с открытой пристанью на первый взгляд казалось стратегически непродуманным. Но Савичев не привык недооценивать предполагаемого противника: то, что казалось непродуманным, наверняка было создано для создания неверного впечатления у гостей столицы. А ведь не все приходили сюда с добрыми намерениями.

Подумав, Савичев отметил несколько стратегических точек, снабдив их комментариями. Да, это та еще неприступная крепость. Отсюда не сбежать, даже если будет полная свобода передвижения. Лучше бы Ведикусу найти корабль в ином порту.

Он потерял счет времени за этой работой. Да и часы, то есть «меры масла», здесь бежали по-иному. Даже голод не стал препятствием увлекательному занятию, хотя пальцы с непривычки сводило от неудобных канцелярских принадлежностей этого времени. Решив, что многие упущенные детали обязательно воскреснут в памяти после полноценного сна и хотя бы какой-то определенности, Савичев стянул холст с треноги-подрамника. Сам не понял, отчего пришло решение спрятать полотно, никто ведь ему не запретил рисовать. Да и предполагал, что непременно вернется в эту комнату.

Мужчина не испытывал никакого волнения. Только предвкушение и радость первооткрывателя. Такая уникальная возможность могла представиться исключительно во сне или в самых смелых фантазиях. То, что произошло, казалось настолько невероятным, что сыграло с ним злую шутку, а именно — сбавило градус осторожности. Но сейчас, окрыленный скорым успехом и оптимизмом солдата удачи, Савичев об этом не задумывался.

Солнце стояло в зените. За окном, забранном ажурной решеткой, открывался вид на далекие горы с заснеженными шапками вершин. Может именно поэтому тоска по родному дому не отравит его интереса исследователя. В условиях полярной зимы было куда скучнее.

Когда в дверях послышался скрежет ключа и появился Критий в сопровождении двух стражей, Савичев не стал задавать лишних вопросов. И видимо, не зря. Гостя из будущего проводили в большую купальню, где уже ожидали две молодые красавицы, смуглокожие и полуобнаженные. Они встретили его, собственно, как и положено было в данном случае: любопытством и чарующим смехом. Но при этом в их глазах и жестах не промелькнуло ни капли смущения или неловкости. Похоже, подобные чувства вообще были незнакомы атланткам.

Дмитрий не осознавал в тот момент, насколько расслабился и утратил бдительность,

попав в этот райский оазис. О том, что стрелы Лаэртии уже пронзили его сердце, он тогда не догадывался. А именно это и произошло, запустило первый сигнал тревоги в виде расслабленности, ранее ему несвойственной. Все происходящее напоминало ирреальную сказку, в которой не может произойти ничего непредвиденного.

Девушки при всей своей любознательности на попытки втянуть их в разговор не отреагировали. Скорее, удивились тому, что мужчина взял на себя смелость подать голос. Переглянулись с недоумением и достали ножи, как оказалось, чтобы разрезать на нем футболку.

«Легко не будет», — догадался Савичев, когда ни одна из прелестниц не отреагировала на его рельефный пресс. Разрезать брюки он им не позволил. Уже не рассчитывая произвести впечатление на этих молоденьких, но, судя по всему, пресыщенных подобным зрелищем красавиц древней Атлантиды, медленно разделся.

Вода мраморной купели смыла усталость, вызвав сонливость. Девушки знали свое дело, когда намыливали тело мужчины и поливали водой с помощью амфор: действовали уверенно, не вкладывая в этот процесс никакого эротического подтекста. Но все равно, Дмитрию пришлось делать над собой усилие, чтобы не позволить фантазиям о белокуром видении в изумительном платье окончательно лишиться себя рассудка. Он догадывался, что долго скучать не придется. При всем своем величии, Лаэр не сумела скрыть интереса и в чем-то даже восхищения. И еще он увидел главное: царственная красавица нервничала. Это только играло на руку.

После того, как ему дали вволю расслабиться в купели, охрана дворца принесла довольно удобную одежду. На ощупь — из шелка цвета грозового неба с узорами вышивки. Девчонки, видимо, получили четкое указание не спускать с гостя матриарх глаз, поскольку попытались сами помочь ему одеться. Эта гиперопека надоела, и Дмитрию пришлось остановить их тяжелым взглядом. Не то, что они испугались, скорее, махнули рукой. Помогли охране сервировать стол легкими закусками, основу которых составляли фрукты, по большей части знакомые, и удалились.

Савичев не отдавал себе отчета, насколько сильно проголодался. Съел все, прекрасно понимая, что силы ему пригодятся. После трапезы явился распорядитель полиандрии матриарх. Дмитрий настолько расслабился, что всерьез полагал, что Критий пришел для того, чтобы устроить ему экскурсию по дворцу, что даже не стал задавать вопросов. Но когда они оказались в тенистом саду, а сопровождающий не спешил рассказывать о том, куда же они направляются, Савичев заподозрил неладное. Откуда-то доносились звуки мелодичного музыкального инструмента и гул голосов. Мужских.

Как только перед ними открылась обширная лужайка у фонтана, Савичев мотнул головой.

Он поспешил назвать эти голоса «мужскими». С десятков парней, напоминающих клубных танцоров неопределенной сексуальной ориентации побросали свои дела при появлении Крития. Музыка стихла.

До Савичева не сразу дошло, с какой целью эта компания перепуганных метросексуалов, если не сказать грубее, собралась здесь. А потом он сопоставил все факты и... наверное, все же не удивился. Запрокинул голову и расхохотался, то ли осмеивая недалекий вкус Лаэртии, то ли от некоего фарса всего происходящего. Распорядитель полиандрии повернулся к нему, и взгляды десяти наложников и Крития были до неправдоподобного похожи.

— Здорово, братва!

Дмитрий так и не смог окончательно успокоиться. Да еще эти парни, напоминающие телок, таращились на него, открыв рот, словно впервые увидели кого-то, мало их напоминающего. Повторил свое приветствие на санскрите, заменив «братву» словом, близкому по значению к «обладающим силой и отвагой».

Да, он и не подозревал, насколько запуганными и лишенными права на собственное мнение были эти мальчики разных рас с практически одинаковыми субтильными строениями тел. Только парочка, видимо, самых смелых и умных, если можно было так выразиться, с недоумением переглянулись, услышав подобное обращение. Никто не проронил ни звука.

Чувство нереальности происходящего нахлынуло, подобно волне. Казалось, сейчас этот коллектив сладких мальчиков синхронно побросает свои дела (лютни, фрукты, свитки пергамента, стилосы и кисти), поднимется во весь рост и как по команде устроит танцевальное шоу, удивив поразительной синхронизацией движений. Где-то обнаружатся скрытые динамики и колонки, из которых загрохочет современная ритмичная музыка, невидимые камеры отснимут его изумление до малейшего сокращения мимических морщин, после чего сад заполнится актерами одного юмористического шоу, которые наперебой завопят: «Вы стали участником розыгрыша».

Это было бы хорошо и плохо одновременно. Хорошо потому, что не пришлось бы искать способы вернуться в свое время. Постигать азы древнего этикета и ухаживаний, когда достаточно пригласить красивую актрису в бар кинопавильона и там добить своим обаянием.

И плохо, пожалуй, потому, что все оказалось обманом. Красиво и грамотно режиссированным, но обманом...

Опомниться Савичеву не позволили. Как и познакомиться с коллегами по цеху, хотя он не горел особым желанием издеваться над этим перепуганным стадом красавчиков.

— С тобой желает говорить бывшая матриарх Атлантида, — холодно сказал Критий. — И бойся навлечь на себя ее гнев, потому как не доживешь до захода дневного светила. Она подобной дерзости никому не прощает...

...В том, что по части коварства, интриг и недюжинного ума с первыми леди древнего мира не мог сравниться никто, Савичев понял не сразу. Не то чтобы он привык слепо доверять любому сказанному слову или терять голову от женских чар даже такого высокого уровня.

Просто когда тебе предоставляется по своей сути фантастическая возможность — перенестись во времени в ту историческую эпоху, интересом к которой ты горел едва ли не с детского сада, все прежние жизненные устои временно оказываются за бортом. Если есть место волшебству, в которое прежде не верил в силу врожденного скептицизма, все остальное кажется ирреальным. Хотя и говоришь себе, что ситуация под контролем и даже веришь в это, все равно позволяешь себя обмануть. Здесь не то что время, сама реальность иная, что не может не наложить свой отпечаток на восприятие.

Бывшая царица великой матриархальной империи занимала обширные покои с видом на голубую гавань залива. Лучи послеполуденного солнца как раз прорезали ажурные решетки оконных проемов, заиграли голубоватыми переливами на резном перламутре, которым были инкрустированы мраморные стены. Потрясающий контраст с золотом шелка и других деталей интерьера. Покои Атлантиды, как потом понял Савичев, очень четко

соответствовали ее характеру: теплое золото обволакивающей харизмы и холодный опал хладнокровия создавали контраст, чарующий своим непознанным очарованием.

Что Савичеву было известно об этой сиятельной красавице, не утратившей своей красоты, невзирая на возраст? Сейчас все события этого мира вертелись вокруг новоявленной матриарх Лаэртии, Атлантиду же вспоминали с теплом и почтением. Но так ли это было на самом деле? Что знал народ о королеве, которая правила твердой рукой более тридцати зим и сделала предостаточно для процветания империи? Только то, что им позволили видеть, оставляя закулисную жизнь, полную интриг, для внутреннего пользования. Женские войны всегда коварны и бессердечны. Войны за власть.

Не имело значения, что Атлантида оставила пост и передала дочери, по сути, идеальное государство. Многие бы успокоились на этом, сбросив бремя власти на плечи своей кровной родни. Увы, история неумолима: власть — самый сильнодействующий наркотик, от которого добровольно отказываются только безумцы. Эта величественная женщина к таковым не относилась.

Фалды подола лазурно-голубого одеяния бывшей царицы лежали на мраморных плитах, а сама Атлантида, даже не задумываясь о том, что подобная поза мало подходит царице, стояла на коленях, склонившись над доской непонятного назначения, уставленной золотыми фигурками. И только заметив рядом с женщиной малышку лет пяти, склонившую светлую головку над доской, Савичев понял, что это напольная игра.

Атлантида при его появлении даже не подняла головы. А вот крошка повернулась, открыв рот от любопытства. В ее голубых, словно воды горного озера, больших глазах отразилось изумление и восхищение. Она уставилась на Дмитрия, как на чудесное явление, выронив из рук золотые фигурки и засунув в рот палец.

Девчушка была чем-то похожа на Лаэртию. Дочь, в этом сомнений не оставалось. То ли глазами, то ли похожими движениями — детскими, угловатыми, но все же неуловимо похожими. Ее кожа была светлее, чем у женщин империи, и глаза более холодного оттенка. Но из-за детской непосредственности они совсем не отталкивали, а скорее располагали к себе, вызвав у Дмитрия мгновенную улыбку.

Крошка отреагировала так же, как все маленькие девочки ее возраста. Опустила глаза и отвернулась, скрывая очаровательную улыбку. Но все же не выдержала, вновь повернулась и тут же с лукавым смешком подвинулась ближе к Атлантиде, уткнувшись носом в ее грудь.

В первый и последний раз Савичев увидел нежность и искренность на лице бывшей королевы: именно в этот момент, когда она обняла внуку, прижав к себе, и поцеловала в пробор светлых волос.

— Ксения, — мелодичность этого языка, похожая на напев, ласкала слух, — иди с наставницей и удели время знаниям; время для утех и забав ныне исчерпано.

На лице юной принцессы промелькнула тень раздражения и недовольства. Она резво поднялась, топнув ножкой, и скрестила руки на груди, замотав головой:

— Не хочу!

— Надо, моя горlinkа, — вкрадчиво проворковала Атлантида. — Ты же хочешь однажды пойти по стопам своей матери и сесть на трон?

— Нет! Я хочу играть! Сидеть на нем скучно!

— Не время затевать спор, дитя. Ну же, сделай то, о чем я попросила. Мы позже завершим наши игры, обещаю!

Незамеченная Дмитрием женщина с волевым лицом в темном платье вышла вперед,

взяв девочку за руку, направилась к выходу из покоев. Маленькая Ксения сникла было, но, когда проходила мимо Крития с Савичевым, подняла глаза, в которых вновь загорелся тот самый хитрый огонек очаровательного детского кокетства. Дмитрий только чудом не обернулся ей вслед, не осознавая, что не смог не улыбнуться в ответ.

— Гордый дух чужеземца стал мягок, подобно воску, от одной лишь улыбки ребенка?

Атлантида наблюдала за ним из-под опущенных ресниц, делая вид, что занята разглядыванием золотых фигур на доске. Мужчина уже открыл было рот, чтобы ей ответить, но Критий ощутимо ткнул его кулаком в поясницу, призывая молчать.

— Войди в мои покои и отведай со мной черный нектар, чужеземец. Нам предстоит долгая беседа. Критий, позаботься о том, чтобы моя дочь не узнала об этом разговоре.

Дмитрий подчинился. Атлантида сделала жест рукой, приглашая визитера присесть, и с грацией, свойственной редкой юной девушке, поднялась на ноги. Улыбка экс-матриарх казалась теплой и дружелюбной, но ее глаза не улыбались. Смотрели холодно и бескомпромиссно. И все равно, Савичев заметил, что никто не смотрит на него, как на человека низшего сорта. А ведь отношение к мужчинам в этой стране было притчей во языцех среди оцилл.

Он не сразу заметил девушек, тех самых, что прислуживали ему в термах дворца. Узнал исключительно улыбку одной из них и длинные пальцы, которые держали амфору с кофейным нектаром. Красавица наполнила кубки и поклонилась матриарх перед тем, как отойти в сторону. Вторая поставила на столик блюдо с фруктами и сладостями.

— Ну так поведай мне, не похищая меры масла, чужеземец, откуда ты пришел на самом деле?

Атлантида опустила на софу, ловко подхватив кубок из рук девушки.

Савичев призадумался, сделав вид, что изучает обстановку комнаты. Придумывать «край света» и рассказывать небылицы не имело смысла, он понял это сразу. Когда ты встречаешь настолько умного собеседника, на чьей стороне к тому же опыт, который тебе не снился... чувствуешь себя придурком в стремлении его обойти нелепыми сказками.

— Иное время. Будущее, матриарх.

— Как тебе, должно быть, сообщили, Димитрий, я давно уже не ношу этот титул. Он отобран моей дочерью, с ней ты имел честь сегодня вести беседу в тронном зале. И которую вы наверняка продолжите с закатом солнца.

О, это было сказано не просто так. Атлантида непроизвольно подалась вперед, чтобы ни упустить малейшего колебания в лице собеседника. И, наверное, ей было, на что посмотреть. При упоминании Лаэртии по венам Савичева побежали всполохи пламени, успев ослепить невероятными картинками, которые вогнали бы в краску кого угодно. Как он не старался держать себя в руках, все же не смог полностью взять эмоции под контроль.

Бывшая царица ожидала именно этого. Умная и опасная, несмотря на внешнюю доброжелательность, она как будто смотрела в глубину его сущности и прощупывала слабые стороны собеседника. Легкая улыбка тронула красивые губы Атлантиды.

— Благодарю тебя за то, что не стал оскорблять мой слух ложью во благо, чужеземец. Ты мог смутить разум Лаэр своим повествованием о крае света и диковинных землях, но мой жизненный путь был куда более долог, чтобы принимать подобное на веру.

Она сделала паузу, отпив из кубка и устремив якобы задумчивый взгляд на залив за окном. Савичев кожей ощутил, что с ним ведут запутанную игру, в которой будет очень трудно победить. И, что еще вероятнее, так же сложно будет безошибочно выбрать сторону

потенциального победителя.

— Ты разумен. Это в твоих глазах. Понимаешь, о чем пойдет наш разговор, который, я настаиваю, ни в коем случае не должен дойти до моей дочери? Ни в порыве страсти, ни в стремлении присягнуть ей на верность. Потому как я презираю глупцов и неискренних людей. Особенно тех, к кому проявила свое расположение и не стала уподобляться невеждам, полагающим, что самец не достоин вести с атланткой беседу, как с ровней. Лаэртия получила империю, которая процветает и не знает горя. Но так было не всегда.

Савичев отставил кубок и, почувствовав себя важным гостем, сделал небрежный жест, призывая девушку с амфорой. Но в то же время искоса посмотрел на экс-матриарх, отметив, что она довольна таким вот поведением, как будто специально расставила силки. Сама по себе открытая вербовка бывшей королевой заставила проявить осторожность, принять правила игры на чужом поле, как свои собственные.

Он недооценил противника. Столкновение двух настолько разных культур не могло закончиться ничем иным. Но сейчас проще было пообещать этой умудренной опытом интриганке хоть поддержку вооруженных сил Украины и присягнуть на пожизненную службу, чем пояснять, почему ты не в состоянии этого сделать.

Помимо этого, была дополнительная выгода. И последующие слова Атлантиды только подтвердили это.

Она завела свой разговор издалека, пытаясь вывести как можно больше о военной мощи его родных земель. Каким образом странные конструкции (на этом бывшая царица продемонстрировала фотоснимок и указала на вертолет военного класса) поднимаются в воздух? Савичев изобразил на лице глубокое сожаление и тоску от того, что не может ответить в силу собственного незнания и сослался на то, что никого из их народа не пускают в тайные лаборатории, где создают такое оружие.

Когда Атлантида достала оптические линзы, Дмитрий кожей ощутил ее волнение и любопытство. Чем оно было вызвано, сразу не понял, но пообещал себе, что обязательно докопается до истины. Пока что археолог не испытывал сильного дискомфорта от того, что его по сути зажмут в тиски с обеих сторон: с одной стороны отошедшая от дел матриарх, с другой — ее правящая дочь. Любые сведения, которые все равно мало пригодятся этой империи, ибо нефиг, как говорится, качать эффект бабочки. Зато он сообразит, как использовать знания о культе Бога времени, чтобы вернуться домой, в свое время. Если Лаэртия сочтет ниже своего достоинства говорить с ним на эту тему, Атлантиду можно будет купить некоторыми сведениями. Хотя бы в отношении оптики видел же, как ее глаза загорелись. Этот раздел физики был его хобби. В случае чего — обмен опытом и никакого мошенничества.

После разговора с матриарх осталось двоякое чувство. Вроде как Савичев чувствовал свое превосходство, но в то же время не мог избавиться от тревоги непонятной этиологии.

Не гори он так сильно предвкушением randevu с прекрасной матриарх, чары которой пусть не сразу, но все-таки пробили его панцирь невозмутимости, может, уделил бы большее время разработке стратегии поведения в этом женском царстве, где шла незримая холодная война за власть. Предпочел сделать вид, что не понял довольно прозрачных намеков Атлантиды доносить о том, что услышит из уст Лаэртии — это их семейные разборки. Покинул покои этой необычной женщины в сопровождении слегка растерянного Крития и даже не удивился, когда тот сообщил ему, что Лаэртия Справедливая откроет свои покои для гостя на закате солнца.

Когда за Дмитрием закрылась дверь, бывшая матриарх поднялась с софы и хлопнула в ладоши. Девушки-прислужницы, поклонившись, быстро ретировались в задрапированный портьерами дверной проем, перед этим пропустив вперед высокую женщину с высокой прической Пантеры и грубым умным лицом.

— Моя матриарх, — с благоговением проговорила грозная амазонка. Атлантида указала ладонью на софу.

— Ты слышала нашу беседу, моя дрожайшая подруга. Хочу знать твое мнение относительно этого самца с душой не то воина, не то отравленного самолюбованием и самообманом простака.

Женщина промолчала. Затем покачала головой:

— Не стоит его недооценивать. Он поспешил попасть на ложе к Лаэр, а ведь всем до него для этого понадобились долгие зимы ожидания. Как бы он не пошел тропой будущего вольного спутника. Тогда моя матриарх не найдет на него управы.

Атлантида низко рассмеялась:

— О нет, Каталисия. Для моей дочери он не станет больше, чем преданным рабом. Я уж об этом позабочусь. Но тебе есть, чем меня порадовать?

— Конечно, великая Атлантида. Вот, что он даже не потрудился скрыть. Твоя дочь отравила его рассудок своим томным взором настолько, что он утратил бдительность. — Каталисия протянула бывшей правительнице свиток пергамента.

Несколько масляных капель Атлантида изучала схему акведуков, нарисованную рукой Савичева. После чего презрительно улыбнулась и вновь рассмеялась долгим, чарующим смехом:

— Вот ты и выдал себя, воин далеких земель. Теперь у тебя не остается иного выбора, кроме как стать моими очами и слухом в постели моей своенравной дочери!..

Солнце пересекло линию горизонта и утонуло в пучине океанским вод, оставив золотую дорожку, которая еще долго алела на водной глади в приближающихся сумерках. Закат в империи давно поразил Савичева своим красочным великолепием — ничего подобного в его мире видеть прежде не приходилось. Невообразимо яркие звезды зажигались на небосводе как минимум за меру масла до захода дневного светила, создавая фэнтезийный пейзаж. И если он о чем-либо тосковал в этот момент, то исключительно по фотоаппарату с хорошим разрешением.

Все осталось вне памяти и времени: воспоминание о той самой оргии на лесной поляне, которая шокировала своей жестокостью, высокая вероятность того, что он может так и не вернуться в свое время, разговор с Атлантидой, оставившее после себя ощущение тревожности и недооценки ситуации. Вдвойне странно было так утратить бдительность для такого человека, как он: на поле боя подобное привело бы к неминуемой смерти.

Нет, сейчас он не думал о вероятной опасности, хоть и ощущал ее приближение шестым чувством. Тем самым, которое не могли убить никакие обстоятельства и которое так легко выключил чарующий голос Лаэртии, ее нежный, обволакивающий магнетизмом взгляд и нечто еще. То, что лишило выдавшего виды любимца женщин и завоевателя их сердец самообладания.

Он пытался сопротивляться, при первой встрече убедив себя, что эта прекрасная Лаэртия Справедливая всего лишь избалованная девчонка, которой престол достался по наследству без малейшей капли крови. Что весь интерес этой женщины сводится к драгоценностям, плотским утехам и роскошным нарядам.

Этой мантры хватило ненадолго. Можно было сколько угодно отрицать то, насколько она умна, утонченна и благородна. Но обманывать самого себя, утверждая, что этой женщине не удалось задеть сердце, становилось все труднее.

Савичев предвкушал эту встречу как никакую другую прежде. Даже во времена своей молодости не испытывал такого волнения и ожидания. Причем оно не было похоже на обычный плотский интерес.

Впервые Дмитрий осознал, что ему хочется слушать ее голос, внимать речам, пройти тот самый период ухаживания за понравившейся женщиной, который редко когда соблюдал. Просто не считал нужным. Все его состояние можно было охарактеризовать одним словом: «восхищение».

Когда явился уже знакомый ему зритель полиандрии (как оказалось позже, спектр его обязанностей был довольно обширным), терпение Савичева было на пределе. Критий как будто специально томил его ожиданием, рассказывая, как стоит вести себя в присутствии матриарх и как — категорически не стоит. От Дмитрия не ускользнуло, что мужчина был растерян. Позже Савичев поймет, что подобное уважение и разговор на равных проявляли редко к кому, оттого все без исключения смотрели на гостя дворца как на диковинное чудо.

Дмитрий закатил глаза, подражая распространенному интернет-мему, когда бритый зануда завел песню о том, какое же одолжение предоставлено налогоплательщику, оттого что его не стали томить ожиданием наравне с другими, которые ждут долгие декады, прежде чем попасть на ложе к матриарх. Савичев, стараясь выразиться помягче, заметил, что этим ребятам наверняка и друг с другом не бывает скучно.

Он утратил ощущение реальности в ожидании встречи. Чувствовал, как будто за спиной выросли крылья, когда шел по длинному коридору к покоям матриарх вслед за Критием, уже не обращая внимания на роскошную отделку внутреннего убранства дворца.

Звуки музыки — тонкой, переливчатой, чарующей мелодии заставили Дмитрия внутренне вздрогнуть от этого нежного и одновременно чувственного мотива. Мелодия становилась громче с каждым шагом, у покоев матриарх достигла своей самой высокой тональности. Две суровые Пантеры распахнули золоченые двери, приглашая войти.

Савичев забыл обо всем на свете, ослепленный огнями сотни свечей, золотой отделкой стен... и стройной фигурой Лаэртии, склонившейся над большим предметом, напоминавшим арку с поперечными нитями золота. Именно на нем рождалась эта уникальная мелодия, покоряясь нежному касанию пальцев женщины. И от одного только вида прекрасной матриарх в золотых одеждах, склонившейся над музыкальным инструментом, кровь мужчины воспламенилась, сжигая преграды и любую осторожность.

Это пламя достигло сердца и разгорелось с неистовой силой, окончательно поглощая собой все то, что совсем недавно имело какое-либо значение.

Он даже не осознал, что двери бесшумно закрылись за его спиной, Критий и две «пантеры» незаметно ретировались, оставив его и прекрасную Лаэртию наедине. Замер посреди зала, не в состоянии оторвать глаз от чарующего видения.

Матриарх же, казалось, и вовсе не заметила его присутствия; продолжала извлекать мелодию из золоченых струн древней арфы. Ее глаза были полузакрыты, тень от ресниц порхала по высоким скулам с каждым колебанием пламени.

Савичев с потрясающей ясностью понял одно: если до того его чувства к этой женщине, которую он сегодня увидел впервые, можно было назвать обычным интересом, то в этот момент он собственноручно вынул свое сердце и протянул ей, ожидая, когда на нем сомкнутся эти тонкие пальчики, которые умели рождать такую мелодию.

Финальный аккорд, и Лаэртия резко ударила по струнам, запрокинув голову. В этот момент она была едина с музыкой, жила с нею в одном ритме и действительно могла не замечать того, что происходит вокруг. Так ему хотелось убедить в этом себя, тем самым исключив возможность пренебрежения со стороны матриарх.

Она не могла не заметить постороннего, который вошел в покои. Перезвон струн не смог заглушить стук двери. Самая прекрасная женщина из всех, что ему доводилось встречать, не проявила немедленного интереса, особого расположения или элементарного уважения. Даже если сама горела таким же предвкушением, как и Савичев.

В других обстоятельствах археолог переключил бы свое внимание на внутреннее убранство алькова, но в этот раз попросту не смог отвести глаз от матриарх. Движения ее рук заморозили настолько, что он не сразу понял, что музыка прекратилась. Следил, как Лаэртия с утонченной грацией поднялась на ноги спиной к нему и сделала быстрый жест рукой.

Две девушки вышли из ниш за высокими колоннами. Одна подняла музыкальный инструмент и тихо удалилась, другая разлила напиток в высокие кубки и тоже незаметно ретировалась.

— Ты можешь сесть.

Поскольку матриарх даже не повернулась к Савичеву, это распоряжение прозвучало сухо и отчасти равнодушно. Иногда женщины в его присутствии вели себя подобным образом, перенимая мужскую модель поведения и пытаясь показать незаинтересованность,

чтобы тем самым разжечь интерес. Но сейчас в словах и поведении Лаэртии не было ни малейшего намека на игру. Царственная особа довольно хорошо управляла эмоциями и обладала достоинством, несвойственным никому из тех, кого Дмитрий знал прежде.

Он был уже достаточно наслышан о ней, если, конечно, принимать слухи как достоверный источник информации. Знал, что собственный народ обожает свою правительницу, а враги втайне трепещут перед ее силой духа. Знал, что титул «Справедливая» матриарх получила не просто так; о том, что она может быть жестока и непримирима к тем, кто осмелится пойти против ее воли. Но сейчас Савичев не мог отвести взгляда от этой божественной женщины, и даже не в сознании, нет, в самом сердце рождалась иная мелодия, не уступавшая по красоте и силе эмоций той, что ему довелось услышать только что.

Для него не существовало пропасти в силу не то что различных социальных статусов, но даже в силу того, что они принадлежали к разным несовместимым мирам. Панцирь самообладания треснул именно в этот момент. Сердце ускорило свой бег, а в сознании бились хаотичными ударами слова, которые впервые оформлялись в лаконичные и отрывистые формулировки вспыхнувшего желания.

Далекая и близкая одновременно. Лишающая контроля и воспламеняющая кровь. Опасная и манящая, как глубина океанской пучины. Не оставившая ему шанса остаться в стороне и спастись от чувства, которое не имело права существовать.

Разные миры. Эпохи. Тысячелетия.

К черту. Она проникла в его плоть и кровь одним лишь тембром чарующего голоса, взглядом невообразимо прекрасных глаз, нокаутировала обволакивающей женственностью. Она вряд ли сама понимала, как жестоко было с ее стороны побудить чувства в том, кто не имел права ее желать. Кто не имел права находиться рядом, с кем ее разделяли временные и пространственные расстояния, но кто волей рока (или высшей благодати) оказался перенесен в мир прекрасной правительницы. В ее жестокую и такую прекрасную эпоху. Это было изначально неправильно, вопреки всем законам логики и времени... но, будь у Савичева выбор, он бы ни за что не отказался от подобной удачи. Даже зная наперед, что его сердце будет разбито без права на восстановление.

Когда Лаэртия повернулась к нему, по позвоночнику мужчины пронеслась волна пламени. Сладкого и невыносимо чувственного. Хватило всего лишь взгляда ее необыкновенных глаз.

— Не стоит переживать, чужеземец, — один только голос этой женщины мог превратить тигра в покорного ручного котенка, а лед — в паводок весенней оттепели. — Здесь нет никого, кроме нас двоих.

Дмитрий ощутил азарт охотника. Тот самый, который может одной искрой убить робость и растерянность в каждом, кто готов ломать преграды на пути к поставленной цели. Это чувство напоминало каркас крепких размашистых крыльев, которые вырастают за спиной каждого, кого погладила вдоль позвоночника нежданная гостья по имени любовь. Можно отрицать ее появление, обманывать при этом самого себя, но такое малодушие мало что изменит. Единственное, что остается мужчинам с подобным складом характера — убедить себя в том, что это их осознанный выбор, а не экспансия извне.

Поэтому он не отвел взгляда. Даже из соображений вежливости к чужим традициям или риска навлечь на себя гнев королевы этого сказочного и невообразимо прекрасного мира. Никто другой не мог бы олицетворять собой подобное великолепие. Тот самый уникальный

и редкий случай, когда красота, женственность, недюжинный ум, утонченность и властность сплетают собой неповторимый кружевной узор, совершенный по своей сути.

Если в ожидании встречи с матриарх Справедливой Дмитрий позволял себе шовинистские замечания в адрес женщины (сразу принять во внимание различие культур было сложно и недальновидно, на помощь пришел скепсис), то наедине с ней чувствовал что-то сродни чувству вины за подобные мысли. Эта прекрасная женщина с аурой достоинства и самообладания не заслужила ни одной из них.

«Храм Хроноса. Вот, что тебя должно заинтересовать в первую очередь. Не дай ее волшебным глазам лишить тебя разума, иначе навсегда останешься между границами времен», — словно мантру, повторил Савичев, в то же время понимая, что портал в родную реальность сейчас не является приоритетной задачей. Скорее наоборот: явись ему сейчас посреди золотых покоев Лаэртии тоннель «кротовой норы», позволит ему захлопнуться ради того, чтобы сделать шаг навстречу женщине, к которой так сильно влекло. И припасть к ее губам в страстном овладевающем волей и разумом поцелуе.

Она была иная. Далекая и недостижимая. Такая желанная и недоступная одновременно, что мужское начало пришельца из настоящего времени откликнулось на этот очевидный вызов.

В ее безумно красивых, колдовских глазах не было ни страха, ни растерянности. Только тень легкого, отчасти презрительного любопытства, которое не дрогнуло перед лицом испуга или шока, стоило мужчине сделать несколько быстрых шагов вперед. Она даже не свела в немом удивлении точеные брови, похожие на изгиб лука, — но не потому, что подобное поведение представителя угнетенной категории матриархальной империи было чем-то обыденным и привычным.

Лаэртия ждала. Снисходительно. Может, в глубине души забавляясь происходящим и испытывая на прочность того, кто осмелился играть с ней на равных, но готовая в любой момент дать отпор и пресечь недопустимое поведение. А что именно считалось критерием недопустимости, решать только ей в этот момент. Правила меняются довольно быстро.

Легкое, словно взмах крыла бабочки, торжество промелькнуло в бездонных омутax глаз королевы, когда Савичев непроизвольно сглотнул образовавшийся комок в горле. Пальцы слегка дрожали, а разум грозился окончательно уйти в тень, но Дмитрий, поддавшись чарам этой великолепной женщины, нежно накрыл ее щеку ладонью. Кажется, изначально он намеревался сделать это грубее, не сдерживая повадок хищника, но остановился в последний момент. Оскорблять величие царицы плотской страстью сейчас казалось кощунством.

Огромный зал с мечущимися по стенам бликами от огня дрогнул, словно растворяясь в пространстве, когда Савичев ощутил близость Лаэртии. Свежий, словно морской бриз и одновременно сладкий, как астропеус, аромат ее кожи, ее ровное дыхание — неправдоподобно ровное, не совпадающее с биением сердца, которое также было взволновано всем происходящим, как и его собственное. Дмитрий ощутил это шестым чувством еще до того, как прикоснулся к бархатной смуглой коже, провел, не отдавая себе отчета в том, что именно делает, вниз, коснувшись ее подбородка.

Почему матриарх, при упоминании имени которой дрожали даже смельчаки, сейчас простила ему подобное своеволие? Любопытство? Ответная жажда плотского желания? Может, терпеливо ждала, когда мужчина оступится, чтобы одним движением руки подписать ему жестокий приговор за нарушение незыблемых законов? Или просто смелые и уверенные в себе «самцы», как их презрительно именовали в этой империи, были столь

редкими гостями во дворце?..

Эта мысль вспыхнула и погасла в сознании Савичева. Коралловые губы Лаэртии слегка приоткрылись, словно поощряя дальнейшие действия отчаянного смельчака. Но когда Дмитрий, не отдавая себе отчета в том, что именно делает, зажал ее лицо, напоминающее сердечко, в тиски своих ладоней, матриарх одной улыбкой и тенью, вновь промелькнувшей в голубых глазах, удержала мужчину от опрометчивого шага.

— Неужто в прекрасной далекой земле, где рождаются сильные духом и разумом, меры масла летят так стремительно, что ваши достойные мужи спешат любить и действовать, словно их жизни в любой момент прервутся градом летящих стрел? И неужели страх смерти или иной неизбежности столь силен, что может помешать вам вкушать плоды Криспиды с неспешным наслаждением?

В ее голубых омутax кошачьих глаз плясали блики огня и веселья. Если ранее термин «любить словами» в понимании Савичева был аналогом макаронных изделий, то наедине с Лаэртией обретал совершенно иной смысл. Эта женщина могла бы поставить на колени целые города и даже цивилизации одной лишь чарующей силой своего голоса и сладостью нежных речей. Мужчина даже не сознал в тот момент, что позволил матриарх перехватить власть, взять себя за руку и грациозным кивком головы заставить его послушно опуститься на софу, обитую золотым шелком. Что принял из рук самой красивой женщины из всех, что ему приходилось прежде видеть, кубок с напитком, который стремительно пригубил и не подумал, что там может быть яд или что-то наподобие древней «виагры». На его счастье, там оказался всего лишь кофе, пусть и щедро приправленный вином.

— Люди моей страны привыкли не терять времени.

Савичев не понял, почему произнес именно эти слова. Он их не продумывал, казалось, внутренний голос произнес их за него. Решив, что королеве, как и любой женщине, будут приятны изысканные комплименты, улыбнулся, не разрывая при этом зрительного контакта:

— Особенно наедине со столь прекрасной женщиной.

Лаэр слегка покачала головой, не считая нужным скрывать улыбку:

— Всегда речи чужеземцев так похожи, разнится лишь речь и язык их земли. Это волнение или нечто другое?

Черт, эта женщина умела отдавать хорошо завуалированные приказы, даже поддерживая светскую беседу или тонкий флирт. Сейчас она приказала ему отвечать искренне и не раздумывая. Савичев поймет это лишь утром, с первыми лучами солнца.

— Это желание обладать столь совершенной красотой и вкусить ее недоступную сладость.

Скоро он поймет также и то, что за подобную смелость и дерзость его могли в ту же ночь распять на дыбе на центральной площади столицы и наглядно пояснить значение фразы «обладать красотой». Что особое расположение Лаэр сейчас было продиктовано любопытством, плотским интересом и особой корыстью относительно тех предметов, что были при нем обнаружены. Уважение? Нет, ему придется его заслужить, минуя ряд препятствий и проявляя чудеса гибкости и изобретательности.

За глянцевым фасадом рая иногда таится ад для того, кто не обладает навыками выживания в подобных обстоятельствах. Эта империя — мир властных и умных женщин, которых по привычке недооценивали даже в мире Савичева. И недооценивали в силу своей узколобости и нежелания принять тот факт, что женское начало скорее созидает, чем разрушает. Но если кто-то таит в себе угрозу стабильности подобной системы, его участь

незавидна.

А пока он пил кофе, который тут поэтично именовали «эликсиром темных зерен», боролся с непреодолимым желанием припасть губами к соблазнительным устам Лаэртии, напрочь забыв о своем намерении выведать у нее информацию относительно временного портала, связанного, согласно легендам, с Хроносом. А матриарх Атланты не теряла зря времени.

Она словно плела тонкую паутину из золотых нитей своих сладких речей, отнимающих разум. Рассказывала легенды и исторические факты о создании и развитии империи, за которые Савичев еще несколько часов назад готов был продать душу дьяволам и собственного, и древнего миров, а сейчас же попросту пропускал их мимо ушей, сгорая от желания целовать эту неприступную и такую желанную красавицу. А Лаэртия тонко вплетала в свои сети-кружева речей едва уловимые коварные вопросы касательно технологий его мира и, в особенности, найденных линз.

«Стеклышки оказались сильным искушением для женщин, у них стремления подобному не отнять», — на миг подумал Дмитрий и сам не понял, что вкратце описал технологию их создания и основные функции. Кажется, даже пообещал Лаэртии показать процесс их обработки, радуясь, словно школьник, когда матриарх ударила в ладоши с самодовольством, которое не пыталась скрыть.

Она была опасна. Но умела настолько мастерски это скрывать за обволакивающим обаянием невероятной женственности, что Савичев не сразу понял, как легко попал на крючок Лаэр.

Сейчас ему было все равно. Особенно когда эликсир кофейных зерен был выпит, по телу разливалась восхитительная нега, кровь бурлила от едва сдерживаемого желания обладать красивой женщиной, которая не ограничивала его в этом стремлении, не загоняла в рамки правил. Наоборот, молчаливо поощряла.

И все же он вряд ли ошибся в ту ночь. Всегда, при любых обстоятельствах мужчина знал наверняка: сумел вызвать в женщине ответные чувства или же с ним просто напросто играют.

Он не ошибся. Но не знал, что есть такая категория женщин, которых чувства превращают в жестоких и непримиримых, потому как являются для них недопустимой слабостью. Но это не мешает им гореть в полную силу, сжигая в своем пламени гордость и высокомерие.

Просто в его мире не было таких, как Лаэртия Справедливая.

Сейчас же Дмитрий не задавался столь глобальными вопросами. Лаэр отставила кубок в сторону и поднялась с софы под жаждущим взглядом Савичева. Подняла руки, развязав узел, который удерживал ее платье на плечах, одним уверенным грациозным движением, и с чарующей улыбкой на устах, призывающим к поцелуям, сделала шаг навстречу мужчине.

— Что ж, чужеземец, мое любопытство не только не утолено, оно разгорелось неистовым пламенем. Покажи, как неистово умеют любить в твоей далекой Окраине. Люби меня как гость, не зная запретов; но опасайся вызвать во мне разочарование, ибо подобное я не прощаю...

Последние слова матриарх потонули в утробном рыке изголодавшегося зверя, которого и без того непростительно долго мучили правилами этикета и светскими беседами. Золотая материя скользнула на пол по грациозному стройному телу Лаэртии, обнажая высокую грудь с вершинами темных твердых сосков.

Савичев утратил голову в тот момент, терзая губами ее податливые уста, стараясь не причинить излишней боли, разжигая в теле прекрасной королевы ответное. Такое же неистовое желание. Эффект бабочки, вероятность никогда не поспать домой, разные реальности — все это утратило свой смысл именно в этот момент. Осталась только страсть.

Жадная.

Неистовая.

Не подчиняющаяся никаким правилам и сметающая все на своем пути...

Их языки сплелись в понятном на уровне рефлексов танце страсти — искренней, неподдельной и ломающей все на своем пути. Лаэртия не опешила от такого напора мужчины. Скорее, приняла этот скрытый вызов извечного соперничества двух начал во всеоружии обольщения и женственности. Страстно и вместе с тем нежно, без излишней грубости возвращала этот поцелуй, нежно скользила теплыми ладонями по плечам Савичева.

Он и сам не понял, как ловко матриарх справилась со шнуровкой его туники. Едва сдержался, чтобы не погрузить пальцы в ее волосы у самого затылка, повинуюсь безотчетному инстинкту намотать их на кулак, словно завоеватель начала времен, узревший свою истинную пару. Пришлось оторваться от сладкого источника ее алых губ, чтобы воздеть руки кверху, позволив женщине стащить с него ставшую тесной рубашку из тонкой ткани. Ее пальчики погрузились в его волосы, но с совсем иной целью: она словно внушила этим прикосновением, что спешить некуда. Впереди долгая ночь.

Савичева буквально разрывало от противоречивых эмоций. Часть мужчины хотела обладать ею с неистовством завоевателя. Повалить на пол, впиться губами и, не исключено, даже зубами в золотистую нежную кожу, пусть крики боли и изумления переходят в стоны сладострастия... И в то же время он хотел подарить ей весь мир. Отнять у себя и подарить ей. Чувства сделали его безумным и готовым на все ради счастья обладать этой фантастически прекрасной женщиной.

Она подарила усладу его слуху, когда Дмитрий обнял тонкую талию Лаэртии и поднял ее над полом. Сладострастно застонала в его губы, уже не считая нужным скрывать, как сильно воспламенили кровь поцелуи мужчины. В потемневших глазах, которые казались почти черными от расширенных зрачков, промелькнула искра изумления. Но Савичев мог и не ловить ее взгляд в тот момент: ощутил кожей, каждым нервом, как тело и сознание женщины устремилось навстречу ему.

Сердце, казалось, готово было разорваться от восхитительных противоречий. Пульсировало в висках оглушительным набатом, и только горячий поцелуй мог хоть на миг успокоить его бешеную пляску. Горячие губы матриарх, точеная шея, острые ключицы, высокая грудь, — ни один миллиметр кожи женщины не остался без поцелуя. И когда мужчина опустил свою драгоценную ношу, королеву, которую уже мысленно назвал своей, на мягкий шелк софы, время остановилось.

Лаэртия не стала пассивно принимать ласки. Ее ладони заскользили по его затылку, по широкой спине, без смущения и какого-либо промедления развязали шнуровку шелковых брюк. Горячее дыхание матриарх обжигало ушную раковину, а от хриплых несдерживаемых стонов плавилась барабанные перепонки.

Она была такая горячая, восхитительно влажная и тесная. Такая податливая и жаждущая. Длинные ноги женщины сомкнулись на его поясице, тело выгнулось навстречу в немом стремлении слиться воедино в самом восхитительном единении души и тела.

Мир рухнул. Уже непонятно какой: древний, настоящий или же нить связующего эти

миры портала. Ничего больше не имело значения. Лаэртия толкнула восхитительные бедра навстречу, принимая напряженный фаллос мужчины в свои тесные глубины. Ее зубки непроизвольно сомкнулись на мочке уха любовника, и от этой легкой боли новый заряд сладостных искр воспламенил его кровь.

Она двигалась навстречу его размеренным толчкам, теряя голову так же, как и он сам, в погоне за наслаждением. Никто из них не стал сдерживать рвущееся удовольствие, словно негласно договорившись пить изысканный напиток сладострастия вволю и без ограничений. Когда Савичев, не сумев удержать неистового крика освобождения, излился в нее мощными толчками, Лаэр впилась в его спину острыми ноготками, и ее стон потонул в аккордах затихающего крика мужчины.

Ему хотелось ее обнять. Сжать в своих объятиях и утопить в нежности, никуда не отпуская. Но Савичев забыл, кто перед ним. Лаэртия грациозно спрыгнула с софы, не стесняясь своей наготы и едва удостоив мужчину своим вниманием. Только после того, как подошла к небольшому возвышению и наполнила свой кубок, чтобы сделать пару глотков, с насмешкой произнесла:

— Мне по-прежнему ничего неизвестно о твоей стране, чужеземец. Кроме, пожалуй, одного: ее воины сильны духом и телом не только на поле боя. Я удовлетворена.

Савичеву хотелось ее подколоть в ответ. Но он не хотел, чтобы она повернулась и лишила его потрясающего вида своих округлых ягодиц и длинных ног.

— Однако мы так и не добрались до моего ложа. Следуй за мной.

Это был завуалированный вызов. Тем более что Лаэртия медленно направилась к алькову, который, вероятно, вел в спальню, не обратив внимания, уверенная в том, что Дмитрий следует за ней.

Ну-ну. Савичеву захотелось преподать урок этой высокомерной красавице, которая вела себя так, как часто поступал он сам после близости. Несколько уверенных шагов, и Савичев сомкнул свои руки на тонкой талии матриарх. От изумления она безропотно позволила мужчине развернуть ее лицом к себе. Глаза потемнели от негодования, губы приоткрылись, намереваясь остановить дерзкого смельчака, но Дмитрий поспешно опустился на колени у ее ног, переместив ладони на стройные бедра своей царственной любовницы. Он даже не понял, что его член снова восстал.

Припал губами к нежной плоти ее малых губ, ощутив, как напряженные мышцы женщины расслабились под нежным давлением языка. Желая окончательно лишить красавицу невозмутимости и унести в свой собственный рай, толкнулся в тесные ворота ее женственности, имитируя толчки члена.

Руки Лаэр до боли сжали его волосы, вынуждая действовать решительнее. Это не было унижительно. Матриарх полагала, что имеет над ним власть, тогда как он сам сейчас держал ее волю на кончике собственного языка. Когда судорога оргазма выгнула тело атлантской правительницы в его руках, а тесные створки вагины затрепетали в сладкой разрядке, Савичев обнял ее колени, удерживая, не позволив упасть.

Тогда он решил, что торжествующий смех Лаэртии Справедливой был всего лишь игрой его воображения...

Первые блики рассвета слегка тронули горизонт над безбрежной гладью океана, коснулись оранжевыми перстами колонн акведуков и брусчатки площади.

Столица Атланты безмятежно спала. Но были в этот час ускользящей ночи и те, кого

сон миновал.

Наблюдатели башен. Стражи пристани. И еще те, кому полагалось спать и видеть сладкие сны в столь ранний пик солнечного круговорота.

Во дворце царила сонная тишина. Но в покоях для великих гостей мерцали отсветы пламени.

На лице великой некогда матриарх Атлантиды Мудрейшей пролегла тень усталости и разочарования. Свечи почти догорели, эликсир в кубке давно остыл, но бывшая правительница не замечала обеспокоенных взглядов верной Каталисии, которая безуспешно пыталась успокоить свою преданную подругу и уговорить ее лечь спать.

— Чужеземец — ценный источник информации, моя матриарх, — тихо увещевала Пантера. — Разговоры отнимают не одну меру масла, тебе ли не знать, Мудрейшая?

— Он остался на ложе с моей дочерью до рассвета. Это то, чего я так опасалась. Мы обрели в его лице нового Ария. Но более мудрого и опасного, обладающего такими знаниями, что с легкостью позволят ему управлять рассудком Лаэр. Я не намерена этого допустить. Змею стоит умертвить сразу после рождения, Каталисия.

— Что ты намерена делать, Атлантида?

— В этот раз действовать. Лаэртия убедится, что пригрела врага на своем ложе и у своего сердца.

Атлантида бросила долгий взгляд на чертеж Савичева. Жестокая улыбка тронула ее губы.

— До заката солнца этот смельчак будет носить клеймо раба империи. Я не столь молода, чтобы ждать долгие зимы, прежде чем настанет удобный случай избавиться от него. Как от Ария при том восстании...

— А Лаэртия? Ты же так жаждала, чтобы ее сердце вновь отогрелось. Неужели отнимешь эту надежду?

— Лаэртия должна заниматься империей и любить того, кто будет ей покорен во всем. Без права на собственное мнение.

— Матриарх не полюбит недостойного. Она отдаст свое сердце сильнейшему, как и ты в свое время.

— О, сила чужеземца растает на закате. Поверь, Лаэртия не захочет его после того, как он понесет наказание на дыбе под знаком алой ленты.

Каталисия потрясенно уставилась на Атлантиду, впервые в жизни усомнившись в решении той, кому была предана долгие зимы. Но увы, она ничего не могла поделать. Разве что предупредить Лаэртию. Но о чем предупредить? Дмитрий сам подписал себе приговор этим рисунком. Увы...

Лаэртия же не догадывалась о том, какие тучи нависли над головой ее любовника.

Только что произошло то, что уничтожило восхитительное послевкусие прошедшей ночи и заставило ее забыть о жарких ласках чужеземца. Она стояла на лоджии, не замечая великолепного рассвета, замерших в углу Пантер и бледного гонца. Ее руки дрожали, но она с упрямством истинной правительницы перечитывала сухие строки свитка с гербом Спаркалии, надеясь, что истрактовала неправильно эти сухие строки.

«Прекрасная матриарх Справедливая, избранная Богами вершительница судеб и, смек надеяться, преданный друг империи!»

Со скорбью вынужден сообщить тебе горестную весть. Не далее как на закате Фебуса

от второй декады Латима Лучезарная, ставшая для всех нас верным другом и послом доброй воли, пала смертью воительницы в покоях моего дворца, на который был совершен дерзкий набег вместе с попыткой правительственного переворота. В этом неравном бою пал также мой отец, достопочтимый император Аттикус Фланигус. Я скорблю вместе с тобой, Справедливая. Твоя боль стала моей болью, и я готов разделить ее с тобой.

Виновные понесли наказание. Дабы не быть голословным, отправляю тебе их головы. Знай, я корю себя за то, что произошло. Но прекрасная Латима погибла смертью воина. И я беру назад слова моего ныне покойного отца о том, что женичины не достойны носить оружия.

Аларикс Непобедимый, сын почившего в мире Аттикуса Фланигуса, правитель Спаркалии

Скорблю вместе с тобой, Великая Матриарх»...

Конец первой книги

Больше книг на сайте — Knigolub.net